9(C)1
C 891

1/10

152180

Обменный фонд
Моск. обл.
библиотеки

Э.К.
9(с)1
С891.

РУССКІЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ.

Разсказы А. Суворина.

64.
15218

I. Патріархъ Никонъ.—II. Ермакъ, покоритель Сибири.—
III. Боярин Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ПАТРІАРХА НИКОНА.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

Ижл.1.

РУССКІЙ

ЗАИМСТВОВАННЫЙ ЛОДЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП. (Н. НЕКЛЮДОВА).
Вас. Остр., 8 лин., д. № 25.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

НИКОНЪ, ПАТРІАРХЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Дозволено цензурою. Спб. 19 іюля 1866 г. типогр. н. тиблена и к°. в. о. 8 л., № 25.

ЖИЗНЬ ПАТРІАРХА НИКОНА.

I.

До митрополитства Никона.

Въ селѣ Вельмановѣ, княгининскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, лѣтъ двѣсти шестьдесятъ назадъ тому, жилъ бѣдный крестьянинъ Мина съ женою. У нихъ родился сынъ Никита. Мать Никиты скоро умерла и отецъ его женился на другой женѣ. Мачиха не любила Никиту и очень больно его била. Разъ Никита озябъ, влѣзъ въ печку погрѣться, да и уснулъ тамъ. Мачиха принесла дровъ топить печь. Только стала дрова въ печь класть и увидала тамъ пасынка и подумала: «закладу я его дровами, можетъ, онъ, постылый, околѣетъ. А мужу скажу, что я его сына не замѣтила». Такъ она и сдѣлала: наклала дровъ въ печь, подожгла ихъ и ушла. Когда пошолъ дымъ и стало душно, Никита проснулся и сталъ кричать. Одна чужая баба услыхала, какъ онъ кричалъ, и вынула его изъ печки. Въ другой разъ мачиха дала ему каши съ мышьякомъ. А Никита примѣтилъ что-то

въ кашѣ не ладно, пересталъ ѣсть ее и сталъ воду пить. Такъ ему ничего отъ мышьяку и не сдѣлалось. Никита увидѣлъ, что мачиха его извести хочетъ, сталъ сердиться на нее и все думалъ какъ-бы скорѣй уйдти изъ дому.

Отецъ отдалъ его учиться. Когда Никита выучился грамотѣ, сталъ читать духовныя книги, полюбилъ божественное писаніе и убѣжалъ въ монастырь. Тутъ онъ подружился съ клирошанами. Разъ пошолъ онъ съ однимъ пріятелемъ въ другой монастырь прогуляться. А идти надо было лѣсомъ. Никита увидалъ въ лѣсу избушку и вошелъ въ нее. А въ этой избушкѣ жилъ колдунъ—татаринъ. Никита и говоритъ ему:

— Погадай мнѣ, дѣдушка.

Татаринъ сталъ гадать и сказалъ Никитѣ:

— Высоко тебѣ, малый, летать: либо царемъ на Руси будешь, либо патріархомъ.

«А что какъ и вправду я буду царемъ»,—подумалъ Никита. «Только—нѣтъ, царемъ нельзя мнѣ быть—теперь царями у насъ Романовы, и кромѣ ихъ никому нельзя быть, а патріархомъ всякому быть можно,—только писаніе знать, надо да праведную жизнь вести». И сталъ Никита еще больше читать священное писаніе. А чтобъ службы не проспать, онъ сталъ подъ колоколами ложиться: какъ ударятъ въ колоколъ—онъ сейчасъ и проснется.

Сначала отецъ не зналъ куда дѣвался Никита, а послѣ узналъ и упросилъ его вернуться домой хозяйствомъ заниматься. Скоро отецъ Никиты умеръ и онъ опять хотѣлъ въ монастырь идти. Только сродники и говорятъ ему:—

«Выкинь ты эту дурь изъ головы. Чего ты тамъ въ монастырѣ не видалъ? Лучше женись. Ты знаешь грамоту и тебя попомъ сдѣлаютъ.» Никита послушался ихъ и женился. Поповъ тогда выбирали сами прихожане, а архіерей только посвящалъ. На двадцатомъ году отъ роду Никиту сдѣлали попомъ и сталъ Никита попъ хорошій и усердный. Прихожане любили его и слухъ объ немъ дошолъ до Москвы. Московскіе купцы, какъ услыхали, что Никита хорошій попъ, взяли его къ себѣ въ Москву. Никита прижилъ съ своей женою троихъ дѣтей, но они скоро умерли. Остался онъ одинъ съ женой и началъ думать какъ бы ему развестись съ ней и въ монахи поступить,—все ему думалось патріархомъ быть. Онъ сталъ уговаривать жену постричься. Она послушалась и постриглась въ Москвѣ, а Никита ушолъ на Бѣлое море. Когда онъ шолъ, на пути было все пусто,—только кое-гдѣ село или деревня встрѣтится. Никита все распрашивалъ по дорогѣ мужиковъ о ихъ житьѣ, и узналъ онъ, что во многихъ селахъ вовсе поповъ нѣтъ, а живутъ люди безъ службы божіей и такъ умираютъ безъ покаянія; а если и есть гдѣ попъ, онъ мало смыслитъ, насилу разбираетъ по печатному, вино пьетъ и по цѣлымъ мѣсяцамъ въ церкви не бываетъ.

Никита пришолъ къ Бѣлому морю, сѣлъ на баркасъ (лодку) и приплылъ къ Соловецкому острову. На этомъ островѣ есть Соловецкій монастырь. Никита побывалъ въ этомъ монастырѣ и поглядѣлъ на житье монаховъ. Увидалъ—у нихъ всего много: и молока, и масла, и всякой рыбы, и крѣпкій медъ есть, и жить имъ очень хорошо.

*

Никита, когда узналъ какъ монахи живутъ, подумалъ про себя: живутъ здѣсь монахи не по Божьему,—больше о плоти радѣютъ, а не о духѣ,—и пошолъ на Анзерскій островъ въ скитъ. Онъ шолъ туда верстъ тридцать все лѣсомъ по Соловецкому острову, потомъ плылъ версты четыре моремъ до самаго скита. Въ этомъ скитѣ монахи жили очень бѣдно и было ихъ всего 12 человѣкъ; кельи у нихъ стояли одна отъ другой такъ далеко, что монахи по цѣлой недѣли не видались другъ съ другомъ. Тутъ Никита постригся и назвался Никономъ. Онъ жилъ въ этомъ скитѣ нѣсколько лѣтъ. Игуменомъ былъ тутъ Елеазаръ. Задумалъ онъ построить каменную церковь и пошелъ въ Москву деньги сбирать на нее, и Никона взялъ съ собой; собрали они пятьсотъ рублей и вернулись назадъ. Прошло больше двухъ лѣтъ, а Елеазаръ все церкви не строилъ, и деньги лежали даромъ. Никонъ ему и говоритъ: «что ты церковь не строишь? Вѣдь тутъ разбойники есть. Помнишь, нѣсколько лѣтъ тому, они монастырь хотѣли разорить. Теперь узнаютъ, что деньги у насъ—непремѣнно украдутъ.—Богъ поможетъ, не украдутъ, говоритъ Елеазаръ. А Никонъ опять ему о деньгахъ, да о церкви. «Чѣмъ у себя держать деньги, отдай ихъ въ Соловки — тамъ они сохраннѣй будутъ. Монастырь богатый — туда разбойники не сунутся.» Елеазару обидно стало, что Никонъ его учитъ, а Никонъ все свое твердитъ. Елеазаръ разсердился на него, Никонъ тоже спустить не хотѣлъ, разсердился себѣ, и пошла у нихъ ссора. Никонъ подумалъ, да и бросилъ скитъ. Сѣлъ на баркасъ и поплылъ по морю

къ землѣ. Вдругъ поднялась буря и стала бросать лодку какъ щепку вверхъ и внизъ по волнамъ и прибила ее къ Кію-острову. Тутъ Никонъ поставилъ крестъ и помолился Богу за то, что онъ спасъ его. Съ Кія-острова онъ переѣхалъ на землю и пошолъ вверхъ по рѣкѣ Онегѣ. У него не было ни денегъ, ни хлѣба, и онъ былъ очень голоденъ. Вдругъ онъ увидалъ на другой сторонѣ рѣки село и сталъ кричать перевощикамъ:

— Перевезите, братцы, меня на ту сторону.

— Что дашь? спрашиваютъ его перевощики.

— У меня ничего нѣтъ—перевезите Христа ради, говоритъ имъ Никонъ.

— Какая намъ неволя даромъ перевозить! отвѣчаютъ перевощики.

Тутъ одна убогая вдова сжалилась надъ Никономъ и велѣла своему сыну его перевезти. Когда Никонъ переѣхалъ, сталъ онъ въ селѣ проситься ночевать,—обошелъ всѣхъ богатыхъ мужиковъ, никто его не пустилъ. Попросился онъ ночевать у бѣдной вдовы, она пріютила его. Поутру пошелъ онъ дальше и пришолъ въ Кожеозерскій монастырь, Каргопольскаго уѣзда, Новгородской губерніи. Тутъ онъ сталъ просить монаховъ, чтобъ они приняли его къ себѣ въ монастырь. А монахи говорятъ: «давай вкладъ въ монастырь, тогда примемъ тебя.» Никонъ отвѣчалъ имъ: «у меня ничего нѣтъ кромѣ двухъ книгъ.» Монахи взяли у Никона книги и онъ сталъ жить въ монастырѣ. Жилъ онъ очень строго и праведно и монахи ему удивляться стали. Когда умеръ у нихъ игуменъ, они выбрали на его

мѣсто Никона. Никонъ сталъ жить еще строже и слава объ немъ дошла до царя. Царь тогда былъ молодой, добрый и любилъ въ церковь ходить. Звали его Алексѣй Михайловичъ. Разъ Никонъ пріѣхалъ по монастырскимъ дѣламъ въ Москву. Царь увидалъ его и говоритъ своимъ слугамъ: «приведите ко мнѣ Никона, я хочу побесѣдовать съ нимъ и поучиться у него.» Никона привели и царю онъ очень понравился. Царь сказалъ ему:

— Оставайся въ Москвѣ. Я велю тебя сдѣлать архимандритомъ. Каждую пятницу приходи ты въ мою дворцовую церковь къ заутрени. Послѣ заутрени мы будемъ толковать съ тобой о писаніи.

Никона сдѣлали архимандритомъ и онъ сталъ ходить къ царю каждую пятницу и все говорилъ съ нимъ о божественномъ писаніи и о мірскихъ дѣлахъ. Никонъ говорилъ царю: «если ты царемъ сталъ, такъ будь милосердъ и правосуденъ; помогай бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ; заступайся за угнетенныхъ твоими боярами и судьями; самъ до всего доходи. Погляди сколько горькихъ у тебя въ Москвѣ!»

А царь слушалъ Никона и говорилъ ему: «вижу жалостливъ ты до горькихъ—будь моимъ помощникомъ. Я велю подавать тебѣ просьбы, а ты обо всемъ говори мнѣ, а то бояре мои много отъ меня утаиваютъ,—одинъ за всѣмъ не углядишь.»

Идетъ, бывало, Никонъ по Москвѣ къ царю, а за нимъ бѣжитъ народъ, подаютъ ему просьбы и говорятъ: «ты печальникъ объ насъ!» А онъ придетъ къ царю и обо

всемъ ему разскажетъ. Царь тутъ-же въ церкви прочтетъ просьбы и напишетъ на нихъ рѣшенія. Потомъ отдастъ ихъ Никону и скажетъ: «Пусть исполнятъ, какъ я написалъ. Спасибо тебѣ за труды. Наградилъ меня Господь тобою.»

Такъ прошло два года. Въ Новгородѣ митрополитъ обезпамятѣлъ со старости; Никона посвятили туда митрополитомъ. Онъ былъ этому очень радъ, думалъ: «теперь мнѣ не долго и до патріаршества. Только бы помнилъ обо мнѣ царь.»

II.

Никонъ митрополитъ.

Кромѣ Никона у царя были еще любимцы: своякъ и учитель его Морозовъ и тесть Милославскій. Они были очень жадны къ деньгамъ, давали самыя важныя должности своимъ роднымъ, судили неправедно и раззоряли народъ. Царь объ этомъ не зналъ. А народъ говорилъ: «Государь молодой, и глядитъ все изо рта у бояръ Морозова да Милославскаго. Они всѣмъ владѣютъ, а намъ житья нѣтъ.» Отъ этого народъ сталъ бунтовать въ Москвѣ и другихъ городахъ.

Въ Псковѣ тоже сдѣлался бунтъ. Русскіе вели войну со шведами, потомъ помирились и отдали имъ нѣсколько городовъ. Изъ этихъ городовъ много народу перебѣжало опять въ Россію: не хотимъ, говорятъ, быть у шведовъ. А шведы и говорятъ нашему царю: ты намъ отдалъ свои города, а народъ у насъ жить не хочетъ. Не принимай

никого, а кто перебѣжитъ къ тебѣ выдай намъ; а то мы опять будемъ воевать. Царь и говоритъ: какъ я выдамъ православныхъ? вы ихъ, пожалуй, въ лютеранскую вѣру обратите. Нѣтъ, я лучше заплачу вамъ за нихъ деньги да хлѣбомъ изъ псковскихъ житницъ. Шведы на это согласились. А царь тайкомъ послалъ въ Псковъ купца Емельянова и сказалъ ему: во Псковѣ хлѣбъ дешевъ. Я обѣщалъ шведамъ дать хлѣба на 80 тысячъ. Ступай во Псковъ и купи тамъ 2000 четвертей. Хлѣбъ поднимется въ цѣнѣ и его меньше намъ придется отдавать. Емельяновъ поѣхалъ въ Псковъ, только не исполнилъ царскаго приказу: взялъ, скупилъ весь хлѣбъ и сталъ продавать его псковичамъ по высокой цѣнѣ. Псковичи взбунтовались и ограбили Емельянова. А когда шведы взяли у царя деньги и поѣхали во Псковъ за хлѣбомъ, псковичи собрались и говорятъ: «это все бояре на Москвѣ плутуютъ, а царь этого не знаетъ. Не дадимъ царя въ обманъ. Отнимемъ у нѣмца казну и хлѣба ему не дадимъ и донесемъ царю.» Воевода услыхалъ объ этомъ и говоритъ имъ: «что вы напрасно на бояръ говорите! все дѣлается по царскому указу, самъ царь деньги даетъ за свой народъ.» Иные повѣрили воеводѣ и перестали бунтовать, а иные не повѣрили. А нѣмецъ, который казну везъ, когда подъѣхалъ къ Пскову, не поѣхалъ городомъ, а поѣхалъ задами. Псковичи увидали его и закричали:—«воевода обманулъ насъ. Еслибъ царь казну отпустилъ, тогда нечего бы нѣмцу таиться отъ насъ. Видно краденое везетъ, коли городомъ не поѣхалъ. Отнимемъ у него казну.»—Они схватили нѣмца и отняли

у него казну. Воевода сталъ было ихъ уговаривать, а они его не слушаютъ и кричатъ на него: «ты измѣнникъ, потому что измѣнникамъ потакаешь. Ты намъ больше не начальникъ.» Такъ и не стали слушаться воеводы, а выбрали сами себѣ начальниковъ.

Въ Новгородѣ народъ узналъ объ этомъ бунтѣ и тоже сталъ бунтовать. Въ это время чрезъ Новгородъ проѣзжалъ датскій посолъ. Зачинщики стали кричать: «нѣмецъ везетъ краденую казну изъ Москвы. Схватимъ его и побьемъ.» Потомъ схватили нѣмца и стали по щекамъ бить и носъ ему расшибли. А самый первый зачинщикъ, Волкъ, сѣлъ верхомъ на нѣмца и кричитъ: убью, коли ворохнешься! и всего его обобралъ. Потомъ они взяли и спрятали подъ караулъ все, что отняли у нѣмца. Когда Никонъ услыхалъ про это и говоритъ воеводѣ: «пошли солдатъ усмирить ихъ, а то плохо будетъ.» Послали солдатъ. А новгородцы солдатъ прогнали и начальника ихняго чуть не сбросили съ каланчи. Потомъ выбрали себѣ новыхъ начальниковъ. Эти начальники еще пуще стали бунтовать народъ. Никонъ взялъ да и проклялъ ихъ на заутрени и на обѣдни, въ имянины царскія, въ день Алексѣя Божьяго человѣка. Когда онъ проклиналъ, народу въ церкви было много. Поднялся шумъ. Всѣ стали кричать: «царь на ангелъ свой по тюрьмамъ самъ ходитъ, колодниковъ распускаетъ, милости всякія творитъ, а митрополитъ проклинать вздумалъ на такой великій день. У насъ у всѣхъ одна дума: коли начальниковъ нашихъ проклялъ митрополитъ, значитъ насъ проклялъ.» Одинъ новгородецъ, по

прозванью Колча, сталъ кричать: «митрополитъ Никонъ измѣнникъ, воевода тоже измѣнникъ!» Никонъ велѣлъ схватить Колчу. Отецъ и жена Колчи узнали про это и прибѣжали на сходку. Отецъ Колчи и говоритъ: «миряне, заступитесь! митрополитъ съ воеводою пытаютъ моего сына и огнемъ его жгутъ.» Народъ бросился на дворъ къ митрополиту, схватили Никона и стали бить его кулаками, палками, и избили до полусмерти. Потомъ, какъ увидали, что сдѣлали не хорошее дѣло, стали говорить: «давайте всѣ за одно стоять! Если царь велитъ смертью кого казнить, будемъ говорить, что мы всѣ виновны. Пусть всѣхъ или казнятъ, или милуютъ.» Они написали прошеніе царю: жаловались на воеводу, что онъ взятки беретъ, потакаетъ купцамъ и обижаетъ бѣдныхъ. И на Никона жаловались, что онъ проклялъ ихъ въ день царскаго ангела, избилъ Колчу и перестроиваетъ старыя церкви. Съ письмомъ послали царю подарки. Царь подарки не принялъ, и написалъ: вашихъ подарковъ не возьму, потому что вы бунтуете, а воеводу я смѣнилъ, теперь покоритесь и выдайте воровъ-зачинщиковъ. Когда новгородцы получили отъ царя письмо, закричали: «это не царская грамота. У насъ воровъ нѣтъ и выдавать намъ некого.» Тутъ Никонъ вышелъ къ нимъ и сказалъ: «православные! я не помню зла, что вы мнѣ сдѣлали. Покоритесь и выдайте зачинщиковъ. Государь васъ за это проститъ. Я за васъ буду просить его. Онъ меня послушаетъ.» А новгородцы не послушались Никона и опять закричали: «нѣкого намъ выдавать; мы не воры, а за царское дѣло стояли.»

Пришло изъ Москвы войско бунтъ усмирять. Никонъ опять началъ уговаривать новгородцевъ, чтобъ покорились и выдали зачинщиковъ. Новгородцы послушались и выдали зачинщиковъ. Волку отрубили голову, которыхъ пересѣкли, которыхъ по разнымъ городамъ разослали, а остальныхъ простили.

Послѣ этого Никонъ послалъ въ Псковъ грамоту, чтобъ и тамъ покорились. Псковичи отвѣчали: «мы за собой никакой вины не знаемъ, и всѣ какъ одинъ стоять станемъ, а митрополита слушать не будемъ.» Когда въ Псковъ пошло войско, Никонъ сказалъ начальнику: «не требуй зачинщиковъ—не выдадутъ, а этимъ только дѣло испортишь. Я у царя за всѣхъ прощенье вымолю.» А псковичи между собой говорили: «если самъ царь придетъ къ намъ, мы всѣ передъ нимъ повинимся; а если войско придетъ усмирять насъ, мы побьемъ женъ и дѣтей, а сами на порохѣ помремъ.» Когда войско пришло, они стали съ нимъ биться и хотѣли перейдти къ литовскому королю. А про начальника войска говорили: «онъ обманомъ взялъ Новгородъ: обѣщалъ всѣхъ простить, а вмѣсто того всѣхъ зачинщиковъ въ тюрьмы посадилъ. Мы его въ котлѣ сварим да ѣсть будемъ. Мы къ царю выборныхъ пошлемъ прощенье просить,—пускай всѣхъ насъ помилуетъ.» Они послали выборныхъ къ царю просить прощенья. Никонъ тоже просилъ имъ у царя прощенья: «они, говоритъ, забунтовали по невѣдѣнью; — думали, что за твое государское дѣло стоятъ. Смилуйся, прости ихъ, не проливай христіанской

крови.» Такъ царь всѣхъ ихъ и простилъ и псковичи покорились—перестали бунтовать.

Послѣ этихъ бунтовъ Никонъ пріѣхалъ въ Москву. Царь ему очень обрадовался и говоритъ: «особенный, милый другъ ты мой, пріятель мой дорогой, святой ты человѣкъ! Спасибо тебѣ, другъ ты мой, за совѣты твои умные да благіе. Пострадалъ ты отъ новгородцевъ, мученикъ ты мой, а зла не помнишь. Спасибо тебѣ, что словомъ своимъ ты усмирилъ ихъ и не далъ пролиться христіанской крови. Не оставляй меня своими совѣтами да молитвами. А я все готовъ сдѣлать для тебя.» Никонъ ему говоритъ: «вели перевезть мощи Филиппа митрополита изъ Соловокъ въ Москву. Царь Иванъ Грозный поставилъ его митрополитомъ въ Москвѣ, а когда Филиппъ сталъ говорить царю, что онъ правитъ царствомъ не по Божьему, что ни день, то казнитъ людей, царь на него разсерчалъ и велѣлъ ему замолчать. А Филиппъ не унимался—все обличалъ царя. Тогда его убили. А Богъ сдѣлалъ его своимъ угодникомъ, и чудесами прославилъ. Если ты перевезешь мощи св. Филиппа въ Москву, то грѣхъ этотъ снимется. Напиши грамоту къ угоднику Божьему, попроси его, святителя, чтобъ въ Москву пожаловалъ и царскій грѣхъ отпустилъ.» Царь написалъ къ Филиппу угоднику грамоту и послалъ за мощами Никона и бояръ. Никонъ заставлялъ бояръ дорогой поститься и подолгу Богу молиться. Бояре говорили: «лучше-бъ намъ гдѣ за Сибирью погибнуть, чѣмъ съ митрополитомъ ѣхать. Выдалъ насъ царь митрополитамъ,—никогда этого не было. Бѣда намъ!»

Въ Соловкахъ Никонъ пошолъ по тюрьмамъ. Тамъ сидѣлъ одинъ монахъ. Когда Никонъ вошолъ къ нему, монахъ и говоритъ: «патріархъ, благослови!»—Я не патріахъ, сказалъ Никонъ, а митрополитъ.—А монахъ опять говоритъ: «благослови, отче патріархъ! Теперь ты митрополитъ, а скоро патріархомъ будешь, тогда не забудь меня.» Никонъ сказалъ: «хорошо, не забуду, если сбудутся твои слова.»

А царь скучалъ въ Москвѣ безъ Никона и все писалъ ему письма, чтобъ скорѣе пріѣзжалъ. Разъ царь ему написалъ: «какъ твое святительское здоровье? А про насъ вѣдай: мы по милости Божіей и по вашему святительскому благословенію, здоровы. Увѣдомляю тебя, что умеръ патріархъ нашъ московскій Іосифъ въ великій четвергъ. Мы теперь какъ овцы безъ пастыря—не знаемъ куда голову приклонить. Въ пятницу великую зашелъ я къ покойнику патріарху, а у него никого нѣтъ: всѣ разбѣжались, только попъ одинъ псалтирь читаетъ, и всѣ двери растворилъ. Я у него спрашиваю: для чего ты двери растворилъ? А онъ и говоритъ: «страшно мнѣ. Въ животѣ у святителя вдругъ зашумѣло, вздуло это животъ и лицо стало пухнуть. А я думалъ, ожилъ святитель, и взялъ меня страхъ, и хотѣлъ я бѣжать,—оттого и двери растворилъ.» Когда сказалъ онъ мнѣ это—у меня у самого отъ страху ноги подломились, и чуть я не упалъ. Похоронили мы святителя въ субботу, и я надсѣлся отъ плача. Пріѣзжай скорѣй! Надо патріарха новаго выбирать. Есть у меня на примѣтѣ одинъ святой мужъ—

хотимъ его поставить.» Когда Никонъ прочелъ это письмо, то подумалъ: это царь меня хочетъ патріархомъ сдѣлать.

Наконецъ Никонъ пріѣхалъ съ мощами. Царь съ боярами и съ духовенствомъ, съ иконами и хоругвями вышелъ ему навстрѣчу. Митрополитъ ростовскій Варлаамъ былъ очень старъ — насилу ноги двигалъ, а хотѣлъ идти мощи встрѣчать; царь сталъ ему все совѣтовать: «не ходи, говоритъ, ты очень старъ, не дойдешь.» А Варлаамъ отвѣчалъ: «Богъ поможетъ,—дойду.» Не дошолъ онъ однако двадцати шаговъ до мощей, сѣлъ въ кресла и тутъ умеръ. Царь со слезами приложился къ мощамъ, потомъ народъ прикладываться сталъ.

Послѣ этого стали выбирать патріарха и выбрали Никона. Царь, всѣ митрополиты и архіереи собрались въ Успенскій соборъ. Тутъ Никону сказали, что онъ выбранъ въ патріархи. Никонъ сталъ отговариваться. Тогда царь упалъ на землю, головой къ мощамъ св. Филиппа, и сталъ просить Никона со слезами, чтобъ онъ не отказывался. Бояре, духовные и народъ тоже просили. Въ церкви поднялся плачъ и вой. Тогда Никонъ сказалъ народу: «будете ли почитать меня, какъ архипастыря и отца?» Народъ въ одинъ голосъ выговорилъ: «будемъ, отецъ нашъ, будемъ.» Никонъ спросилъ опять: «дадите ли мнѣ устроить церковь по моей волѣ?» Опять всѣ отвѣтили: «дадимъ.» Никонъ велѣлъ имъ побожиться. Тутъ-же всѣ побожились, и Никонъ согласился и сталъ патріархомъ.

III.

Никонъ патріархъ.

Когда Никонъ сдѣлался патріархомъ, царь полюбилъ его еще больше за радѣніе о вѣрѣ. Царь очень любилъ церковную службу и ему понравилось, что Никонъ вводитъ новое пѣніе, единогласное, какое было въ Греціи, и не велитъ въ церквахъ разомъ нѣсколькимъ человѣкамъ читать или пѣть, какъ прежде дѣлалось, чтобъ служба шла скорѣе. Въ церквахъ стало больше благочинія. Прежде, бывало, ничего не разберешь, какъ начнутъ въ нѣсколько голосовъ читать,—кто одно читаетъ, кто другое, кто поетъ, а кто кричитъ. Многіе, кромѣ царя, также полюбили это благочиніе, а многіе попы и простые люди начали кричать: «Никонъ ересь затѣваетъ, единогласное пѣніе вводитъ.» Когда Никонъ велѣлъ проповѣди въ церквахъ сказывать, опять начали кричать: «Въ Никонѣ бѣсъ сидитъ—людей началъ въ церкви учить. Прежде попы людей въ церквахъ не учили, а учили ихъ втайнѣ.»

Никонъ сталъ поступать съ попами и монахами очень строго. Плохи тогда попы были. Училищъ не было; въ попы ставили всякаго, кто мало-мальски грамоту разбиралъ. Иной попъ не зналъ, что значитъ слово — *вѣра*, и не могъ учить народъ. Не одни попы, и архимандриты бывали такіе, что *вѣрую* не знали. Попы безчинствовали, пьянствовали, продавали требы и били

прихожанъ; бывали и такіе попы, что́ отдавали церкви на откупъ и корчемничали въ нихъ. Монахи въ монастыряхъ больше тѣло свое соблюдали, чѣмъ душу. Сколько разъ, бывало, царь писалъ въ монастыри, чтобы монахи медъ не варили у себя, не пьянствовали: ничего не брало. Въ народѣ было большое шатаніе въ вѣрѣ и онъ не зналъ самыхъ простыхъ правилъ христіанской вѣры. Въ иныхъ мѣстахъ мужики на родныхъ сестрахъ женились, и дѣтей отъ нихъ имѣли. А въ церквахъ, во время службы, зачастую другъ съ другомъ бранились и дрались. Дворяне иные не далеко также отъ мужиковъ ушли: грамотѣ рѣдкій кто изъ нихъ зналъ, св. писанія, стало быть, читать не могли и жили многіе совсѣмъ не по-христіански. Бывало, идетъ человѣкъ на войну, а жену свою закладываетъ другому за деньги. Въ Москвѣ народъ своимъ образамъ молился. Принесутъ изъ дому образъ, поставятъ его въ церкви и молятся, и называютъ его Богомъ, а другимъ образамъ не молятся. И стоятъ въ церкви, кто задомъ къ алтарю, кто бокомъ. Никонъ сталъ это выводить и самъ во все входилъ. Неграмотныхъ поповъ не посвящалъ, а кого народъ выбиралъ въ попы, самъ у того спрашивалъ о вѣрѣ. Воеводамъ велѣлъ доносить себѣ о попахъ и о монахахъ, какъ они ведутъ себя. Услышитъ, бывало, что попъ дурной жизни, сейчасъ его разстрижетъ. Случалось, что онъ духовныхъ сѣкъ плетьми, сажалъ въ тюрьмы на цѣпь, посылалъ въ ссылку. Никона за это нельзя много винить: тогда было не то что теперь—тогда кнутомъ били всѣхъ

даже бояръ, за самыя малыя вины, а за большія вины языки рѣзали, руки и ноги отсѣкали, огнемъ жгли. Никонъ дѣлалъ все то что всѣ дѣлали. Онъ думалъ, одной строгостью выведетъ дурныхъ поповъ и монаховъ; вывесть онъ ихъ не вывелъ, а недруговъ много нажилъ себѣ между духовными. Они его позорили и называли еретикомъ. А тутъ Никонъ вздумалъ еще книги поправлять. Священныя книги у насъсперва непечатныя были, а переписывались. Писцы надѣлали много ошибокъ, не разобрали и перемѣнили много словъ. Еще лѣтъ за двѣсти до Никона, св. Алексѣй митрополитъ замѣтилъ это, переписалъ своей рукой Евангеліе и поправилъ ошибки. Когда въ Москвѣ завели печатный дворъ, какъ книги написаны были, такъ ихъ и напечатали. И стали по ошибкамъ толковать, что *Іисусъ* надобно писать *Ісусъ*; служить обѣдню на семи просфорахъ, а не на пяти; крестъ складывать надо изъ двухъ пальцевъ, а не изъ трехъ; не надо брить бороды и усовъ; кресты нужно дѣлать восьмиконечные. При патріархѣ Іосифѣ, начали поправлять книги. Справщики не знали греческаго языка, съ котораго переведены церковныя книги на славянскій языкъ, они поправляли книги по славянскимъ спискамъ, а самыхъ правильныхъ, старыхъ списковъ не брали. Патріархъ Іосифъ по старости не смотрѣлъ за справщиками—какъ хотѣли они, такъ и поправляли, оттого всѣ ошибки и напечатали. Одинъ ученый монахъ, Епифаній Славеницкій замѣтилъ это (онъ по гречески хорошо зналъ), и сказалъ Никону: «справщики только портятъ книги, а не поправляютъ,» и показалъ

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

Никону всѣ ошибки. Никонъ послалъ на Аѳонскія горы за старыми греческими списками (наши св. книги переведены съ греческаго) и еще нашолъ много самыхъ старыхъ славянскихъ списковъ. Сталъ сличать съ книгами, которыя справщики напечатали, и увидалъ, что Епифаній говоритъ правду. Онъ спросилъ у вселенскихъ патріарховъ: какъ слѣдуетъ креститься? Патріархи отвѣчали: «тремя пальцами, въ Греціи испоконъ-вѣку всѣ такъ крестятся.» Тогда Никонъ собралъ соборъ, призвалъ справщиковъ и сказалъ: «вотъ такія-то и такія-то ошибки есть въ напечатанныхъ книгахъ.» Потомъ Никонъ спросилъ архіереевъ: «Какъ вы теперь разсудите: служить ли намъ по тѣмъ книгамъ, что справщики напечатали, или служить такъ, какъ въ греческихъ и въ нашихъ старыхъ славянскихъ книгахъ написано?» Всѣ, кромѣ справщиковъ, отвѣчали: «слѣдуетъ служить такъ, какъ въ греческихъ и нашихъ старыхъ славянскихъ книгахъ написано.» Тогда Никонъ прогналъ старыхъ справщиковъ съ печатнаго двора, и велѣлъ новымъ ученымъ справщикамъ поправлять книги, печатать ихъ, разсылать по всѣмъ церквамъ, а старыя непоправленныя у всѣхъ отбирать.

Старые справщики обидѣлись на Никона. Онъ уговаривалъ ихъ, чтобъ они приняли новыя книги. Справщики не слушались его и говорили: «наши книги самыя истинныя, а твои еретическія, латинскія книги». Эти справщики разошлись по разнымъ городамъ и стали распускать такіе слухи: «Никонъ — антихристъ, въ латинскую вѣру перешелъ, а отъ старой вѣры отрекся. Онъ хочетъ разрушить

старое благочестіе и гонитъ истинныхъ христіанъ. Порадѣйте, православные, о старой вѣрѣ, не ходите въ церкви, гдѣ по новому служатъ. Это не церкви, и таинства тамъ не таинства. Никонъ пишетъ *Іисусъ*, а въ старой вѣрѣ писали *Ісусъ*, Никонъ пишетъ въ *Вѣрую «рожденна, не сотворенна,»* а въ старой вѣрѣ писали: *рожденна, а не сотворенна*; еще въ *Вѣрую* же въ старыхъ книгахъ писали во *единую* соборную и апостольскую церковь, а въ новыхъ книгахъ написано во *едину*. Православнымъ должно умирать за едину букву *азъ.»* Многіе слушали это и говорили: «все одно, какъ ни молись—была бы у тебя въ сердцѣ молитва. А другой и по старому молитву слушаетъ, да на двѣ души кушаетъ; по старому спасается, а кусается.» А были и такіе, которые вѣрили этимъ лжеучителямъ, особливо протопопу Аввакуму. Аввакумъ крѣпко не любилъ Никона и больше всѣхъ подговаривалъ народъ противъ него. Къ Аввакуму и другимъ справщикамъ пристали и попы, которые не любили Никона. Въ народѣ пошла разладица, а въ церквахъ соблазнъ. Какой попъ не хотѣлъ служить по новому, того Никонъ отставлялъ, посылалъ на смиреніе, а на его мѣсто ставилъ новаго. Новый попъ начиналъ служить по новому, а тѣ, которые любили старую службу, не давали ему служить. Никонъ сталъ еще строже поступать съ ослушниками. Сослалъ двухъ старыхъ справщиковъ, Неронова и Данилу, и посадилъ въ тюрьму протопопа Аввакума. Когда Аввакума выпустили изъ тюрьмы, онъ сталъ хвастаться предъ народомъ, говорилъ будто самъ Богъ

приходилъ къ нему въ тюрьму и кормилъ его, щецъ ему приносилъ. Аввакума водили нѣсколько разъ къ Никону. Никонъ упрашивалъ его покориться.

Аввакумъ не покорился. Никонъ хотѣлъ его растричь, но царь упросилъ и Аввакума сослали протопопомъ въ Сибирь. Потомъ взяли Логина муромскаго протопопа за то, что онъ не хотѣлъ служить по новому. Никонъ разстригъ его въ соборной церкви при царѣ и царицѣ. Логинъ разсердился и сталъ бранить Никона, и плевать на него. «Бога ты не боишься, сказалъ ему Никонъ, — постыдись царя, царицы и честныхъ людей.» А Логинъ распоясался, снялъ съ себя рубашку и пустилъ ею въ Никона, черезъ порогъ, въ алтарь. Тутъ Логина выгнали изъ собора метлами.

Въ Москву пріѣхалъ вселенскій патріархъ и проклялъ всѣхъ, которые двумя пальцами крестились. Нероновъ, когда услыхалъ это, покаялся. Никонъ воротилъ его изъ ссылки, призвалъ къ себѣ и сказалъ:

— Я радъ, что ты покаялся.

А Нероновъ ему отвѣтилъ: «я не хочу быть подъ анаѳемой вселенскихъ патріарховъ. Я не противлюсь имъ, а тебѣ противился. Меня взяло сомнѣніе, что ты ужь очень строгъ. Ты забылъ Христову заповѣдь — *любите враги ваши, добро творите ненавидящимъ васъ*. Гонишь, мучишь ты духовенство, я за него и заступался. Теперь я покоряюсь тебѣ. А только ты подумай, святой владыко, какая тебѣ честь, что всякому ты страшенъ! Дивлюсь я, отче святый, какъ это ты высоко ужь очень повелъ себя:

власти государевой не слыхать, твоихъ посланниковъ больше боятся, чѣмъ царскихъ. Всѣ на тебя злобствуютъ за строгость твою.»

Никонъ повѣрилъ Неронову, заплакалъ и сказалъ: «прости меня, Господа ради! Не могу никакъ стерпѣть я, когда безчиніе да безпорядки вижу.»

Нероновъ сказалъ: «то-то и есть, святой владыко, — другихъ ты укоряешь за судъ неправый, а себя самаго обуздать не можешь.» Тутъ Нероновъ сталъ просить о другихъ ссыльныхъ. Никонъ обѣщалъ быть къ нимъ милостивѣе и отдалъ Неронову всѣ письма, которыя онъ писалъ на Никона къ царю. «Возьми ихъ, сказалъ Никонъ. Вы царю на меня жаловались, а царь ваши письма мнѣ отдалъ. Я зла вашего не помню. Миръ—такъ миръ.»

Многіе однако Никону не покорились и новыхъ книгъ не приняли. Что ни дѣлали надъ ними—и въ тюрьмы сажали, и кнутомъ били, и головы сѣкли — они все при своемъ оставались. Тогда думали, что строгими наказаніями больше сдѣлаешь, чѣмъ убѣжденіями, кротостью, вразумленіемъ. Отъ этихъ поръ у насъ начался *расколъ*. Кто остался при старыхъ книгахъ, тѣхъ стали звать *раскольниками*. А раскольники стали звать православныхъ, т. е. тѣхъ, которые приняли новыя исправныя книги, *никоніянами* и еретиками. О расколѣ будетъ разсказано въ другой книжкѣ подробно.

IV

Ссора Никона съ царемъ.

Никонъ нажилъ себѣ недруговъ между духовными, но царь любилъ его и ничего не дѣлалъ безъ его совѣта: войну ли захочетъ вести, замириться ли съ кѣмъ, законъ-ли новый постановить—все у Никона совѣта проситъ. Бояре тоже передъ Никономъ ходили ниже травы, тише воды. Ему никто не указывалъ, а онъ всѣмъ указывалъ. Если царь прогнѣвается на какого нибудь боярина—тотчасъ тотъ идетъ къ Никону: заступись, говоритъ, владыко святой.

Тогда была война съ Поляками. Царь ушолъ на войну, а Никону оставилъ свою семью на сохраненье. Вдругъ сдѣлалась моровая язва. Народу стало умирать очень много. Попы почти всѣ вымерли, такъ что мертвыхъ и хоронить было некому—ихъ такъ въ домахъ и закапывали. Если въ домѣ кто заболѣлъ язвою, этотъ домъ сейчасъ заваливали и людей оттуда не выпускали, чтобъ другихъ не заразили. Въ Москвѣ остались только тѣ, кому некуда было идти, а другіе всѣ поразбрелись да поразъѣхались. Никонъ отослалъ царскую семью въ Вязьму—тамъ мора не было, а самъ остался въ Москвѣ за порядкомъ смотрѣть. Царь услыхалъ, что Никонъ остался въ Москвѣ и велѣлъ ему ѣхать въ Вязьму: «а то, говоритъ, сохрани Богъ, и ты умрешь.» Никонъ поѣхалъ въ Вязьму и еще больше

сталъ беречь царскую семью. Когда моръ кончился, царь пріѣхалъ въ Вязьму и сталъ благодарить Никона за радѣнье о семьѣ своей. «Чѣмъ, говоритъ, награжу тебя, чѣмъ пожалую? Будь ты отнынѣ великихъ государемъ.» Никонъ подумалъ: теперь выше меня никого нѣтъ. Царь меня очень любитъ, на меня только и радуется. Сталъ я на высоту, откуда ничто меня не столкнетъ. И патріархъ я, и царь, потому что все равно что великій государь, что царь.—И сталъ Никонъ вездѣ въ грамотахъ писаться такими словами: «*отъ великаго государя*, святѣйшаго Никона патріарха Московскаго и всея Руссіи.» Потомъ Никонъ поѣхалъ въ Москву и сталъ управлять оттуда всѣмъ царствомъ. Безъ его спроса, бояре ничего не смѣли дѣлать. Всякое утро они являлись къ Никону за приказаніемъ. Если кто изъ нихъ опаздывалъ придти, долженъ былъ дожидаться у крыльца, когда патріархъ позоветъ. Иной разъ сильный морозъ на дворѣ, а дѣлать нечего—жди.

Царь ушолъ опять на войну и нашолъ тамъ себѣ новыхъ друзей. Эти друзья стали говорить царю: «не хорошо, что патріархъ отнялъ у тебя всю власть,—не святительское это дѣло. Отъ этого только въ церкви упущенье. Что нибудь одно: либо быть патріархомъ и церковь устраивать, либо править царствомъ.» Царь слышитъ, что ему новые друзья говорятъ правду, и думаетъ: что дѣлать!—самъ вижу я, что Никонъ сталъ очень гордъ. Только какъ тутъ быть? Такъ царь ничего не дѣлалъ Никону. А когда бояре говорили про Никона и вспоминали его немилосердіе и гордость, царь или молчалъ, или только говорилъ,

что Никонъ точно очень гордъ сталъ. Когда царь вернулся въ Москву съ войны, сдѣлался опытнѣе, самъ привыкъ къ власти и управленію, сталъ рѣже совѣтоваться съ Никономъ и чаще слушать рѣчи бояръ про него. Царица тоже перестала любить патріарха за его гордость. А Никонъ точно не замѣчаетъ ничего,—величается еще больше. Онъ думалъ про себя: «власть патріаршая подобна солнцу, а царская власть подобна мѣсяцу.

До царя стали доходить жалобы на Никона. Духовенство подало на него прошеніе: «мы въ конечное пришли разореніе отъ патріаршихъ приказныхъ—берутъ съ живаго и съ мертваго. Особливо патріаршій дьякъ Кокошиловъ—къ владыкѣ никого безъ взятки не допуститъ, бѣдный–ли, богатый ли—со всѣхъ беретъ. Духовнаго чина никто не уважаетъ. За безчестіе попа положено твоими боярами 5 рублей,—оттого про насъ говорятъ: бей попа какъ собаку, лишь бы живъ былъ, да кинь 5 рублей. Патріархъ совсѣмъ загордился, къ нему и въ сѣни теперь трудно пробраться,—стой на морозѣ на дворѣ да жди его тамъ, покуда позоветъ. Иной попъ ждетъ–ждетъ, до самой ночи, пойдетъ ночью домой на подворье, да такъ и пропадетъ. А прежніе патріархи на дворѣ насъ не держали, къ себѣ допускали милостиво. Никону же словно и дѣла до насъ нѣтъ. Возлюбилъ онъ стоять высоко да ѣздить широко. Не за святительскія дѣла взялся — сталъ строить вмѣсто креста топорки, тебѣ на помощь, на военныя потребы.»

Царь видитъ, что въ просьбѣ есть правда, только не знаетъ какъ сказать Никону, чтобъ онъ не величался—

пожалуй, онъ разсердится. Сказать прямо свою досаду, царь не рѣшался, а сталъ удаляться отъ Никона. Никонъ это замѣтилъ и подумалъ: что-то не ладно,—да, можетъ, царь одумается и самъ придетъ у меня прощенья просить. Царю было жалко Никона, что онъ ни съ кѣмъ не можетъ ужиться, а прощенья просить ему было не-за-что. Бояре какъ увидали, что царь пересталъ видѣться съ Никономъ, стали ему дѣлать всякія обиды. Бояринъ Стрѣшневъ назвалъ свою собаку Никономъ, и выучилъ ее благословлять передними лапами. А другіе бояре смотрятъ на эту собаку и смѣются. Никонъ узналъ объ этомъ и проклялъ въ церкви Стрѣшнева. Стрѣшневъ испугался и сталъ прощенья просить.

V

Удаленіе Никона.

Въ Москву пріѣхалъ съ Кавказа грузинскій царевичъ Ему сдѣлали во дворцѣ пиръ. А Никона на пиръ не позвали. Никонъ осердился и послалъ своего боярина (у Никона, какъ у царя, были свои бояре, только они были ниже царскихъ) узнать, что дѣлается на пиру. Бояринъ пришолъ на пиръ и смотритъ. Вдругъ подошолъ къ нему царскій бояринъ и ударилъ его палкой по головѣ. А Никоновъ бояринъ говоритъ ему: «не дерись! я пришолъ сюда отъ патріарха за дѣломъ». А царскій бояринъ ударилъ его въ другой разъ палкой и сказалъ: «ты отъ патріарха,

такъ вотъ тебѣ еще разъ—не чванься». Бояринъ, котораго побили на пиру, пожаловался Никону. А Никонъ написалъ царю письмо и требовалъ, чтобъ царь наказалъ обидчика. Царь прочолъ письмо и написалъ Никону: «я самъ увижусь съ тобою и переговорю объ этомъ дѣлѣ.»

Но царь такъ и не видѣлся съ Никономъ. Потомъ подошолъ одинъ большой лѣтній праздникъ; царь всегда въ этотъ праздникъ бывалъ на патріаршемъ служеніи. Никонъ и думаетъ: теперь я увижу царя,—и велѣлъ звонить въ колокола. Только Никонъ подумалъ это, къ нему входитъ царскій бояринъ и говоритъ: «царь не будетъ у обѣдни, не жди его. Онъ на тебя гнѣвается и не велитъ тебѣ называться великимъ государемъ.» Никонъ осердился и думаетъ: какъ тутъ быть? откажусь отъ патріаршества, царь испугается и начнетъ у меня прощенья просить, тогда я свое возьму. А пріятель его, боярин Зюзинъ, и говоритъ ему: не отказывайся отъ патріаршества, а то совсѣмъ пропадешь. А Никонъ говоритъ: нѣтъ, я не смирюсь.

Никонъ отслужилъ обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ и сталъ по книгѣ сказывать проповѣдь. Потомъ обратился къ народу и говоритъ: «лѣнивъ я былъ учить васъ. Отъ лѣни я окоростовѣлъ, а вы, видя мое къ вамъ неученье, отъ меня ужъ окоростовѣли, и стали меня еретикомъ называть. Все это Богъ за грѣхи мои дѣлаетъ! Такъ не буду же я вамъ больше патріархъ!» Народъ сталъ плакать. Никонъ разоблачился, вынулъ изъ мѣшка простое монашеское платье, которое прежде велѣлъ себѣ приготовить. Народъ вырвалъ у него мѣшокъ и закричалъ: «не

оставляй насъ сирыхъ. На кого ты покидаешь насъ?» Никонъ не послушался, ушолъ въ ризницу, написалъ тамъ письмо къ царю и пошолъ вонъ изъ церкви. А народъ говоритъ: «куда ты идешь! Мы не пустимъ тебя безъ государева указа?» Тутъ всѣ собрались около Никона. Никонъ сѣлъ на послѣднюю ступеньку амвона и сказалъ: «посылайте къ государю, я подожду.»

Тутъ побѣжали къ царю и сказали ему, что Никонъ отказывается отъ патріаршества. Царь удивился и сказалъ: «словно сплю я съ открытыми глазами и все это во снѣ вижу,»—и послалъ бояръ упрашивать Никона, чтобъ онъ остался. Бояре пришли; одни просятъ его, а другіе сердятъ:» зачѣмъ, говорятъ, писался великимъ государемъ, да не въ свои дѣла мѣшался».—«Уходите отъ меня, сказалъ имъ Никонъ,—отдайте это письмо царю, да попросите его, чтобъ пожаловалъ мнѣ келью.» Бояре ушли, а народъ сталъ еще пуще плакать. Никонъ то встанетъ, то сядетъ, то къ дверямъ пойдетъ и все думаетъ: авось самъ царь придетъ. А у самаго сердце такъ и ходитъ.

Бояре опять пришли отъ царя и говорятъ: «приказываемъ тебѣ царскимъ именемъ не уходить съ патріаршества, а келью выбери себѣ какую хочешь.» Никонъ отвѣчалъ: «я не измѣню своего слова.» Потомъ вышелъ изъ церкви и хотѣлъ ѣхать. Народъ бросился къ лошадямъ и отпрегъ ихъ. Никонъ пошолъ пѣшкомъ. Народъ заперъ ворота и опять не пускаетъ его. Тутъ всѣ закричали Никону: «кормилецъ нашъ, отецъ нашъ, не оставляй насъ!» Пришли солдаты и отворили ворота. Никонъ благословилъ народъ и

пошолъ на свое подворье. Онъ прожилъ тамъ три дня и все ждалъ не пришлетъ ли за нимъ царь. А царь выжидалъ не покорится ли патріархъ. Такъ Никонъ не дождался царя и уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, за 45 верстъ отъ Москвы. Онъ самъ построилъ этотъ монастырь и царь назвалъ его Новый Іерусалимъ.

Царь послалъ своихъ бояръ спросить у Никона: зачѣмъ онъ оставилъ свой престолъ и уѣхалъ изъ Москвы безъ государева указа. «Я выжидалъ на подворьи три дня государева указа, не дождался и уѣхалъ.» Бояре говорятъ ему: «царь приказалъ намъ просить благословенія для себя и для своей семьи. Еще онъ проситъ, чтобы ты благословилъ архіерею Питириму вмѣсто тебя вѣдать церковь.» Никонъ послалъ благословеніе царю и его семейству, велѣлъ Питириму вѣдать церковь, а самъ подумалъ про себя: Богъ наказалъ меня за гордость. Послѣ этого Никонъ написалъ царю смиренное письмо.

Царь прочелъ это письмо и стало ему жаль Никона,—онъ и думаетъ: я новаго патріарха не буду выбирать, можетъ–быть мы помиримся съ Никономъ. Такъ царь больше года и не выбиралъ новаго патріарха. Недруги Никона начали опять на него наговаривать царю. Они уговорили царя опечатать и прочесть бумаги Никона, которыя остались въ Москвѣ. Никонъ за это разсердился и началъ въ письмахъ попрекать царя: «бумаги, говоритъ, были у меня тайныя. Христіане въ письмахъ разсказывали мнѣ свои грѣхи, просили въ нихъ отпущенія, а ты рѣшился ихъ печатать и читать,—это не хорошо. Дивлюсь я, какъ ты

скоро дошелъ до такого дерзновенія? Прежде ты боялся осудить простаго дьячка безъ моего спросу, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра. Чего себѣ нехочешь, того и другимъ не дѣлай, развѣ тебѣ хочется, чтобы всѣ знали твои тайны противъ твоей воли?» Царь прочиталъ это и сказалъ: «досадчикъ и обидчикъ этотъ Никонъ»; скоро потомъ онъ велѣлъ собору выбрать новаго патріарха. На соборѣ этомъ было и русское, и греческое духовенство.

Греки, которые были на соборѣ, были подговорены недругами Никона и стали говорить: «надо выбрать новаго патріарха , а Никона въ простые монахи разстричь». Всѣ русскіе согласились съ греками, только одинъ Епифаній Славе́ницкій, который книги поправлялъ, не согласился съ ними. Онъ началъ спорить съ греками, переспорилъ ихъ, и сказалъ царю: «Никона нельзя лишить священства по правиламъ святыхъ отецъ; новаго же патріарха выбрать можно».

Царь спросилъ Никона: благословишь ли ты выбрать на свое мѣсто новаго патріарха?»

Никонъ отвѣчалъ: «благословлю, если меня позовутъ на соборъ. Безъ меня нельзя выбрать патріарха, и меня никто не можетъ лишить патріаршества. Прикажи мнѣ пріѣхать въ Москву—я поставлю новаго патріарха, помирюсь съ тобою и опять уйду въ монастырь». Царь думаетъ: тогда у меня въ Москвѣ два патріарха будутъ, они будутъ другъ съ другомъ спорить и замѣшательство пойдетъ въ

христіанствѣ. Подумалъ такъ и велѣлъ разойтись собору. Такъ и не выбрали новаго патріарха.

А недруги Никона еще пуще стали наговаривать на него. Они воротили всѣхъ расколоучителей, которыхъ Никонъ сослалъ, протопопа Аввакума воротили. Аввакумъ былъ радъ, что его воротили. Бояре стали принимать его, стали давать ему денегъ. Тутъ Аввакумъ многихъ совратилъ въ расколъ; но потомъ собрался соборъ и осудилъ Аввакума: его сослали въ Пустозерскъ; но онъ и здѣсь не унимался, писалъ обидныя письма царю, требовалъ, чтобъ онъ возвратилъ «старое благочестіе», то есть старыя, испорченныя книги, и продолжалъ совращать въ расколъ. Его тогда велѣли сжечь на кострѣ.

Недруги Никона не давали ему покоя, всякія обиды ему дѣлали. Они отрѣзали землю отъ Воскресенскаго монастыря и отдали ее дворянину Бабарыкину. Никонъ сталъ судиться съ Бабарыкинымъ.

VI.

О томъ, какъ Никона въ Москву звали.

Въ это время пріѣхалъ въ Москву греческій архіерей Паисій.

Онъ былъ хитеръ, пролазливъ и очень деньги любилъ. Царь ему былъ очень радъ и бояре тоже были рады. Паисій пришолъ въ Москву бѣдный, а тутъ у него деньги завелись. Его наградили за то, чтобъ онъ помогъ справиться съ Никономъ. Паисій видѣлся съ Никономъ по бабарыкинскому дѣлу. Никонъ долго судился съ Бабарыки-

нымъ, потомъ видитъ, что ничего не высудитъ, взялъ и проклялъ Бабарыкина. Никонъ на проклятіи не называлъ ничьего имени, а просто читалъ: «*да будутъ дни его мали, да будутъ сынове его сиры, и жена его вдова.*» Бабарыкинъ донесъ царю: «Никонъ проклялъ тебя, великій государь, и жену твою, и дѣтей.»

Царь даже заплакалъ, когда услыхалъ это. «Пускай бы, говоритъ, ужъ меня проклялъ, я точно грѣшенъ,—а чѣмъ–же дѣти мои согрѣшили и жена моя! за что ихъ–то онъ проклялъ?»

Царь велѣлъ Паисію, боярамъ и духовенству ѣхать къ Никону и узнать доподлинно это дѣло. Они сперва рѣшили не грубить Никону и пойдти къ нему подъ благословеніе; а дорогой уговорились: «нужно намъ разсердить Никона съ самаго начала, тогда онъ въ сердцахъ выругаетъ насъ и царя тоже. Не станемъ къ нему подходить подъ благословеніе.» Они такъ и не подошли подъ благословеніе. Никонъ разсердился и сталъ ругать Паисія: «ты зачѣмъ тутъ! Какъ ты смѣлъ придти ко мнѣ безъ грамоты отъ вселенскихъ патріарховъ?» Паисій сначала испугался, потомъ оправился и говоритъ: «зачѣмъ мнѣ грамоты, ты вѣдь не патріархъ.»—А Никонъ говоритъ: «ты смутьянъ, смущать сюда пріѣхалъ. Я съ тобой и говорить не хочу.»

Бояре спросили его: «зачѣмъ ты царя проклиналъ?» Никонъ говоритъ: «я царя не проклиналъ, будь я анаѳема, если я его проклялъ. А проклиналъ я Бабарыкина. Я за царя Богу молюсь, поминаю его на ектеніяхъ и служилъ за него молебенъ». Бояре не повѣрили Никону и

говорятъ: «мы вѣрно знаемъ, что ты царя проклиналъ. Тебя бы въ ссылку послать, чтобы ты государю не досаждалъ. Какой ты патріархъ, только смуту дѣлаешь.» Тутъ Никонъ крѣпко вспылилъ и сталъ браниться:

— Вы пришли на меня, какъ жиды на Христа, сказалъ онъ, потомъ и царя попрекнулъ. «Дайте, говоритъ, мнѣ только собора дождаться: я великаго государя оточту отъ христіанства. У меня ужъ и грамота заготовлена.» Бояре разказали все это царю. «Еслибы, говорили они, не такой на немъ санъ, мы бы его живаго не оставили.» Царь обидѣлся на Никона и говоритъ Паисію: «скажи, какъ мнѣ быть съ Никономъ?—я самъ ничего не придумаю.» Паисій ему и говоритъ: «напиши грамоты къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ, пропиши въ нихъ все объ Никонѣ—они тебѣ скажутъ, что дѣлать съ нимъ. Царь говоритъ: «хорошо, только я не много подумаю.»

Царь подумалъ съ боярами и написалъ грамоты къ патріархамъ. Въ этихъ грамотахъ онъ спрашивалъ: чья власть выше—царская или патріаршая, и могутъ ли митрополиты и бояре судить патріарха? Паисій нашолъ греческаго дьякона Милетія и говоритъ царю: отправь грамоты съ Милетіемъ. Милетію дали грамоты и восемь тысячь золотыхъ раздать патріархамъ. Милетій поѣхалъ. Никонъ узналъ, что послали съ грамотами Милетія и написалъ царю письмо: «послалъ ты, государь, Милетія; онъ злой человѣкъ, умѣетъ печати поддѣлывать, подъ всѣ руки подписывается. Такое дѣло съ нимъ въ Москвѣ было. Есть у тебя, государь, своихъ много кого послать, кромѣ этого воришки».

Царь, было, повѣрилъ этому письму, а Паисій ему говоритъ: «Никонъ все вретъ, я тебѣ буду порукой за Милетія.»

Милетій привезъ отвѣты отъ патріарховъ. Они отвѣчали: «царская власть выше патріаршей и виноватаго патріарха могутъ судить бояре и митрополиты, а царя судитъ только Богъ». Только подписи патріарховъ подъ грамотами были поддѣланы. Паисій ручался только за подпись одного патріарха, а другихъ не зналъ чьи они. Опять послали къ патріархамъ спросить—давали ли они грамоты? Цареградскій и Іерусалимскій патріархи отвѣчали: «дали мы грамоты и послали ихъ для подписи къ александрійскому и антіохійскому патріархамъ. Подписали ли они, не вѣдаемъ». Іерусалимскій патріархъ прислалъ еще письмо царю: «помирись, говоритъ, съ Никономъ. Скажи ему, чтобъ шолъ въ Москву на патріаршество. Если онъ не согласится, тогда суди его». Тутъ царю и другіе стали говорить: «лучше пригласи патріарховъ въ Москву, пускай они сами разсудятъ дѣло, и Никону безобидно будетъ». Царь согласился и послалъ за патріархами, и сталъ опять ласковъ съ Никономъ, и Никонъ опять сталъ писать къ царю любительныя письма.

Разъ царь поѣхалъ на богомолье въ Саввинъ монастырь. Никонъ послалъ ему туда архимандрита съ ласковымъ письмомъ. Царь обрадовался смиренству Никона и обласкалъ архимандрита. Архимандритъ и говоритъ царю:

— Патріархъ очень тужитъ о тебѣ и винитъ все себя. Онъ приказалъ сказать тебѣ—не вѣрь ты никакой на него

смутѣ. Тебѣ все паговариваютъ на него и слова его перевираютъ. Что доброе про тебя скажетъ—промолчатъ, а что съ серцовъ скажетъ—перескажутъ!»

— Скажи патріарху, сказалъ царь архимандриту: что я не вѣрю смутѣ и гнѣва на него никакого не держу. Лишь бы онъ на меня не серчалъ, а я не серчаю. Потомъ царь написалъ Никону письмо и послалъ къ нему дворянина съ своей милостію.

Послѣ этого прошло нѣсколько дней. Вдругъ Никонъ получилъ письмо отъ боярина Зюзина. Зюзинъ пишетъ ему: «приказалъ тебѣ государь пріѣзжать въ Москву немедля и прямо идти тебѣ въ Успенскій соборъ. Царь хочетъ съ тобою мириться». Никонъ прочиталъ это письмо и сказалъ: «буде въ томъ воля Божія. Сердце царево въ рукѣ Божіей, а я миру радъ». Потомъ онъ написалъ Зюзину: «безъ государева указа мнѣ ѣхать нельзя». Зюзинъ написалъ ему другое письмо: «если ты не поѣдешь, потеряешь послѣднюю царскую милость. Вспомни, какъ царь обласкалъ твоего архимандрита, какъ онъ къ тебѣ милостиво писалъ. Не сомнѣвайся, пріѣзжай въ воскресенье къ заутрени—такъ царь велѣлъ. Только не говори ты, что пріѣхалъ по государеву указу. Когда придешь въ соборъ, повѣсти о своемъ приходѣ государя—онъ придетъ и съ тобой помирится. Вѣрь, все это пишу къ тебѣ съ царскихъ словъ».

Никонъ прочиталъ это письмо и сталъ молиться и поститься: три дня ничего не ѣлъ и не спалъ, надѣлъ на себя желѣзныя вериги. Потомъ, когда заснулъ, ему при-

снился сонъ: стоитъ онъ въ Успенскомъ соборѣ, опять патріархомъ. Никонъ проснулся и сказалъ: «не противникъ я волѣ Божіей—поѣду».

VII.

Пріѣздъ Никона въ Москву.

За недѣлю до Рождества, въ 1664 году, митрополитъ Іона служилъ въ Успенскомъ соборѣ утреню. Дьяконъ читалъ вторую каѳизму и ни объ чемъ не думалъ. Только слышитъ—вошло въ церковь много людей и чей-то, словно знакомый, голосъ говоритъ ему: «перестань читать!» Дьяконъ испугался. Потомъ слышитъ—какіе-то пѣвчіе сначала запѣли: *испола эти деспота*, а потомъ *достойно*. Дьяконъ поглядѣлъ и не вѣритъ своимъ глазамъ. Никонъ стоитъ на патріаршемъ мѣстѣ и въ рукахъ у него посохъ св. Петра митрополита. Никонъ сказалъ дьякону: «говори ектенію»,—а самъ пошелъ прикладываться къ мощамъ и иконамъ. А діаконъ со страху не зналъ какую ектенію говорить. Ключари ему шепчутъ: «говори большую—*помилуй насъ Боже*—говори...» Діаконъ сталъ говорить: *помилуй насъ Боже*, а у самаго такъ и дрожитъ голосъ,—онъ испугался. Іона тоже испугался, не зналъ что ему дѣлать, пришолъ на клиросъ и говоритъ: «ну, бѣда намъ,—не вѣдаю что и дѣлать. Государю чтоли доложить? Пойдемъ, протопопъ, къ государю!» А протопопъ только рукою махнулъ и пошелъ къ Никону подъ благословеніе. А Никонъ сказалъ: «пускай сперва митрополитъ

*

подойдетъ.» А Іона думаетъ: «вѣрно по государеву указу пришолъ», и подошолъ подъ благословенье къ Никону. За нимъ пошли всѣ духовные. Діаконъ принесъ своихъ ребятишекъ: «благослови, говоритъ, отче патріархъ!» Никонъ благословилъ и сказалъ Іонѣ: «поди, доложи великому государю объ моемъ приходѣ». Іона пришолъ къ царю. А царь въ своей дворцовой церкви слушалъ утреню. Іона и говоритъ царю: патріархъ Никонъ пришолъ въ соборную церковь, сталъ на патріаршемъ мѣстѣ и велѣлъ тебѣ сказать о своемъ приходѣ». Царь ничего не сказалъ, а пошолъ во дворецъ и говоритъ слугамъ: «послать ко всѣмъ архіереямъ и боярамъ». Поднялась бѣготня. Бояре и духовные пришли во дворецъ, собрались вокругъ царя, глядятъ другъ на дружку, только шепчутся между собою, всѣ очень испугались. Царь спрашиваетъ у нихъ: «что дѣлать? пришолъ Никонъ». Тутъ Паисій и заговорилъ: «надо спросить его какъ смѣлъ онъ, словно разбойникъ, придти? Ему надо дожидаться рѣшенія дѣла отъ вселенскихъ патріарховъ». Царь послалъ митрополита и бояръ спросить Никона — зачѣмъ онъ пришолъ? Никонъ отвѣчалъ: «сшолъ я съ престола никѣмъ не гонимъ, а пришолъ, чтобъ помириться съ царемъ. Отнесите царю мое письмо». А въ этомъ письмѣ Никонъ написалъ про свой сонъ. Письмо прочли предъ царемъ. Паисій и говоритъ: «это дьяволъ ему во снѣ являлся. Пусть идетъ туда, откуда пришолъ». Царь видитъ, что всѣ противъ Никона, приказалъ боярамъ сказать ему, чтобъ онъ шолъ назадъ въ Воскресенскій монастырь. Никонъ, когда услыхалъ этотъ приказъ, очень удивился и

подумалъ: неужели Зюзинъ обманулъ меня? Потомъ приложился къ иконамъ, взялъ посохъ Петра митрополита и пошолъ вонъ изъ церкви. Занималась заря и на небѣ звѣзда съ хвостомъ стояла. Никонъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ. Его провожали солдаты, бояре и народъ. За городомъ одинъ бояринъ говоритъ Никону: «у тебя царь велѣлъ просить благословенія и прощенія». Никонъ сказалъ: «Богъ его проститъ, ежели смута не отъ него». А бояринъ у него спрашиваетъ: «какая смута? скажи мнѣ». Тогда Никонъ сказалъ: «я вѣдь пріѣзжалъ сюда по вѣсти. Если царь невиненъ въ моемъ пріѣздѣ и все было безъ его воли, то да проститъ и да благословитъ его Богъ».

Бояринъ воротился въ Москву и разсказалъ царю, что Никонъ пріѣзжалъ по вѣсти и взялъ съ собою посохъ Петра чудотворца. Послали бояръ остановить Никона, отобрать у него посохъ и узнать по чьей вѣсти онъ пріѣзжалъ. Бояре остановили Никона въ одномъ селѣ, окружили солдатами домъ, въ которомъ онъ былъ, и сказали ему: «до тѣхъ поръ не пустимъ тебя, пока не исполнишь царскаго приказу.» Никонъ два дни не говорилъ кто прислалъ его въ Успенскій соборъ и не отдавалъ посоха и письма Зюзина. А потомъ отдалъ и письмо, и посохъ. Зюзина привели къ допросу и стали пытать. Жена Зюзина узнала объ этомъ, вскрикнула и умерла. А Зюзинъ показалъ: «я самъ вздумалъ послать патріарха въ соборъ, никто мнѣ этого не совѣтовалъ. А сдѣлалъ я это для того, чтобъ помирить Никона съ царемъ.» Бояре стали судить Зюзина и присудили къ смерти за то, что онъ наговорилъ

на государя. Только царь не велѣлъ казнить его, а велѣлъ сослать въ Казань на службу, а имѣніе его описать въ казну. Когда Никонъ узналъ, какъ осудили Зюзина, горько ему стало и онъ написалъ къ царю: «былъ у меня другъ и пріятель Зюзинъ, ты и его сослалъ». А царь ему ответилъ: «а ты зачѣмъ выдалъ его?»

Когда Никонъ увидалъ, что ему придется быть на судѣ у патріарховъ и думаетъ: пріѣдутъ патріархи и наговорятъ имъ обо мнѣ невѣсть что. Лучше напишу я имъ письмо и разкажу все свое дѣло, какъ оно было. Онъ написалъ письмо къ патріархамъ и послалъ его съ своимъ родственникомъ. Недруги Никона узнали объ этомъ, перехватили письмо и представили царю. Царь прочиталъ это письмо и разсердился на Никона, потому что тамъ много нехорошаго было про государя написано.

VIII.

Судъ надъ Никономъ.

Наконецъ пріѣхали александрійскій и антіохійскій патріархи, а цареградскій и іерусалимскій не пріѣхали—отказались. Бояре, солдаты и мужики—всѣ вышли встрѣчать патріарховъ. Архіереи и попы вышли съ крестнымъ ходомъ. Митрополиты говорили имъ рѣчи и самъ царь сказалъ рѣчь. (Эту рѣчь царю сочинилъ Паисій). Потомъ стали угощать патріарховъ и разные подарки дарить: кто икону подаритъ, кто ризу, кто денегъ. Царь позвалъ ихъ

къ себѣ и долго говорилъ съ ними. Потомъ велѣлъ двумъ архіереямъ разсказать патріархамъ все Никоново дѣло. Патріархи попросили у царя еще Паисія, сказали: «онъ по-гречески знаетъ и лучше намъ дѣло разскажетъ.» Царь велѣлъ Паисію разсказать имъ все объ Никонѣ.

Паисій сталъ разсказывать патріархамъ дѣло Никона и насказалъ чего вовсе и не было. Патріархи велѣли собрать соборъ. Собрали соборъ. Тутъ былъ царь, духовенство и бояре. На соборѣ всѣ говорили: Никона не надо призывать на соборъ, его и заглаза осудить можно. А царь велѣлъ призвать Никона: а то, говоритъ, онъ будетъ на неправедный судъ жаловаться. Съ собора отправили за Никономъ одного архіерея и двухъ архимандритовъ.

Никонъ принялъ ихъ и сказалъ: «на соборѣ буду, вотъ только сберуся. Я могъ бы и не идти на соборъ, потому что меня зовутъ не по правиламъ св. отецъ. Слѣдовало бы прислать за мною двухъ или трехъ архіереевъ, а не архимандритовъ.» Посланцы сейчасъ написали въ Москву: «Никонъ насъ обесчестилъ, сказалъ что будетъ на соборѣ, а самъ не ѣдетъ.» А Никонъ на другой день отслужилъ обѣдню, пособоровался масломъ, причастился и поѣхалъ. Только отъѣхалъ онъ не далеко отъ Воскресенскаго монастыря, ему попались на встрѣчу новые посланцы изъ Москвы и спрашиваютъ его: «зачѣмъ ты обесчестилъ посланцевъ и въ Москву не ѣдешь?» Никонъ имъ отвѣчалъ: «Вы лжете! Развѣ не видите, что я ѣду. Вы меня бесчестите, а не я васъ. Мнѣ некому на васъ жаловаться кромѣ Бога,—Онъ все видитъ.» Никонъ отъѣхалъ

еще не много, и встрѣтилъ третьихъ посланцевъ. Они говорятъ Никону: «остановись. Насъ послали патріархи, чтобъ ты ѣхалъ на судъ въ Москву. Къ тебѣ посылали ужь два раза, а ты только посланцевъ бесчестишь и не ѣдешь въ Москву. Велѣно тебѣ быть въ Москвѣ ночью и людей съ собой много не брать.» Никонъ сказалъ имъ: «Охъ, лжецы вы, лжецы! Какъ же я не ѣду, когда вы меня на дорогѣ встрѣчаете и зачѣмъ велѣно мнѣ быть ночью и не брать людей?» Посланцы ему отвѣчали: «мы люди подневольные: что намъ велѣно дѣлать, то мы и дѣлаемъ.»

Никонъ пріѣхалъ въ Москву до зари. Солдаты стали кругомъ дома, въ которомъ онъ остановился. На другой день, рано утромъ пришли звать его на соборъ. Никонъ сказалъ: «я готовъ.» Потомъ всталъ и велѣлъ предъ собою нести крестъ. Только онъ хотѣлъ идти, посланцы закричали: «остановись! Велѣно тебѣ безъ креста идти.» Никонъ сказалъ: «я безъ креста не пойду.» Посланцы пошли и сказали объ этомъ на соборѣ. Соборъ приказалъ, чтобъ Никонъ шолъ безъ креста. Никонъ опять сказалъ: «я не пойду безъ креста.» Посланцы стали бѣгать отъ Никона на соборъ, съ собора къ Никону. Бѣгали, бѣгали, такъ ничего и не сдѣлали. Никонъ пошолъ съ крестомъ и на дорогѣ благословлялъ народъ. Когда взошолъ онъ съ крестомъ на соборъ,—всѣ встали. Никонъ прочолъ молитву за царя, за патріарховъ и за всѣхъ христіанъ. Потомъ поклонился до земли царю три раза, а патріархамъ два раза. Патріархи пригласили его сѣсть на простую скамью.

Никонъ обидѣлся и сказалъ имъ: «я не зналъ, что вы будете сажать меня на простую скамью, а то я принесъ бы мѣсто съ собою. А на скамью я не сяду, лучше постою.» Тогда и царь всталъ съ мѣста, подошолъ къ патріархамъ и сталъ говорить:

— Святѣйшіе патріархи! судите меня съ этимъ человѣкомъ. Былъ онъ намъ прежде истинный пастырь, пасъ насъ по всей Божіей правдѣ, а послѣ вдругъ оставилъ престолъ и восемь лѣтъ оставалась церковь безъ пастыря и бѣдствовала.»

Патріархи спросили Никона: «зачѣмъ ты самовольно оставилъ патріаршество?» Никонъ отвѣчалъ: «я ушолъ отъ царскаго гнѣва.» Потомъ разсказалъ какъ царскій бояринъ побилъ его боярина, какъ онъ жаловался на это, какъ не разобрали его жалобу и какъ царь пересталъ ходить на патріаршую службу.

Царь сказалъ: «мнѣ некогда было разбирать жалобу патріарха, потому что у меня тогда обѣдалъ грузинскій царевичь. Мой бояринъ побилъ патріаршаго боярина за дѣло и Никону отъ этого безчестья не было. Я ему своего гнѣва не объявлялъ, а послалъ только боярина сказать ему, чтобы онъ не писался великимъ государемъ, потому что такъ не писались прежніе патріархи.»

Никонъ сказалъ:

— А бояринъ твой сказалъ мнѣ, что ты гнѣваешься на меня. Я оттого и ушолъ. И прежніе патріархи уходили отъ царскаго гнѣва—Григорій Богословъ ушолъ.

Патріархи сказали:

— Прежніе патріархи это дѣлали не такъ какъ ты. Ты отрекся отъ патріаршества и сказалъ, что тебѣ быть анаѳемой, если ты опять будешь патріархомъ.

Никонъ сказалъ:

— Я этого не говорилъ, это наклепали на меня.

Патріархи спросили:

— Какъ не говорилъ? Это показываютъ свидѣтели.

Никонъ сказалъ:

— Свидѣтели лгутъ.

Царь сказалъ:

— Ты писалъ ко мнѣ письма и подписывался «*бывшій патріархъ*»

Никонъ отвѣчалъ:

— Можетъ и подписывался когда-нибудь, только я этого не помню.

Царь опять сталъ говорить:

— Святѣйшіе патріархи! Никонъ написалъ на меня въ письмѣ къ цареградскому патріарху многія безчестія и укоризны.

Никонъ сказалъ:

— Я писалъ къ своему духовному брату втайнѣ, зачѣмъ ты распечаталъ письмо? Еслибъ ты не распечатывалъ его, про него только бы и знали я и цареградскій патріархъ.

Стали читать это письмо. Въ письмѣ были обиды царю. Всѣ заговорили противъ Никона. А Никонъ или отпирался или ничего не отвѣчалъ имъ. Соборъ собирался до трехъ разъ. Патріархи спросили Никона: «признаешь ли ты нашъ

соборъ, или нѣтъ?» Никонъ отвѣчалъ: «широки вы тутъ. Скажетъ-ли вамъ спасибо іерусалимскій патріархъ? Какъ то вы передъ нимъ отвѣтъ дадите.»

Тутъ всѣ закричали на него: «какъ ты смѣешь безчестить патріарховъ?» Никонъ замолчалъ.

Въ третій разъ соборъ собрался ужь не въ царскихъ палатахъ, а въ маленькой церкви чудовскаго монастыря. Царя и многихъ бояръ на этомъ соборѣ не было. Были только патріархи, три боярина да духовенство. Архіерей Симонъ, который очень любилъ Никона, также не пришолъ на этотъ соборъ. За нимъ послали. Онъ сказалъ, что онъ болѣнъ и не можетъ встать. Тогда патріархи сказали: «такъ принесите его.» Симона принесли и положили въ углу. Патріархи стали читать приговоръ Никону: «Оставилъ ты самовольно патріаршество—Церковь оттого бѣдствовала; двухъ архіереевъ ругалъ, одного Анною, другова Каіафою, а одного архіерея разстригъ безъ собора; ругалъ двухъ бояръ—одного Иродомъ, другаго Пилатомъ; на соборъ нашъ пришолъ не смиренно и намъ, патріархамъ, уваженія не дѣлалъ; досаждалъ царю; монаховъ и бѣльцевъ бивалъ за преступленія и сѣкъ, на пыткѣ жегъ. За все это снимается съ тебя патріаршество; быть тебѣ простымъ монахомъ Никономъ; жить тебѣ въ Ферапонтовомъ монастырѣ на Бѣломъ озерѣ тихо и Бога молить о своихъ прегрѣшеніяхъ.»

— Знаю я и безъ вашего поученія, какъ жить, сказалъ Никонъ.

Патріархи сняли съ него клобукъ съ жемчужными херувимами. Никонъ сказалъ:

— Возмите это себѣ, вамъ годится; вы вѣдь скитальцы, турецкіе данники, — вы пришли сюда изъ дальнихъ странъ не для того, чтобъ миръ учинить, а для того, чтобъ деньжонокъ набрать. Тутъ жемчугу довольно, раздѣлите промежь себя.»

Патріархи молчали, а Никонъ имъ опять сталъ говорить:

— Что вы тутъ патріаршій санъ съ меня снимаете? Если и повиненъ я, зачѣмъ втайнѣ судите меня? Тутъ ни царя нѣтъ, ни бояръ. И церковь–то какую выбрали — двумъ человѣкамъ повернуться негдѣ. Развѣ такъ было, когда звали меня въ патріархи? Царь плакалъ, бояре плакали, вся Москва съ плачемъ звала меня въ соборѣ. Широки вы тутъ въ тѣснотѣ-то да въ тайнѣ. А пойдемте-ка въ соборъ, да и судите тамъ. Такой судъ я призна́ю.

Патріархи сказали: «все равно намъ судить, что въ этой церкви, что въ другой.» Потомъ велѣли Никону ѣхать на земскій дворъ.

Когда Никонъ сѣлъ въ сани, сталъ самъ себѣ говорить: «Никонъ! отчего это тебѣ все приключилось? Оттого, что правду ты говорилъ, богатыхъ обѣдовъ не давалъ, не вечерялъ съ ними.»

Никона поѣхали провожать понаряду два архимандрита, Павелъ да Сергій, и много солдатъ. Никонъ сталъ говорить съ своими ближними, что были около него. Сергій закричалъ:

— Молчи, Никонъ, молчи!

Никонъ сказалъ: «что онъ кричитъ? Экономъ (съ нимъ былъ его экономъ), поди скажи Сергію, если у него есть власть, пусть зажметъ мнѣ ротъ.»

Экономъ пошелъ и сказалъ Сергію:

— *Патріархъ* велѣлъ тебѣ сказать, если есть у тебя власть надъ нимъ, такъ зажми ему ротъ.

Сергій закричалъ:

— Какъ ты смѣешь, чернецъ, простаго чернеца патріархомъ называть?

Въ отвѣтъ на это изъ толпы кто-то сказалъ:

— Что ты кричишь? Имя патріаршеское дано ему свыше, а не отъ тебя гордаго.

— Солдаты, возьмите этого крикуна, сказалъ Сергій. Солдаты отвѣтили: «мы ужь взяли.»

Какъ увезли Никона, царь усумнился въ себѣ, и утромъ прислалъ Никону денегъ, собольихъ, лисьихъ и всякихъ другихъ шубъ. Никонъ не принялъ ничего. Бояринъ, котораго царь прислалъ къ Никону, сказалъ:

— Царь приказалъ мнѣ испросить у тебя себѣ и царицѣ и всему своему дому благословеніе.»

Никонъ отвѣчалъ:

— Еслибъ царь хотѣлъ моего благословенія, онъ бы не былъ такъ ко мнѣ немилостивъ. Не дамъ ему благословенія.

Такъ и не далъ Никонъ царю благословенія. Когда народъ узналъ, что Никона повезутъ въ монастырь, сталъ собираться въ Кремль. Тутъ пришли солдаты и говорятъ

ласково народу: «чего вы, други, тутъ собираетесь?» А народъ и говоритъ: «да вотъ хотимъ взглянуть въ послѣдній разъ на патріарха». Солдаты говорятъ: «его повезутъ не здѣсь, а вонъ по той улицѣ». Всѣ пошли на ту улицу какую назвали солдаты. А тѣмъ временемъ Никона повезли другой дорогой. Такъ народъ и не простился съ Никономъ.

Царю показалось, что онъ поступилъ съ нимъ очень строго. Царь думалъ: «Никонъ былъ патріархомъ, наравнѣ со мной стоялъ, а теперь простой монахъ. Зачѣмъ ему было такъ гордиться—все царство хотѣлъ взять въ свои руки. Если бы онъ не заносился такъ, то всегда бы былъ моимъ другомъ. Теперь ужь стараго не воротишь. Мнѣ жаль его. Хоть бы онъ пересталъ сердиться на меня».

IX.

Заточеніе.

Царь посылалъ къ Никону нѣсколько разъ просить себѣ благословенія. Никонъ сначала нѣсколько лѣтъ не давалъ благословенія. Онъ говорилъ царю: «вороти меня изъ ссылки, такъ благословлю. А даромъ не благословлю.» Сперва держали его крѣпко, но потомъ онъ жилъ почти на свободѣ. Къ нему пріѣзжали и приходили люди изъ разныхъ мѣстъ, величали его патріархомъ, и самъ онъ себя такъ называлъ. Даже Ферапонтовскій игуменъ сталъ поминать его на эктеніяхъ патріархомъ и цаловать руку. А когда Никонъ прислалъ царю благословеніе, то царь сталъ ему

подарки посылать и величать его *святымъ*, *великимъ старцемъ*; кушанье пошло ему еще лучше. Только Никону этого было мало. Онъ думалъ: я царствомъ управлялъ и не привыкъ сидѣть сложа руки, мнѣ нужно дѣло дѣлать, а какое мнѣ тутъ дѣло? Только и знаю, что ѣмъ, да пью, да сплю. Ему все думалось: авось царь еще больше смилуется и переведетъ его поближе къ Москвѣ. Иной разъ думалось даже ему, что онъ опять въ Москву попадетъ, опять патріархомъ станетъ. Этого не случилось. Отъ нечего дѣлать Никонъ часто бранился съ монахами, писалъ на нихъ жалобы царю. Царь входилъ во всѣ его просьбы и исполнялъ ихъ. А монахи Кириловскаго монастыря (изъ этого монастыря шли Никону съѣстные припасы) говорили Ферапонтовскимъ: «ну, братія, кушаетъ насъ вашъ батька». Никонъ услыхалъ это и написалъ къ царю: «монахи говорятъ, что я ѣмъ ихъ,—а я не людоѣдъ». Былъ въ монастырѣ поваръ, Ларка. У него была привычка говорить: *добро-ста*. Никонъ скажетъ ему что-нибудь, а Ларка ему отвѣчаетъ: *добро-ста*. Никону показалось, что онъ говоритъ ему: *добръ Астартъ*. Никонъ пожаловался игумену и царю: «меня Ларка поваръ называетъ *Астартъ*, а Астартъ былъ идолъ, а я христіанинъ». Ларку наказали. Скучно было Никону отъ бездѣлья въ неволѣ — онъ очень привыкъ дѣло дѣлать. Куда ни пойдетъ онъ — впереди два солдата, а сзади еще человѣкъ шесть идутъ. Тяжко ему, а дѣлать нечего. Оттого онъ все и бранился и себя этимъ тѣшилъ. Онъ дѣлалъ въ мона-

стырѣ и доброе дѣло—выписывалъ изъ Москвы лекарства и лечилъ хворыхъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ. Когда Никону сказали объ этомъ, онъ заплакалъ и говоритъ: «воля Божія! видно судиться намъ на томъ свѣтѣ». А бояринъ, который сказалъ Никону о смерти царя, сталъ просить его: «прости государя». Никонъ сказалъ: «Богъ его проститъ; поминать его я буду».

X.

Смерть Никона.

На царскій престолъ сѣлъ сынъ Алексѣя, Ѳедоръ Алексѣевичъ. Ему было всего 14 лѣтъ. Тогдашній патріархъ Іоакимъ не любилъ Никона и вѣрилъ всему, что говорили про него. А недруги говорили про Никона, что онъ и народъ смущаетъ, и съ чортомъ знается, и всякій день говоритъ съ нимъ, и въ великій постъ пьянъ напивается. Патріархъ перевелъ Никона въ Кириловскій монастырь. Тамъ стали держать его гораздо строже, дали ему угарную келью и, кромѣ службы, никуда не выпускали.

Царь сталъ приходить въ возрастъ. У него была тетка Татьяна Михайловна. Она очень почитала Никона. Она стала говорить царю: «Никонъ осужденъ понапрасну. Разсмотри его дѣло, вспомни его дружбу съ отцомъ твоимъ, вспомни какъ радѣлъ онъ о царской семьѣ и спасъ ее отъ моровой язвы. Съѣзди въ Воскресенскій монастырь, по-

гляди какъ Никонъ украсилъ его во славу Божію». Ѳедоръ поѣхалъ. Ему очень понравилась монастырская церковь. Онъ пожалѣлъ Никона и сказалъ монахамъ:

— Хотите, я ворочу къ вамъ Никона.

Монахи сказали:

— Сдѣлай такую милость, благочестивый государь».

Царь сказалъ: «напишите мнѣ просьбу, что вы хотите имѣть Никона своимъ начальникомъ, я и ворочу его.» Монахи написали просьбу. Царь созвалъ соборъ и сказалъ: «я хочу воротить Никона.»

Патріархъ не согласился и сказалъ: «Никона осудили вселенскіе патріархи. Я противъ нихъ не пойду».

Царь сказалъ: «его осудили неправильно. А онъ теперь старъ, немощенъ—блаже будетъ ему въ своей обители.» А патріархъ все-таки не согласился воротить Никона. Царь опечалился и написалъ Никону, что хотѣлъ, было, онъ перевесть его въ Воскресенскій монастырь, да патріархъ говоритъ—этого сдѣлать нельзя. Никонъ былъ очень болѣнъ. Когда онъ получилъ отъ царя письмо, то очень обрадовался. Но ему становилось все хуже. Когда игуменъ увидалъ, что Никонъ умретъ, спросилъ патріарха—какъ его хоронить? Патріархъ отвѣтилъ: «хорони какъ простаго монаха и положи на паперти, а не въ церкви.»

А Никону хотѣлось умереть въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ. Лежа, написалъ онъ письмо въ свой монастырь къ монахамъ: «попросите, братія, еще обо мнѣ царя. Умираю я, не попомните моей прежней грубости, пожалѣйте

старика». Монахи опять написали просьбу къ царю. Царь опять созвалъ соборъ и сталъ просить патріарха: «пожалѣй ты Никона! Совсѣмъ умираетъ. Пускай хоть передъ смертью порадуется». Патріархъ согласился. Царь сейчасъ послалъ за Никономъ, кареты выслалъ ему навстрѣчу.

Никонъ, еще до пріѣзда царскаго посланца, сталъ собираться въ путь. Монахи, которые при немъ были, говорили между собой: «это онъ въ безпамятствѣ дѣлаетъ». За часъ до пріѣзда посланца, Никонъ всталъ, одѣлся и сказалъ монахамъ: «я готовъ, что же вы не собираетесь? Сейчасъ за нами будутъ». Сейчасъ послѣ этого пріѣхалъ царскій посолъ съ милостью. Приготовили струги и Никонъ поѣхалъ водою по рѣкѣ Шекснѣ. Когда онъ доѣхалъ до Волги, велѣлъ везти себя внизъ по рѣкѣ до Ярославля. Изъ всѣхъ селъ и городовъ къ нему навстрѣчу выходилъ народъ, подносилъ хлѣбъ-соль и со слезами провожалъ его. До Ярославля осталось шесть верстъ. Никонъ ослабъ и велѣлъ остановиться въ одномъ монастырѣ, чтобъ отдохнуть. Монахи вышли къ нему навстрѣчу и одинъ бросился къ нему въ ноги и сказалъ: «прости мнѣ, святой отче!» Никонъ поглядѣлъ на него и узналъ Сергія, который все кричалъ ему: «молчать!» когда онъ ѣхалъ съ послѣдняго собора на земскій дворъ. Сергій былъ въ заточеніи. Никонъ его простилъ. Потомъ Никонъ причастился въ монастырѣ и поѣхалъ въ Ярославль. Тутъ вышелъ къ нему на встрѣчу весь городъ, воевода и духовенство. Народъ со слезами подходилъ къ нему, просилъ благословенія и цаловалъ у него руки и ноги. Никонъ не могъ

ничего говорить, только руку протягивалъ и плакалъ. Стали звонить къ вечернѣ. Никонъ началъ озираться, поправлять платье руками, словно сбирался въ путь. Потомъ благословилъ всѣхъ, сложилъ руки на груди и тихо умеръ. Это было 17-го августа 1681 года. Никону было тогда 76 лѣтъ. Въ заточеніи онъ пробылъ 15 лѣтъ.

Гробъ съ тѣломъ Никона повезли въ Воскресенскій монастырь. Царь звалъ патріарха со всѣмъ духовенствомъ хоронить Никона.

Патріархъ сказалъ: «я пожалуй пойду, а только поминать Никона патріархомъ не стану. Мнѣ нельзя идти противъ вселенскихъ патріарховъ—они осудили Никона.»

Царь сказалъ: «я все на себя беру, я напишу вселенскимъ патріархамъ—они разрѣшатъ отъ суда Никона.»

Патріархъ не пошолъ на погребеніе, а послалъ митрополита и сказалъ ему: «правь погребеніе какъ царь велитъ.»

Много народу собралось въ Воскресенскій монастырь на погребеніе Никона. Гробъ его встрѣтили за монастыремъ самъ царь, митрополитъ, архіереи, попы, монахи и бояре. Священники понесли въ церковь гробъ на головахъ. Отслужили обѣдню и панихиду. Никона поминали патріархомъ.

Всѣ стали прощаться съ мертвымъ. Царь взялъ руку Никона, поцаловалъ ее и заплакалъ. Потомъ другіе стали прощаться. Всѣ плакали. Такъ похоронили патріарха Никона.

Четыре вселенскіе патріарха прислали скоро разрѣшительныя грамоты. Въ этихъ грамотахъ патріархи писали,

что Никонъ осужденъ неправильно и называли его «столпомъ благочестія непоколебимымъ и божественныхъ и священныхъ канонъ оберегателемъ присноискуснѣйшимъ, и отеческихъ догматовъ и повелѣній, и преданій неизрѣченнымъ ревнителемъ и заступникомъ достойнѣйшимъ.»

ЕРМАКЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ

ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

ЕРМАКЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ

ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

I.

Сибирь начинается за Уральскими горами. Еще лѣтъ за четыреста до Ермака, ѣзжали сюда новгородскіе купцы, переходили Уральскія горы и вымѣнивали у сибиряковъ мѣха—собольи, куньи, лисьи. Мѣха эти они продавали въ Россіи и отпускали въ чужеземныя царства. Торговля эта была имъ очень выгодна, но путь въ Сибирь былъ труденъ: отъ Новгорода надо было пройти больше трехъ тысячь верстъ. Шли больше все водою, по рѣкамъ. Сибирь тогдашніе новгородцы называли Югорскою землею. Лѣтъ за сто до Ермака къ Сибири подходили и рати русскія. Говорятъ, будто рати эти и за Уралъ переходили, но Сибирь не завоевали, хотя великій князь Иванъ III

Васильевичъ, при которомъ это было, прибавилъ къ своему титулу именованіе «государя югорскаго».

Когда царь Иванъ Грозный покорилъ царство Казанское, сибирскій князь Едигеръ услышалъ про это, и подумалъ: русскій царь сильный царь; при случаѣ, пожалуй, и пригодится и помощь подать можемъ коли какой другой князь вздумаетъ отнять у меня Сибирь. Подумавъ, Едигеръ черезъ посла сказалъ царю Ивану Грозному: «Возьми меня со всею моею землею подъ свою руку, только защити отъ всѣхъ моихъ непріятелей. А я тебѣ дань буду платить мѣхами, и за данью ты присылай своего человѣка». Царь согласился. Сталъ Едигеръ дань присылать по тысячѣ и больше собольихъ шкурокъ, но присылалъ не всегда исправно. По правдѣ сказать и присылать дань не за что было. Еслибъ на Едигера кто напалъ, царь Иванъ Грозный не собрался бы помочь ему, потому что слишкомъ далеко было отъ Москвы до Сибири: когда-то наша рать пришла бы на подмогу, когда нужно было пройти тысячи три верстъ по мѣстамъ глухимъ, безъ жилья, гдѣ и съѣстныхъ запасовъ достать было трудно. Такъ оно и случилось скоро.

Пришелъ въ Сибирь изъ степи, изъ Кайсацкій орды, князёкъ Кучумъ, разбилъ Едигерово войско, самаго Едигера и брата его Бекбулата убилъ и завладѣлъ Сибирскимъ царствомъ. Царь Иванъ сталъ съ Кучума дани требовать. Сперва было Кучумъ обѣщалъ дань платить. А послѣ, когда пріѣхалъ къ нему царскій посолъ, Кучумъ убилъ его. Съ этого времени о дани и думать было нечего.

Царство Кучумово было тамъ, гдѣ теперь Тобольская губернія. Природные жители Сибири были Вогуличи и Остяки—народцы совсѣмъ почти дикіе. Кланялись они идоламъ и жертву имъ приносили. А когда жертву приносили, то говорили идолу: мы вотъ даемъ тебѣ, боже, рыбы, оленей, а ты намъ дай за это вотъ то-то и то-то (называютъ, чего имъ нужно: иной проситъ, чтобъ звѣрей ему побольше убить, иной, чтобъ болѣзнь прошла). Ѣли они мясо, рыбу, коренья, кровь любили пить изъ животныхъ; ѣздили на собакахъ и оленяхъ. Кромѣ этихъ природныхъ жителей, были пришлые—Татары, Ногаи, Кайсаки. Эти были вѣры магометовой—Бога почитали и Магомета считали Его пророкомъ.

Иные изъ сибиряковъ жили осѣдло, другіе кочевали съ мѣста на мѣсто—какъ кому было сподручнѣй. Занимались они ловлею пушныхъ звѣрей въ густыхъ сибирскихъ лѣсахъ, на степяхъ стада пасли, хлѣбъ сѣяли. Подать платили звѣриными шкурками. Всякихъ звѣрей въ Сибири и теперь много, а тогда было еще больше. Въ рѣкахъ, кромѣ рыбы всякой, были бобры и выдра. Въ лѣсахъ было тьма соболей, бѣлокъ, куницъ, лисицъ, горностаевъ. Всего въ Сибири было вдоволь—и земли хорошей, и луговъ, и лѣсовъ всякихъ, и звѣря, и рыбы, и воздухъ былъ здоровый. Въ горахъ находили желѣзо, серебро, золото, мѣдь, свинецъ, самоцвѣтные камни. Однимъ словомъ сказать — въ Сибири было приволье человѣку. Только сѣверныя мѣста очень холодны, да тамъ и жилья почти не было.

Городовъ въ Сибири не было такихъ, какъ теперешніе

наши города. Самый столичный городъ, Сибирь, былъ гораздо хуже иного нашего уѣзднаго городка. Да мало было въ Сибири и тогдашнихъ городовъ—все больше были села, да кочевья.

Сибирскіе Татары часто переходили Уральскія горы и нападали на нашихъ поселенцевъ въ Великой Перміи (между Камою и Двиною*), грабили ихъ, скотъ и добро отнимали.

Мѣста тѣ были заселены очень худо, а земли было вдоволь, потому московскіе князья и цари съ радостью давали тутъ землю всѣмъ, кто брался ее заселить и обработать. Даже отъ податей освобождали на нѣсколько лѣтъ и отъ расходовъ на проѣздъ царскихъ чиновниковъ. Льготы эти денежнымъ людямъ были на руку—и земли разбирались по немногу. Самые богатые поселенцы въ тѣхъ краяхъ были купцы Строгоновы. Разъ попался въ плѣнъ къ казанскимъ Татарамъ великій московскій князь**) Василій, такъ Строгоновы почти одни выкупили его. Такіе они богачи были. Потомки этихъ Строгоновыхъ жили и при Иванѣ Грозномъ въ тѣхъ же мѣстахъ и соль тамъ варили. Земли было у нихъ много, и промыслъ они большой держали. Захотѣлось имъ еще увеличить свой промыслъ. Они попросили у царя, чтобъ онъ пожаловалъ имъ пустопорожнія земли по Камѣ и Чу-

---

*) Кама течетъ въ Волгу съ сѣвера, а Двина течетъ съ юга на сѣверъ, и вливается въ Бѣлое море.

**) До Ивана Грознаго наши государи царями не назывались.

совой рѣкамъ. Царь далъ имъ эти земли и льготы далъ на двадцать лѣтъ: подати никакой не платить, чиновниковъ не возить, своихъ поселенцевъ судить самимъ во всемъ. Взяли Строгоновы эту землю, нашли въ ней разсолъ, стали и тутъ соль варить, пашни пахать, лѣсъ рубить. А чтобъ поселенцамъ ихъ не было обиды отъ непріятелей какихъ. Строгоновы построили два городка, обнесли ихъ стѣнами, купили пушекъ, ружей, всякаго военнаго снаряда. Дѣла ихъ пошли хорошо. Стали они думать, какъ бы имъ и за Уралъ пробраться, въ Сибирь. Тутъ Кучумъ сталъ посылать своихъ Татаръ грабить наши поселенія и провѣдать дорогу къ городкамъ, что́ Строгоновы поставили. Мамет-кулъ, родственникъ Кучумовъ, пяти верстъ всего не дошелъ до этихъ городковъ, и доро́гой всѣхъ грабилъ и Русскихъ, и Остяковъ. Строгоновы сейчасъ стали просить царя: «Сибирскій салтанъ обижаетъ нашихъ поселенцевъ, и Остяковъ, что́ къ тебѣ перешли отъ него, тоже обижаетъ, бьетъ, женъ и дѣтей ихъ въ полонъ уводитъ. А безъ твоего вѣдома мы не посмѣли послать своихъ наемныхъ казаковъ въ догоню за Татарами. Позволь намъ впередъ Татаръ нагонять и бить, и въ Сибири городки дѣлать и боевой снарядъ держать на свой счетъ, вырабатывать желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ, пашни пахать и угодьями владѣть. А льготы намъ дай на двадцать лѣтъ, какъ давалъ на прежнія земли». Царь и это имъ позволилъ. Тогда Строгоновы стали думать: откуда бы намъ людей взять, которые пошли бы воевать съ Татарами? Въ то время по Волгѣ ходило много Казаковъ, которые жили

разбоемъ и никому спуску не давали: царское ли судно съ товарами шло, купеческое ли, нашей ли земли, чужой ли—все грабили. По Волгѣ плавать было опасно: иногда и конвой не помогалъ, потому что казаки разбивали и конвой. Царь увидѣлъ, что съ казаками никакой управы нѣтъ, словъ и совѣтовъ не слушаютъ, въ одно ухо впускаютъ, изъ другаго выпускаютъ, и послалъ онъ войско противъ казаковъ—многихъ переловили и казнили, а многіе ушли. Изъ всѣхъ этихъ казацкихъ разбойничьихъ шаекъ самая большая была у Ермака.

II.

Ермакъ былъ средняго роста, борода черная, волосы кудрявые, глаза свѣтлые и быстрые. Ни сильнѣй, ни умнѣй, ни саповитѣй его не было въ цѣлой шайкѣ. Роду былъ онъ простаго. Дѣдъ его былъ посадскій человѣкъ, жилъ въ городѣ Суздалѣ, и кое-какъ со дня на день перебивался. Звали его Афонасьемъ Григорьевичемъ, по прозвищу Аленинымъ. Переѣхалъ этотъ Аѳонасій во Владиміръ, лошаденками обзавелся и сталъ извозничать. Случилось ему свести знакомство съ муромскими разбойниками — и сталъ онъ возить ихъ. Дѣло было прибыльное, да не долго возилъ онъ ихъ: вмѣстѣ съ ними въ тюрьму попалъ. А у него росли два сына, Родіонъ и Тимофей. Посидѣлъ Аѳонасій въ тюрьмѣ и бѣжалъ оттуда. Захватилъ своихъ дѣтей и жену и переѣхалъ жить въ уѣздъ Юрьевца Повольскаго. Тутъ онъ умеръ. Дѣти остались совсѣмъ безъ хлѣба. Прослышали они, что на Чусовой рѣкѣ, въ вотчинахъ Строгонова, можно хлѣбъ заработы-

вать, переѣхали сюда, и назвались Повольскими. У Родіона родились—Дмитрій да Лука, у Тимофея—Гаврила, Фролъ и Василій. Василій былъ особенно боекъ, силенъ и рѣчистъ. Нанялся онъ на барки, и ходилъ по Волгѣ и Камѣ. Работа эта наскучила ему. Затосковалъ онъ по вольной жизни и ушелъ къ Донскимъ казакамъ. Тѣ были люди вольные — и царю служили, на Татаръ въ Крымъ ходили, а то и царя не слушались: дѣлали что хотѣли. Называться сталъ онъ не Васильемъ, а Ермакомъ. Такъ его товарищи прозвали, когда онъ еще на баркахъ ходилъ. Какъ артельный таганъ называли *ермакомъ*, такъ и Василья Ермакомъ прозвали, потому что былъ онъ кашеваромъ. Такъ онъ на всю жизнь Ермакомъ и остался.

За удаль выбрали Ермака старшиной Качалинской станицы, и велѣли ему охранять рубежъ отъ Астрахани до Дона; но Ермакъ охранялъ недолго: онъ набралъ себѣ молодцевъ на подборъ изъ казаковъ, ушелъ съ ними на Волгу, и сталъ разбойничать. Кто ни ѣхалъ по Волгѣ — никому спуску не было: государеву ли казну везли, купцы ли свои товары, послы ли чужеземные ѣхали къ царю, либо отъ царя,—Ермакъ суда останавливалъ и выбиралъ изъ нихъ все добро. Съ Волги поѣхалъ онъ на море Каспійское, напалъ на персидскихъ и бухарскихъ пословъ, и ограбилъ ихъ. Царь услыхалъ про разбои Ермака и присудилъ къ смертной казни его и его четырехъ атамановъ. Присудить-то было легко, да казнить было трудно. У Ермака въ шайкѣ было больше пятисотъ человѣкъ, онъ увернулся отъ царскаго войска и ушелъ вверхъ по Волгѣ. Задумалъ онъ

изъ Волги пройти въ Каму, на родимую свою сторону, а съ Камы въ Сибирь ѣхать. Про Сибирь онъ много слыхалъ, захотѣлось ему самому поглядѣть на нее и побиться съ Татарами. «А будетъ мнѣ удача въ Сибири, думалъ Ермакъ, пожалуй и завоюю ее. Тогда и у царя заслужу, и у добрыхъ людей».

Приплылъ онъ къ одному городку, который Строгоновы поставили. Строгоновы обрадовались казакамъ, стали дарить и поить ихъ. «Мы, говорили они, все для васъ сдѣлаемъ, только не давайте нашихъ городковъ и поселенцевъ въ обиду. А то совсѣмъ раззоряютъ насъ Татары да Вогуличи.. Вотъ Остяки народъ смирный, обходительный, съ тѣми жить можно.»

Казаки подумали, подумали и остались у Строгоновыхъ. Но Ермаку не хотѣлось навсегда оставаться у нихъ. Онъ сталъ распрашивать про Сибирь, про дорогу туда, про Татаръ, которые нападали на Строгоновыхъ. «Если Татары приходятъ сюда изъ Сибири, стало быть и намъ можно туда пробраться, думалъ Ермакъ. Вотъ только оружія у насъ нѣтъ хорошаго». Сталъ онъ гововить объ этомъ Строгоновымъ, а они и рады были, говорятъ ему: «у насъ ужъ и царская грамота есть на Сибирскія земли.»

— Что грамота, говоритъ Ермакъ. Надо достать сперва Сибирь—вѣдь она земля не царская. Я, пожалуй, тебѣ на цѣлый свѣтъ грамоту дамъ — поди-ка возьми его.

Строгоновы дали ему оружіе, припасовъ съѣстныхъ, лодки. Ермакъ все обѣщалъ воротить имъ, если дѣло кончится благополучно. Взялъ Ермакъ себѣ толмачей, кото-

рые татарскій языкъ знали, распросилъ про дорогу, отстоялъ молебенъ, иконъ взялъ съ собой, трехъ поповъ, да бѣглаго монаха и пошелъ въ Сибирь. Вышелъ онъ 1-го сентября 1581 года. Атаманами у него были: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвей Мещерякъ.

Въ тотъ самый день, когда Ермакъ ушелъ, на Строгоновскія поселенія напали Вогуличи. Пожгли деревеньки, соляныя варницы, хлѣбъ всякій, а крестьянъ съ женами и дѣтьми въ полонъ забрали. Строгоновы жалуются царю на Вогуличей: «Пришли, говорятъ, намъ ратныхъ людей, а то приходимъ мы въ конечное разореніе отъ непріятелей». Царь послалъ. А одинъ воевода, сердившійся за что-то на Строгоновыхъ, и отпишиц царю: «Строгоновы, говоритъ, воровъ казаковъ у себя держатъ. Въ тотъ день, какъ Вогуличи напали на ихъ поселенія, казаки эти въ Сибирь ушли».

Царь разсердился и пишетъ къ Строгоновымъ: «Какъ смѣли вы держать у себя воровъ казаковъ. Казаки намъ кромѣ худа ничего не дѣлали. А ужь если вы призвали ихъ къ себѣ, такъ пускай бы они у васъ и жили, непріятелей отбивали. А теперь, они пошли въ Сибирь, только опять все дѣло испортятъ, съ царемъ сибирскимъ поссорятъ меня, да отобьютъ отъ меня тѣхъ Остяковъ, что́ мнѣ дань платили. Приказываю вамъ сейчасъ вернуть Ермака. Пускай въ Перми живетъ, и отбиваетъ непріятелей, коли хочетъ мою милость заслужить».

Поздно вздумалъ царь ворочать казаковъ. Ермака и слѣдъ простылъ.

III.

Народная пѣсня вотъ какъ говоритъ о сборѣ Ермака къ походу въ Сибирь:

Какъ на Волгѣ-рѣкѣ, да на Камышенкѣ
Казаки живутъ, братцы, люди вольные:
Все донскіе, гребенскіе со яицкими.
У казаковъ былъ, братцы, атаманушка
Ермакомъ звали, Тимофеичемъ.
Не злата труба, братцы, вострубила,
Не звонка-ли, не громка-ли рѣчь возговорила—
То возговорилъ, братцы, Ермакъ Тимофеевичъ:
«Ужь вы думайте, казаки братцы, попридумайте,
Какъ проходитъ у насъ лѣто теплое,
Настаетъ, братцы, зима холодная.
Еще гдѣ намъ, братцы, зимовать будетъ?
Намъ на Волгѣ жить—все ворами слыть.
На Яикъ идти—переходъ великъ.
На Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь стоитъ, братцы, немилостивый.
Онъ послалъ на насъ рать великую,
Рать великую, въ сорокъ тысячей.
Такъ пойдемте же, да возьмемъ Сибирь.»

Походъ свой началъ Ермакъ по рѣчкѣ Чусовой, потомъ перешелъ въ рѣку Серебрянку, которая впала въ Чусовую. А

Чусовая рѣка быстра, камениста, и казаки плыли противъ воды, а потому гресть было трудно. Устали они, и видятъ на берегу камень—сажень въ 20 вышины, да въ 30 ширины. А въ камнѣ дыра въ ростъ человѣка. Казаки пошли къ камню, посмотрѣли въ дыру, а тамъ большая пещера. Они вошли въ нее и отдохнули тутъ. Говорятъ, будто они въ этой пещерѣ зазимовали.

Въ пѣснѣ тоже такъ поется.

И нашли они пещеру каменну
На той, на чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущались въ ту пещеру казаки,
Много не мало двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе
На другой сторонѣ въ такую жъ пещеру убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зиму зимовать.

Камень этотъ о сю пору называется *Ермаковымъ* камнемъ.

Дальше видятъ они высокія, скалистыя горы—внизу лѣсъ, кедры, а верхушки подъ самыя облака ушли. Это были Уральскія горы. Когда вышли они въ Серебрянку рѣку, то поплыли между горами. Въ иномъ мѣстѣ рѣчка съуживалась, нависали надъ нею скалы, лѣсъ нависалъ, а вода въ рѣкѣ была такая чистая, какъ серебро. Этой рѣкой шли они два дня, и остановились. Плыть было трудно, потому что рѣка была мелка и вода лодокъ не подымала. Ермакъ

однако ухитрился. Велѣлъ онъ съ лодокъ паруса поснимать и растянуть ихъ поперегъ рѣки—вода подымалась, и судно проходило. Съ рѣки Серебрянки начинался такъ-называемый *сибирскій путь*. Ермакъ сталъ говорить своимъ: «Мы мало людей встрѣчали до сихъ поръ, и вреда они намъ никакого не дѣлали—все больше только глазѣли на насъ. А дальше что будетъ—Богъ вѣсть. Пожалуй еще погонятъ насъ назадъ, и намъ укрыться будетъ негдѣ. Давайте-ка построимъ тутъ городокъ». Построили они тутъ земляной городокъ (крѣпостцу земляную), вытащили свои лодки изъ воды, и поволокли ихъ до рѣки Жаровли. Тутъ опять пустили лодки на воду, и пошли Жаровлею и Тагилемъ до рѣки Туры. Съ этой рѣчки начиналось Сибирское царство.

— Ну, теперь держать ухо востро, говоритъ Ермакъ казакамъ. Стало люднѣе. Прежде все кочевой народъ мы встрѣчали—имъ что: нынче здѣсь, завтра тамъ, стóитъ стадо перегнать съ одного мѣста на другое, да становища перенести. А тутъ пошелъ народъ землепашецъ, станетъ за землю свою стоять.

Жили по этой рѣкѣ Вогулы, Остяки и Татары и начальникомъ у нихъ былъ князь Епанча, подданный царя Кучума. Когда увидалъ онъ казаковъ на рѣкѣ, собралъ своихъ людей, пришелъ на берегъ, и сталъ стрѣлять стрѣлами. Казаки зарядили свои ружья, да какъ выстрѣлятъ разомъ, такъ и повалились Епанчевы Татары, кто со страху, кто раненъ былъ, кто убитъ. Въ первый разъ отъ роду слышали они, какъ изъ ружей стрѣляютъ, и ду-

мали сперва, что это громъ. Потомъ, когда опомнились, вскочили и бросились бѣжать.

Ермакъ велѣлъ причаливать къ берегу. Причалили казаки къ берегу, вышли изъ лодокъ и погнались за Татарами. Многихъ перебили, разорили городокъ Епанчинъ (теперь Туринскъ) и нѣсколько татарскихъ деревенекъ (улусовъ). Послѣ дальше пошли—гдѣ встрѣтятъ Татаръ, сейчасъ въ нихъ стрѣляютъ, а Татары съ своими луками ничего противъ казаковъ не могутъ сдѣлать.

Вошли казаки въ рѣку Тавду, и поймали тутъ нѣсколько Татаръ. Одинъ Татаринъ былъ получше одѣтъ. Ермакъ спросилъ его: кто онъ и откуда?

— Я Таузакъ, состою при Кучумѣ царѣ, отвѣчалъ Татаринъ.

— Разскажи мнѣ все, что знаешь про Кучума царя, и я тебя не трону и отпущу. А если не скажешь правды, велю тебя убить. Вонъ, погляди, какіе снаряды у насъ.

Тутъ Ермакъ велѣлъ казакамъ поставить желѣзную кольчугу и стрѣлять въ нее. Пули такъ насквозь ее и пронизывали. Татаринъ испугался и разсказалъ все что зналъ.

— Кучумъ живетъ въ городѣ Сибири, а городъ этотъ стоитъ на рѣкѣ Иртышѣ. Самъ Кучумъ теперь слѣпъ, однако все еще онъ сильный царь и всѣхъ въ страхѣ держитъ; подъ его начальствомъ много князьковъ, и всѣ ему дань платятъ. Есть у него и храбрые воины, особливо родственникъ его Махметкулъ. Это такой богатырь, какого другаго, всю нашу землю пройти, не сыщешь. Кучума царя многіе не любятъ и не любятъ вотъ за что: на-

родъ тутъ все больше язычникъ, а Кучумъ сталъ насильно вводить магометову вѣру. Войско у него есть, и всякихъ снарядовъ военныхъ много, а только нѣтъ у него вотъ такихъ луковъ, какъ ваши. А были бы у него такіе луки, онъ бы всѣ земли покорилъ. Сибирь-городъ съ бухарцами торгуетъ — пріѣзжаютъ они къ намъ изъ своей земли съ разными товарами, и берутъ у насъ мѣха. А идти къ Сибири вамъ теперь Тавдою рѣкою, а Тавда въ Тоболъ вошла, стало быть пойдете вы послѣ Тоболомъ, а изъ Тобола прямо въ Иртышъ—тутъ скоро и Сибирь будетъ.

Разузналъ все это Ермакъ и говоритъ Татарину: «Ну, ступай теперь къ Кучуму, и скажи ему, что я скоро въ гости къ нему буду.»

Таузакъ пришелъ къ Кучуму, и говоритъ ему: «Пришла напасть на царство твое—ѣдутъ къ намъ Русскіе. Это все люди сильные, крѣпкіе, и луки у нихъ страшные. Когда они изъ луковъ стрѣляютъ, то огонь изъ нихъ и дымъ большой выходитъ, и гремятъ они, словно громъ на небеси. А стрѣлъ, что изъ луковъ ихъ выходятъ, не видать, а только уязвляютъ они до смерти и защититься отъ нихъ никакими ратными сбруями невозможно—даже кольчуги желѣзныя на вылетъ пробиваютъ.» Слушаетъ Кучумъ и скорбитъ. Ему ужъ давно говорили про небесныя знаменія. Одни сказывали, что видѣли на воздухѣ городъ съ христіанскими церквами, и что вода въ Иртышѣ кровавою казалась. Другіе сказывали, что приходитъ отъ Иртыша волкъ бѣлый, а отъ Тобола черная собака и гры-

зутся между собою. Шаманы (волхвы) сибирскіе говорили: «Волкъ бѣлый—рать Кучумова, а собака черная—Русскіе. Быть войнѣ!» Они ходили по улицамъ и кричали: «погибнетъ царство сибирское отъ Русскихъ.»

Кучумъ сталъ высылать противъ казаковъ отряды. На Тоболѣ-рѣкѣ, въ узкомъ мѣстѣ, велѣлъ протянуть черезъ рѣку желѣзныя цѣпи, цѣпями этими остановить лодки Ермака и напасть на него. Такъ и сдѣлали. Цѣпи не пустили Ермака дальше, и онъ три дня бился въ Татарами, и никакъ ихъ не могъ одолѣть. Тогда онъ поднялся на хитрости. Велѣлъ навязать пуковъ изъ хвороста, и одѣть эти пуки въ залишнее казацкое платье, и разставить ихъ въ лодкахъ. А самъ вышелъ на берегъ съ казаками и ударилъ на Татаръ. Тѣ стали было драться опять, да увидѣли, что въ лодкахъ еще казаковъ много (они не разглядѣли, что это чучелы) и бросились бѣжать. Ермакъ тогда поплылъ дальше.

Видитъ Кучумъ, одолѣваетъ его Ермакъ, и разослалъ гонцовъ во всѐ царство, чтобъ всѣ шли на войну. Собралось у него войско. Велѣлъ онъ родственнику своему Махметкулу идти съ конницей на Русскихъ, а себѣ велѣлъ сдѣлать засѣку возлѣ Иртыша, подъ горою Чувашьею. Засѣку сдѣлали, неподалеку отъ города Сибири—валъ земляной насыпали, камнями его укрѣпили. Махметкулъ пошелъ противъ Ермака, а Кучумъ остался въ Сибири, и думаетъ: «Если не справится Махметкулъ съ Русскими, тогда я самъ выйду изъ Сибири, засяду въ засѣку и не пущу ихъ въ городъ, и всѣхъ перебью.»

Махметкулъ дошелъ до одного урочища; называлось оно Бабасанъ и было между Тавдою и Иртышемъ; тутъ увидалъ онъ казаковъ на берегу. Велѣлъ онъ своей рати скакать на казаковъ. Татары поскакали на нихъ, стрѣлъ пустили въ нихъ цѣлую тучу, копья бросали. Казаки увидѣли множество непріятелей и сперва было смѣшались; но Ермакъ бросился впередъ и ободрилъ ихъ. Стали казаки стрѣлять по Татарамъ и многихъ изъ нихъ повалили. Сначала Татары испугались выстрѣловъ, но потомъ оправились и начали биться съ казаками. Долго они бились — досталось и казакамъ. Видитъ Ермакъ, что Татаръ не перебьешь всѣхъ, сказалъ своимъ казакамъ: «Видно не дождаться намъ пока побѣгутъ отъ насъ Татары, а пороху мы и такъ много истратили. Давайте садиться въ лодки и поплывемъ — ничего они намъ не сдѣлаютъ». Сѣли казаки въ лодки и поплыли, а берега рѣки крутые-прекрутые. Татары идутъ по берегу и все стрѣляютъ съ кручи въ казаковъ. Такъ и обдаетъ ихъ стрѣлами, словно дождемъ. Однако вреда большаго не сдѣлали Татары казакамъ, и бросили ихъ. А Ермакъ проплылъ немного по Тоболу-рѣкѣ, и увидалъ, что на берегу стоитъ татарскій городокъ. Онъ вышелъ съ своими на берегъ и бросился на городокъ. Начальникъ этого городка, Карача, вывелъ своихъ Татаръ противъ Ермака, и стали они драться. Ермакъ разбилъ Татаръ и ихъ городокъ, взялъ тутъ золота, серебра, каменьевъ самоцвѣтныхъ, меду много—все это перенесъ на лодки и поплылъ далѣе по Тоболу.

Возлѣ самаго устья, гдѣ Тоболъ въ Иртышъ впалъ,

Ермакъ увидѣлъ опять множество Татаръ пѣшихъ и конныхъ. «Какая ихъ пропасть, думаетъ Ермакъ. Хорошо бы уплыть отъ нихъ безъ боя, а то зарядовъ жаль—понадобятся еще пуще этого. Отъ пѣшихъ–то еще можно бы уплыть, а вотъ отъ конныхъ–то какъ уплывешь? Развѣ попробовать.» Поплыли было казаки, дружно веслами заработали, а на нихъ такъ и сыпятся сверху съ крутыхъ береговъ стрѣлы, звенятъ по ихъ кольчугамъ, впиваются въ дерево, а иная и поранитъ казака. Выйдутъ казаки изъ терпѣнія, надоѣдятъ имъ эти стрѣлы, пустятъ они вверхъ нѣсколько выстрѣловъ. Татары отстанутъ на минуту, потомъ опять стрѣляютъ. Минуты не проходитъ, чтобъ десятокъ стрѣлъ не прожужжалъ мимо ушей. Ермакъ видитъ, что надо отбить Татаръ, а то не пройти такъ подъ ихъ стрѣлами. Велѣлъ онъ причаливать. Вышли казаки на берегъ и бросились на Татаръ. Началась жестокая битва. Татары убили нѣсколько казаковъ, а переранили ихъ своими стрѣлами и пиками всѣхъ до одного. Храбро бились Татары, крѣпко стояли они за свою родную землю, однако казаки пересилили ихъ, и Татары побѣжали. Ермакъ велѣлъ казакамъ опять садиться въ лодки и плыть вверхъ по Иртышу.

IV.

Въ этотъ же день, къ вечеру, казаки подплыли ближе къ Чувашьей горѣ. Кучумъ, провѣдавъ, что вездѣ разбиваютъ казаки его войска, самъ вышелъ съ большою ратью изъ столицы своей, и сталъ на горѣ Чувашьей. А Махметкулъ засѣлъ въ укрѣпленіи подъ горой и всѣ ждали казаковъ.

Солнышко было ужь низко — казаки тихо подвигались противъ воды по быстрому Иртышу. Ермакъ сталъ думать, что ночью не годится плыть, что навѣрно гдѣ-нибудь засѣли татары: столица была близко, стало быть не пропустятъ же они ихъ безъ боя. Да и устали казаки—отдохнуть бы не мѣшало. Замѣтивъ не вдалекѣ городокъ Атикъ-Мурзы, Ермакъ взялъ его ужь почти ночью и засѣлъ тамъ съ своими казаками. Только что стали было они на покой сбираться, какъ вдругъ замѣтили Татаръ подъ Чувашьей горой. Нѣсколько тысячъ собралъ тутъ Кучумъ. На казаковъ напалъ страхъ. Заговорили они, зашумѣли. «Сбирайтесь въ кругъ! Сбирайтесь въ кругъ, закричали они. Собрались въ кругъ и начали совѣтъ держать: «Назадъ ли идти, или впередъ?»

— Надо, братья, убираться отсюда по добру по здорову, заговорили нѣкоторые. Татаръ видимо-невидимо— они одолѣютъ насъ, какъ мухъ перебьютъ.

— Извѣстно, отходить надо, послышались еще голоса.

Что тутъ думать еще долго. Чего намъ на вѣрную смерть лѣзть? Тутъ и гадать нечего — о двухъ головахъ пропадешь. Только свою шкуру загубишь, а чужой не добудешь. Да и чего намъ еще? Поработали—и будетъ. Добра у насъ вдоволь—а жадность Богъ наказываетъ. Пожалуй за крохой погонишься, да ломоть потеряешь.

— Полноте, братцы, что вы затѣваете не доброе? заговорили тѣ, что́ посмѣлѣй были. Авось Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

— Говорите—одному придется противъ двадцати стоять. Насъ всѣхъ-то пятисотъ не будетъ, а тамъ тысячи....

— Экая невидаль, что противъ двадцати драться придется. Развѣ прежде не дирались?

— Дирались, да прежде Татары ружей нашихъ боялись, а теперь они привыкли къ нимъ.

— Богъ поможетъ. Къ удалому вѣдь и Богъ пристаетъ....

— Да нѣтъ, братцы, что тутъ слушать? Давайте въ лодки садиться, да назадъ. Пускай, кто хочетъ остается...

— Съ Богомъ. Въ лодки, ребята! Сбираться въ лодки! зашумѣли казаки.

Видитъ Ермакъ — дѣло плохо: люди его совсѣмъ струсили и не шутя хотятъ убираться домой. Онъ вошелъ въ кругъ и сталъ уговаривать ихъ и усовѣщевать. Къ нему пристали тѣ, что́ были посмѣлѣе. «Куда намъ бѣжать, говорилъ Ермакъ. Пришли мы сюда водою, а отсюда какъ пойдемъ? Ужъ вода мерзнетъ. И какая про насъ слава пойдетъ? Скажутъ: ходили только разбойничать; разбой-

ники были, разбойники и есть. Нѣтъ, братцы, постоимъ до конца — тогда и при жизни добромъ насъ помянутъ, и по смерти нашей слава о насъ не оскудѣетъ и вѣчна будетъ.»

— Быть такъ, сказали казаки. Оставаться, такъ оставаться. До смерти стоять будемъ, а тамъ—что Богъ дастъ.

Солнце только что начало всходить, а Ермакъ былъ уже на ногахъ. Это было 23-го октября, на пятьдесятъ третій день похода казаковъ. Ермакъ сталъ торопить дружину свою къ битвѣ. Когда всѣ собрались, онъ сказалъ имъ:

— Помолимся Богу, чтобъ сохранилъ Онъ насъ отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ.

Сотворили казаки молитву и вышли изъ городка. Одни говорили: «Господи, помоги намъ!» другіе — «съ нами Богъ!» и смѣло пошли къ засѣкѣ. Стрѣлы такъ и осыпали ихъ градомъ. Начался бой. И съ той, и съ другой стороны падаютъ убитые и раненые. Казаки все подходятъ ближе, а людей у нихъ валится все больше. Видятъ это Татары и думаютъ: «одолѣемъ ихъ», пробили сами въ трехъ мѣстахъ засѣку свою и бросились на казаковъ. Казаки схватились съ ними въ рукопашную и сѣча началась страшная. Бились долго, наконецъ казаки ранили Махметкула. Татары подхватили его и увезли за Иртышъ. Отъ этого сдѣлалось смятеніе у Татаръ, а казаки подвинулись впередъ.

А царь Кучумъ стоитъ на горѣ и ждетъ чѣмъ кончится бой. Когда сказали ему: «уступаютъ наши», онъ ве-

лѣлъ своимъ мулламъ (священникамъ) творить молитву, просить Бога о помощи!

Муллы творятъ молитву, призываютъ на помощь Бога, а казаки все впередъ подвигаются, все смѣлѣе и смѣлѣе. Видятъ Остяки, что дѣло плохо, не сломитѣ казаковъ и побѣжали. Вслѣдъ за ними побѣжали и Татары. «Наши бѣгутъ!» говорятъ Кучуму тѣ, что возлѣ него стояли. «Горе, горе мнѣ!» кричитъ Кучумъ. «Горсть казаковъ тысячи моихъ воиновъ побѣдила», и самъ побѣжалъ въ страхѣ.

Устали казаки отъ этого боя и не гнались ужъ за Татарами, а пошли въ свой городокъ, сторожей поставили и крѣпко уснули. На утро посчитали товарищей—107 человѣкъ убито въ бою. Погоревавъ, пошли они къ городу Сибири и черезъ три дня были у него. — Городъ небольшой—съ одной стороны крутой берегъ Иртыша, а съ другихъ сторонъ тройной валъ и ровъ. Дома изъ дерева и изъ нежженаго кирпичу. Подошли казаки и слушаютъ: ничего не слыхать, словно всѣ въ городѣ вымерли. Ермакъ думаетъ: «Навѣрно, проклятые, засаду сдѣлали, и притаились. Нужно все напередъ высмотрѣть, а то попадешься, какъ куръ во щи.» Послалъ онъ нѣсколько казаковъ все выглядѣть вокругъ города. Казаки все выглядѣли, пришли назадъ и говорятъ: «ни души нѣтъ нигдѣ.»

— Ну, вѣрно бросили Татары городъ, говоритъ Ермакъ. Пойдемте съ Богомъ. Вошли казаки въ городъ. Онъ точно былъ пустъ. Кучумъ пріѣзжалъ сюда послѣ сраже-

нія, захватилъ кое-что на скорую руку изъ своего добра, и убѣжалъ въ степь.

Казаки нашли въ Сибири много серебра, золота, камней самоцвѣтныхъ, куньихъ, собольихъ и лисьихъ мѣховъ—и все это поровну раздѣлили между собой.

V.

Три дня жилъ Ермакъ въ Сибири—никто къ нему не приходилъ, а запасы всѣ вышли; казаки начали говорить: «пропадемъ мы тутъ совсѣмъ. И хлѣба нѣтъ и пуль мало осталось.» Но вотъ на четвертый день приходитъ къ нему остяцкій князь съ своимъ народомъ, приноситъ много мѣховъ и рыбы, и говоритъ: «Я былъ въ бою подъ Чувашьей горой, и увидѣлъ, что тебя побѣдить нельзя. Сказалъ я объ этомъ своему народу — и вотъ мы пришли къ тебѣ съ подарками. Будь нашимъ заступникомъ.» Казаки обрадовались, Ермакъ ласково обошелся съ княземъ, и сказалъ: «Ступайте, живите на прежнихъ мѣстахъ — никто васъ не тронетъ.» Остяки ушли. За Остяками стали приходить съ Иртыша и Тобола Татары съ женами и дѣтьми. Они было разбѣжались, испугавшись казаковъ, а теперь опять пришли просить у Ермака защиты. За Татарами Вогуличи пришли. Всѣхъ Ермакъ обласкалъ, успокоилъ: «Живите только смирно,

говорилъ онъ имъ, а я ни своимъ людямъ, ни Кучумовымъ не дамъ васъ трогать.» Ермакъ никогда не позволялъ казакамъ своевольничать, и крѣпко ихъ наказывалъ. Еще на походѣ въ Сибирь, двадцать казаковъ собрались было убѣжать въ Россію. Ермакъ узналъ про это, велѣлъ посадить ихъ въ мѣшки, да накласть въ мѣшки камней и песку, и опустить въ воду. Такъ эти казаки и утонули въ мѣшкахъ. За меньшія преступленія въ платье виновнымъ накладывали песку, и становили въ воду на нѣсколько часовъ.

Сибиряки были довольны Ермакомъ, хвалили его, что онъ малую дань съ нихъ положилъ, и все пошло тихо и смирно. Только разъ, въ началѣ декабря, пошло двадцать казаковъ рыбу ловить въ одно озеро. Половили и легли соснуть въ куреняхъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, нагрянулъ на нихъ Махметкулъ и всѣхъ до одного перебилъ. Когда узналъ объ этомъ Ермакъ, сильно разсердился. «Сейчасъ, говоритъ онъ казакамъ, сбирайтесь въ походъ—не хочу я этого дѣла такъ оставить. Отмщу я имъ знатно.» И точно догналъ онъ Татаръ, до ночи бился съ ними и разбилъ. Татары убѣжали.

Вся зима прошла тихо. Казаки на охоту ходили — звѣрей били: бѣлокъ, куницъ, лисицъ, соболей. Весна пришла, рѣки разлились. Въ это время пришелъ къ Ермаку одинъ татаринъ и говоритъ: «Царевичъ Махметкулъ стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ, верстъ за сто отсюда.» Ермакъ тотчасъ же снарядилъ казаковъ и послалъ ихъ на Вагай рѣку. Казаки подошли къ стану Махметкула ночью, когда многіе ужъ спали, и стали бить Татаръ, окружили ша-

теръ Махметкула со всѣхъ сторонъ, взяли его живьемъ и къ Ермаку въ Сибирь привели. Ермакъ обрадовался, говорилъ ласковыя рѣчи царевичу, утѣшалъ его и сталъ отпускать ему самый лучшій кормъ, а своимъ приказалъ, чтобъ никто не смѣлъ обижать царевича. Царь Кучумъ стоялъ въ это время на рѣкѣ Ишимѣ, которая въ Иртышъ течетъ и отъ города Сибири вдвое дальше, чѣмъ Вагай. Услыхавъ про плѣнъ Махметкула, Кучумъ горько заплакалъ и сказалъ: «Теперь я совсѣмъ пропалъ.» А тутъ къ этой бѣдѣ еще двѣ прибавились. Пришли и сказали Кучуму: «Ты убилъ князя Бекбулата, сынъ его убѣжалъ тогда съ матерью. Теперь этотъ Бекбулатовъ сынъ, князь Сейдякъ, идетъ на тебя войною — хочетъ отмстить тебѣ за смерть отца своего.» Послѣ этого Карача, думный его и пріятель, покинулъ его съ своими людьми. Кучумъ заплакалъ опять и сказалъ: «Кого Богъ не милуетъ, тому и честь на безчестье приходитъ, того и любимые друзья оставляютъ.»

Узналъ Ермакъ, что Кучуму плохо, оставилъ въ г. Сибири часть казаковъ, а съ другими опять пошелъ воевать Татаръ, Остяковъ и Вогуличей по Иртышу и Оби. Тутъ онъ взялъ татарскую крѣность, многихъ повѣсилъ непокорныхъ, а другимъ велѣлъ цаловать, въ знакъ вѣрности, свою саблю, которая вся была въ крови. Взялъ потомъ онъ еще нѣсколько волостей, и подошелъ къ остяцкому городку. Въ этомъ городкѣ правилъ князь Демьянъ, и воиновъ у него было двѣ тысячи. Ермакъ сталъ осаждать крѣпостцу, но Демьянъ держался крѣпко, и ка-

заки стали говорить Ермаку: «бросимъ его, не возьмешь». Тогда одинъ Чувашъ, бывшій у Ермака провожатымъ, сказалъ ему: «Остяки оттого твердо держатся, что идолъ у нихъ есть золотой. Стоитъ этотъ идолъ на блюдѣ съ водою, Остяки молятся ему, пьютъ воду изъ подъ идола и отъ воды той храбрѣй дѣлаются. А идолъ этотъ будто изъ Кіева достался Остякамъ, когда князь Владиміръ крещеніе принялъ. Отпусти меня къ нимъ. Я украду этого идола и принесу къ тебѣ.» Ермакъ отпустилъ его. На другой день Чувашъ приходитъ и говоритъ: «Остяки въ большомъ страхѣ. Поставили они идола на столъ, а вокругъ него въ чашкахъ зажгли сѣру и жиръ. Сами стали вокругъ стола и все молятся и колдуютъ: сдаться ли казакамъ, или еще стоять. Къ ночи они стали говорить, что сдадутся.» Услыхали это казаки и повеселѣли. Ермакъ повелъ ихъ на приступъ, и взялъ городъ. А идола долго искалъ, не нашелъ. Дальше Ермакъ покорилъ еще нѣсколько остяцкихъ князьковъ и шелъ Обью до тѣхъ поръ, когда увидѣлъ, что дальше идти нечего. Начинались болота и голая степь, совсѣмъ пустая. Тутъ Ермакъ повернулъ назадъ. Онъ и радовался, что много покорить успѣлъ, и жаль ему было людей убитыхъ, особливо храбраго атамана своего Никиту Пана.

Воротившись въ Сибирь, Ермакъ увидѣлъ, что нужна ему подмога, потому что людей у него осталось мало. Пришелъ онъ въ Сибирь съ восьмью стами, а теперь развѣ только триста могъ насчитать. Надо было послать вѣсть о себѣ. Онъ и послалъ гонца къ Строгоновымъ.

«Царя Кучума Ермакъ одолѣлъ, Махметкула въ плѣнъ взялъ, и городъ столичный взялъ и много другихъ городковъ.» И къ царю Ивану Грозному съ такой же вѣстью послалъ храбраго своего атамана Ивана Кольцо. Кольцо поѣхалъ смѣло, хоть и зналъ, что царь велѣлъ его непремѣнно изловить и казнить за разбой на Волгѣ.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву. Царь велѣлъ его сейчасъ привести къ себѣ. Кольцо упалъ царю въ ноги и сказалъ: «Не вели казнить, вели рѣчь держать.» Царь отвѣчалъ: «Говори, съ чѣмъ пріѣхалъ?» Кольцо сказалъ: «Кланяется тебѣ Ермакъ царствомъ Сибирскимъ и царевичемъ Махметкуломъ и прислалъ тебѣ гостинецъ: 60 сороковъ соболей, 20 чорныхъ лисицъ и 50 бобровъ.» Всталъ Кольцо и подалъ Ермакову грамоту о покоренiи Сибири. Царь говоритъ: «Бояре, читайте грамоту.» Бояре стали ее читать. Царь прослушалъ ее и очень обрадовался, велѣлъ молебенъ служить, звонить во всѣ московскiе колокола, нищимъ подалъ богатую милостыню. Вся Москва зарадовалась: «Богъ новое царство послалъ,» и всѣ только объ Ермакѣ и говорили.

Царь Иванъ Грозный распрашивалъ атамана Кольцо, какъ они завладѣли Сибирью, хвалилъ казаковъ, наградилъ ихъ деньгами, суконами, камками, а Ермаку послалъ дорогую шубу съ своего плеча, серебряный ковшъ и два дорогiе панцыря и величалъ его княземъ Сибирскимъ. На подмогу къ казакамъ царь отправилъ двухъ воеводъ—князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова, съ тремя стами ратниковъ.

Болховской и Иванъ Кольцо пріѣхали въ Сибирь и объявили милости царскія: «Царь забываетъ, говорилъ Кольцо, всѣ наши прежнія вины, жалуетъ насъ деньгами и подарками», и сейчасъ роздалъ царскіе подарки. Казаки стали разсказывать Ивану Кольцо, какъ они воевали безъ него, въ продолженіи 1582 и 1583 годовъ, какъ усмиряли Татаръ, какіе новые улусы покорили. «Мы, говорили казаки, ходили безъ тебя съ Ермакомъ Тимофеевичемъ на Тавду рѣку, и на Пелымъ, Вогуличей воевали, и столько ихъ побили, что страсть. Шамана тамъ ихняго видѣли. Онъ при насъ ножемъ себѣ животъ разрѣзалъ, потомъ при насъ же залечилъ. Хлѣба привезли съ собой, добычи всякой. Теперь все тамъ покорено». Ермакъ пиръ задалъ на радостяхъ—пили и ѣли до сыта, и никто ни о какомъ горѣ не думалъ. А горе было за плечами.

Болховской мало привезъ съ собой запасовъ въ Сибирь — думалъ, что у казаковъ наготовлено ихъ вдоволь; а казаки вовсе не ждали, что царскія войска зимою придутъ, и запаслись только для себя на зиму. Запасы, потому, скоро вышли, начался голодъ, цынга всѣхъ одолѣла. Стали умирать и казаки и ратники московскіе, умеръ и воевода Болховской. За вьюгами, трескучими морозами и мятелями нельзя было выходить на охоту—хоть всѣ помирай. Спасибо весна скоро наступила—птицы прилетѣли, на оленей и лосей охота настала. А тутъ еще Татары, Остяки и Вогуличи навезли казакамъ и рыбы, и мяса, и мѣховъ. Голодъ миновался.

Махметкула Ермакъ отправилъ въ Москву: такъ царь

приказалъ. Царевича приняли тамъ ласково, и онъ сталъ служить въ нашей службѣ, съ нашими непріятелями воевалъ, и царь ему вотчины далъ.

VI.

Прошло немного времени, вдругъ присылаетъ Карача Ермаку мѣха, подарки: «Я, говоритъ, хочу быть вѣрнымъ слугой московскаго царя. Только пришли въ мой улусъ казаковъ, а то обижаютъ меня и людей моихъ непріятели мои—Ногаи. Казаковъ я приму съ честью, награжу ихъ, а зла противъ нихъ никакого и въ умѣ не держу.» Ермакъ сперва подумалъ: «ужъ не хитритъ ли Карача?» и не вѣрилъ ему, а послѣ повѣрилъ. «Чтожь, подумалъ онъ, вѣдь Карача отсталъ отъ Кучума и бросилъ его. Можетъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ образумился. Къ тому же Карача Богомъ клянется, что худого ничего противъ казаковъ не замышляетъ.» Посовѣтовался Ермакъ съ казаками; казаки говорятъ: «Должно быть образумился. Надо послать ему помощь.» Тогда Ермакъ нарядилъ къ Карачѣ Ивана Кольцо и далъ ему сорокъ человѣкъ подъ команду. Только что пришли туда казаки, безъ всякой опаски тамъ расположились, какъ вдругъ, врасплохъ, напалъ на нихъ Карача со множествомъ Татаръ своихъ, и всѣхъ до одного перебилъ.

Узналъ объ этомъ Ермакъ, заплакалъ о храбромъ атаманѣ и о казакахъ, какъ о своихъ родныхъ дѣтяхъ, и винилъ себя за то, что повѣрилъ Карачѣ. А Татары обрадовались такой потерѣ Ермака, и стали вездѣ нападать на казаковъ. Карача собралъ большую силу, подступилъ къ городу Сибири и обложилъ его со всѣхъ сторонъ: хотѣлъ уморить казаковъ голодомъ. Ермакъ до іюня мѣсяца храбро выдерживалъ осаду, но тутъ опять стали выходить запасы; а изъ Москвы еще ничего не было прислано. Вылазки Ермакъ не дѣлалъ—жалѣлъ онъ людей своихъ, и такъ у него ихъ немного было; стрѣлять въ Татаръ было не къ чему: стояли они не подъ самымъ городомъ, и близко къ валу не подходили. Стало быть, выстрѣлы только даромъ бы пропадали. Когда жь надоѣло казакамъ дольше отсиживаться, Ермакъ рѣшился сдѣлать вылазку и выбралъ для этого темную ночь. Казаки тайкомъ, вышли изъ города и тихонько подошли къ стану Карачи. Татары спали себѣ мирно, ничего не ждали, а казаки все идутъ и думаютъ: «Отплатимъ вамъ за Кольцо и за братьевъ нашихъ,» подошли, бросились на Татаръ и начали ихъ рѣзать. Съ просонокъ, Татары заметались какъ угорѣлые, ничего не понимаютъ, бѣгаютъ изъ стороны въ сторону, кричатъ. А казаки бросаются на нихъ и убиваютъ; двухъ сыновей Карачи убили—кровь такъ и покрыла землю.

Стала заря заниматься. При свѣтѣ Татары ободрились немного, кинулись на казаковъ; но казаки овладѣли Карачинымъ обозомъ, укрѣпились за нимъ, и оттуда отража-

ютъ ружьями и саблями Татаръ. До полуденъ бой продолжался. Тутъ Татары побѣжали съ Карачею.

Ермакъ пошелъ за нимъ въ догоню, и сталъ покорять народцы, жившіе по Иртышу вверхъ. Онъ покорилъ тутъ много городковъ. Одинъ князь татарскій привелъ къ нему дочь свою, красивую Татарку, и говоритъ ему; «Вотъ моя дочь,—возьми ее къ себѣ въ жены.» Ермакъ поглядѣлъ на Татарку—видитъ красивая дѣвушка, однако удержался и не женился, и казакамъ своимъ не велѣлъ къ ней дотрогиваться: «Баба, говоритъ, въ нашей жизни—только помѣха.» Пошелъ онъ дальше и зашелъ за рѣку Ишимъ. Тутъ жилъ бѣдный народецъ въ шалашахъ. Ермакъ сжалился надъ этимъ народцемъ, никого не тронулъ, и даже дани никакой не положилъ съ него. Дальше начинались степи, и жилъ тамъ народъ кочевой, переходившій съ своими стадами съ одного мѣста на другое. Ермакъ не пошелъ дальше и вернулся назадъ.

Въ началѣ августа пришли къ Ермаку гонцы отъ торговыхъ людей бухарцевъ, и сказали: «Послали насъ къ тебѣ бухарскіе купцы. Ѣдутъ они къ тебѣ съ товарами всякими, и дошли изъ своей бухарской земли до Иртыша, а тутъ Кучумъ остановилъ ихъ и дальше не пускаетъ. Приказали они намъ умолять тебя, чтобъ ты ихъ выручилъ.»

Ермакъ выбралъ сейчасъ же изъ казаковъ самыхъ надежныхъ, самыхъ храбрыхъ, приготовилъ большую лодку, взялъ запасовъ съѣстныхъ и поѣхалъ вверхъ по Иртышу. Доѣхалъ онъ до Вагая рѣки, нигдѣ бухарцевъ не встрѣ-

тилъ. Сталъ думать Ермакъ: ужь не обманули ли его, не подставные ли то гонцы были. Казаки устали гресть—плыли все противъ воды. Отдохнуть бы—такъ впору; но мѣсто было незнакомое—какъ остановиться? Велѣлъ Ермакъ плыть назадъ—подъ воду лодка пошла ходко. Ночь наступала. На небѣ тучи сбирались, вѣтеръ подулъ сильный—волны такъ и заходили по рѣкѣ, а тутъ еще дождь хлынулъ, какъ изъ ведра. Такая тьма настала, хоть глазъ выколи.

— Надо привалъ сдѣлать, заговорили казаки. Некуда ѣхать въ такую непогодь.

Подошли они близко къ Иртышу, и причалили не къ берегу, а къ островку, который отъ одного берега былъ не далеко.

— Здѣсь, какъ въ крѣпости, выспимся, говорятъ казаки. Рѣка глубокая—на островъ никто не пройдетъ. У Татаръ лодокъ нѣту. Можно всѣмъ спать, и сторожей ставить не къ чему.

Такъ и сдѣлали. Лодку привязали къ берегу, а сами раскинули шатры, и заснули въ нихъ крѣпкимъ сномъ. Буря бушевала, дождь все шелъ. Не знали казаки, что Кучумъ слѣдилъ за ними, что былъ онъ на берегу съ войскомъ. Не слыхали казаки, какъ одинъ Татаринъ въ бродъ на лошади проѣхалъ къ островку, и выглядывалъ уснули ли казаки, и есть ли у нихъ сторожа. Выглядѣвъ, Татаринъ поѣхалъ опять на берегъ, подошелъ къ Кучуму и сказалъ ему:

— Всѣ казаки мертвымъ сномъ спятъ. А этого Тата-

рина Кучумъ приговорилъ за что-то смертью казнить, и обѣщалъ простить его, если онъ найдетъ бродъ и выслѣдитъ казаковъ. Услыхавъ, что казаки спятъ, Кучумъ обрадовался, однако сразу не повѣрилъ Татарину и сказалъ ему: «Поѣзжай опять на островъ и привези мнѣ какой-нибудь знакъ»—тогда я повѣрю тебѣ и прощу.

Татаринъ опять поѣхалъ. Ползкомъ пробрался онъ къ одному шатру, просунулъ подъ него руку—попались ему три лядунки съ порохомъ. Онъ и привезъ ихъ къ Кучуму. Тогда Кучумъ велѣлъ Татарамъ идти на казаковъ.

Въ полночь Татары перебрели рѣку, подкрались къ шатрамъ и стали рубить казаковъ. Ермакъ вскочилъ, схватилъ саблю и сталъ отбиваться отъ Татаръ и многихъ срубилъ. Но Татары пуще нападаютъ на него и онъ закричалъ:—«Ко мнѣ, братцы», но всѣ ужъ были перебиты. Ермакъ бросился къ лодкѣ, но лодку отбило бурею отъ берегу. Тогда онъ кинулся въ воду и поплылъ къ лодкѣ. Тяжелая броня, которая на немъ была, не давала ему плыть, тянула ко дну, а Татары пускали въ него стрѣлы. Ослабѣлъ Ермакъ и утонулъ.

Только одинъ казакъ убѣжалъ отъ Татаръ и принесъ въ городъ Сибирь эту горестную вѣсть.

Ермакъ погибъ 5-го августа 1584 года. Говорятъ, что черезъ недѣлю послѣ этого тѣло Ермака прибило къ Епанчинскимъ юртамъ. Одинъ Татаринъ ловилъ рыбу и увидѣлъ трупъ въ водѣ, закинулъ петлю и вытащилъ его на берегъ. Смотритъ, должно быть не простой человѣкъ: въ желтыхъ доспѣхахъ, съ золотымъ орломъ на груди. Ска-

залъ онъ другимъ Татарамъ. Татары собрались, стали разглядывать трупъ и узнали Ермака. Они очень обрадовались и оповѣстили Кучума. Кучумъ пріѣхалъ, трупъ Ермака положили на рундукъ и стали въ него стрѣлять стрѣлами. Хоть надъ мертвымъ да натѣшимся, думаютъ Татары. Всего изстрѣляли и зарыли въ землю, а доспѣхи его взяли себѣ.

Горько заплакали казаки по атаманѣ своемъ и говорили: «Пропали мы теперь совсѣмъ. Умеръ атаманъ—князь, а безъ него и мы не воины. Перебьютъ насъ Татары, какъ воронъ, и тѣла наши собакамъ побросаютъ. Уйдемте на Русь. Нечего намъ тутъ дѣлать.»

И ушли казаки изъ города Сибири вмѣстѣ съ царскимъ воеводою Глуховымъ. Городъ опустѣлъ. Кучумовъ сынъ Алей пришелъ въ него, а за нимъ и самъ Кучумъ. Радовался старикъ, что воротилъ свое царство, но скоро пришелъ Сейдякъ, отца котораго Кучумъ убилъ, и выгналъ его изъ Сибири.

Есть народная пѣсня, въ которой разсказывается происшествіе, очень похожее на гибель Ермака. Вотъ она:

Издалеча, далеча, изъ чиста поля,
Лежала, пролегала дорожка торная,
Что никто по той дороженькѣ не прохаживалъ,
Никто слѣдичку по широкой не прокладывалъ.
Только шли, прошли казаки съ моря синяго,
Со такою со добычей, шли со промыслу.
Становилися казаченьки въ улутавскіе луга,

Что во тѣ же, во кустички, во терновые.
Разсѣдлали добрыхъ коней, потреножили,
Потреножили добрыхъ коней; въ поле пустили.
Ужъ какъ сами казаченьки глупо сдѣлали,
Не поставили карауду, сами спать легли,
Не почаили изъ Ултаву грозной высылки.
Подглядѣлъ-то, подсмотрѣлъ молодой шельма Киргизъ,
Онъ кидался, онъ бросался во всѣ стороны,
Ко тому же ли, ко султану, къ азіятскому:
«Ужъ ты, гой еси, нашъ батюшка, азіятской земли ханъ!
Не прикажи казнить, прикажи рѣчь говорить.
Еще дай ты мнѣ силы-арміи много-множество,
Много-множество силы-арміи, сорокъ тысячъ человѣкъ,
Сорокъ тысячъ человѣкъ на пятьсотъ казаковъ.»
Они бились, рубилися день до вечеру,
Разосеннюю темну ноченьку до бѣлу свѣту,
Не достало у казаченекъ свинцу-пороху.

VII.

Убѣжавшіе изъ Сибири казаки встрѣтили на дорогѣ царскаго воеводу Мансурова. Его послалъ въ Сибирь съ сотнею человѣкъ и съ пушкою ужь новый царь—Ивана Грознаго не было въ живыхъ. Мансуровъ узналъ отъ казаковъ, что Ермакъ убитъ. Казаки съ воеводою опять воротились въ

Сибирь, но взять города не могли. Сейдякъ держался крѣпко. Мансуровъ построилъ деревянный городокъ на Оби рѣкѣ. Остяки подошли подъ городокъ и хотѣли его взять. Съ собой притащили они своего идола—Славутеемъ его называли—и прислонили его къ дереву, и стали молиться ему, чтобъ помогъ онъ одолѣть Русскихъ. Мансуровъ приказалъ выстрѣлить изъ пушки въ идола. Эти Остяки еще не слыхали пушечнаго выстрѣла, сильно сробѣли. А когда увидали, что идолъ ихъ разбитъ выстрѣломъ, стали говорить: «Сильны Русскіе стрѣлять—даже Бога нашего сокрушили. Видно не одолѣть намъ ихъ.» И больше къ городку не приходили.

Когда въ Москвѣ узнали о смерти Ермака, царь послалъ въ Сибирь воеводу Чулкова съ тремя стами человѣкъ. Чулковъ пришелъ въ Сибирь и недалеко отъ города Сибири заложилъ городокъ Тобольскъ. Съ Сейдякомъ онъ не ссорился. Но Сейдякъ самъ захотѣлъ напасть на Тобольскъ. Вышелъ онъ изъ города своего съ Татарами и съ Карачей и пошелъ прямо къ Тобольску. А чтобъ Русскихъ обмануть, стали ястребовъ пускать на птицъ. «Пускай, думаетъ онъ, Русскимъ покажется, что я на охоту вышелъ.» А Чулковъ и себѣ думаетъ: «А что если я перехитрю тебя.» Послалъ онъ къ Сейдяку просить его къ себѣ въ гости—о замиреньи, молъ, поговорить, какъ бы жить Татарамъ и Русскимъ въ дружбѣ между собою. Сейдякъ согласился. Подошелъ онъ съ Татарами къ городу, взялъ съ собой сто человѣкъ и съ ними вошелъ въ городъ. За нимъ пошелъ Карача и какой-то еще Салтанъ

царевичъ. Всѣхъ троихъ ихъ пригласилъ Чулковъ отобѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, и ввелъ въ свою избу.

Сѣли за столъ. Только гости что-то не пьютъ, не ѣдятъ. Чулковъ и говоритъ имъ:

— Князь Сейдякъ, вѣрно ты зло какое на насъ, христіанъ, мыслишь—брезгаешь нашимъ питьемъ и ѣствомъ.

— Я не мыслю на васъ никакого зла, отвѣчалъ Сейдякъ.

— А если не мыслишь, сказалъ опять Чулковъ, то выпейка за здравіе. И ты, Карача, выпей, и ты, Салтанъ царевичъ.

— Чтожь—мы выпьемъ, говорятъ Татары—наливай!

Чулковъ поднесъ чару Сейдяку. Сталъ пить Сейдякъ и поперхнулся. Карача тоже поперхнулся, за нимъ и Салтанъ царевичъ.

— А, такъ вы съ злымъ умысломъ пришли сюда, крикнулъ Чулковъ. Самъ Богъ васъ обличаетъ. Ребята, держите Татаръ, вяжите ихъ!

Сейдякъ съ Карачею и Салтаномъ царевичемъ кинулись въ окно. Казаки догнали и связали ихъ, потомъ стали бить Татаръ, что съ Сейдякомъ пришли. Многихъ перебили, а другіе покорились.

Городъ Сибирь опустѣлъ. Въ немъ никто не сталъ жить —такъ онъ и стерся съ лица земли.

Кучумъ все еще надѣялся воротить царство. Писалъ къ нашему царю, чтобъ замиренье сдѣлать, и все себя царемъ величалъ; а нашъ царь сказалъ ему: «Приходи ко мнѣ служить въ Москву, я тебя пожалую. А царства Си-

бирскаго тебѣ, какъ ушей, не видать.» Кучумъ отказался. Тогда Русскіе захватили въ плѣнъ семью его и въ Москву отослали. Царь обласкалъ ее. А самъ Кучумъ къ Ногаямъ, въ степь, убѣжалъ. Ногаи подумали: — Русскіе выгнали Кучума изъ царства, теперь онъ къ намъ прибѣжалъ. А намъ нельзя его держать. Узнаютъ Русскіе, что мы Кучума держимъ, пожалуй и надъ нами сдѣлаютъ тоже, что надъ нимъ. Взяли и убили его.

Такъ покорилось Сибирское царство: воротили опять то, что Ермакъ завоевалъ.

Ермака и казаковъ убитыхъ до сихъ поръ поминаютъ въ Тобольскихъ церквахъ.

Ермаку поставленъ въ Тобольскѣ памятникъ на высокомъ холмѣ. Подножье гранитное, $1^1/_2$ ар. вышины, а верхъ мраморный, въ 7 саженъ вышины. Съ четырехъ сторонъ памятника высѣчены слѣдующія надписи:

Съ одной стороны — «*Покорителю Сибири, Ермаку.*»

Съ другой — «*Воздвигнутъ въ 1839 году.*»

Съ третьей — «*1581*» (годъ прихода Ермака въ Сибирь).

Съ четвертой — «*1584*» (годъ смерти Ермака).

Въ Сибири, у всякаго крестьянина, даже самаго бѣднаго, виситъ въ избѣ портретъ атамана-князя Ермака.

ПѢСНИ ПРО ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА.

I.

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ:
Какъ донскіе, гребенскіе и яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку все единую:
Ужъ-какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ;
На Яикъ намъ идтить, да переходъ великъ,
А на Волгѣ ходить намъ, все ворами слыть,
Подъ Казань градъ идтить, да тамъ царь стоитъ,
Какъ грозной-та царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много-множество,
Да тебѣ Ермаку быть тамъ повѣшену,
А намъ казакамъ быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Рѣчь возговорилъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ:

Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся,
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, неорленые,
Мы убили посланничка все царскаго,
Какъ того-то вѣдь посланничка персидскаго.
Какъ во славномъ было во городѣ во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки други во единой кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, въ походъ идтить;
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой вы гой еси братцы, атаманы молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки каломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаички сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помочью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,

Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, царю бѣлому,
А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ,
И за то-то государь царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко бѣлу-царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я царю бѣлому повинную:
Ой ты гой еси надежа православный царь,
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить.
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
Какъ и я-то воровской донской атаманушка;
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все не орленые:
А теперича, надежа православный царь,
Приношу тебѣ буйную головушку,
И съ буйной головой царство сибирское.
Рѣчь возговоритъ надежа православный царь,
Какъ и грозный-то царь Иванъ Васильевичъ:
Ой ты гой еси Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Ой ты гой еси войсковой донской атаманушка,
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,

За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славной тихой Донъ.

II. *)

Шатаился, мотаился, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ.
Онъ шатаился, мотаился по чисту полю,—
По чисту полю, Ермакъ, да по синю морю.
Разбивалъ же, Ермакъ, всѣ бусы–корабли:
Татарскіе, армянскіе, басурманскіе;
А и больше того кóрабли государевы:
Государевы кораблики безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскаго они ярлычка.
Возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— «Ой, вы, гой еси, мои братьи–товарищи,
Вы морскіе удалые разбойнички!
Еще гдѣ намъ зиму зимовать будетъ?
Намъ на Волгѣ жить, братцы, ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ.
Идти–ль намъ, не идти на Иртышъ–рѣку.
Мы съ Иртышъ–рѣки возьмемъ Тоболъ–городъ.

---

*) Эта пѣсня сочиненія позднѣйшаго, оттого и упоминается здѣсь по ошибкѣ замѣсто Ивана Грознаго — Царь Петръ Алексѣевичъ.

Тоболъ–городъ возьмемъ бѣлой грудью,
Бѣлой грудью возьмемъ, безъ свинца, безъ пороху,
Безъ свинца, безъ пороху, съ камчатной одной плеткою.
И поѣдемъ мы къ царю съ повинною,
Повеземъ мы ему свои буйны головы,
Во правой рукѣ повеземъ топоръ–плаху.»
Ермакъ Тимофеевичъ ловилъ себѣ добра коня,
Добра коня, что ни лучшаго,
Добра коня богатырскаго.
Надѣваилъ на него уздечку тесмянную,
Накладывалъ потнички бѣлы–бумажные,
Накидывалъ сѣдельце черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ —
Не для красы — для крѣпости.
Садился–де Ермакъ на добра коня,
На добра коня, Ермакъ, на иноходнаго.
Передомъ ѣдетъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ.
Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ потихохоньку,
Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ посмирнехоньку.
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу, ко царскому,
Ко крылечку подъѣхалъ, ко крашеному.
Какъ слѣзалъ Ермакъ со добра коня,
И пошелъ Ермакъ въ царскія палатушки;
Ужъ идетъ–де онъ безъ докладушекъ,
Идетъ Ермакъ потихохоньку, посмирнехоньку.
Какъ вошелъ Ермакъ во палатушки,
Во свѣтлыя царскія залушки.

Возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
— «Здорово ты, нашъ батюшка, православный царь,
Православный царь, ты, Петръ Алексѣевичъ,
Со своими князьями и боярами!
Узнаешь ли Ермака ты, сына Тимофеевича?
Я пріѣхалъ къ тебѣ съ повинною,
Привезъ тебѣ свою буйну голову,
Во правой рукѣ топоръ-плаху.
Я шатаился, мотаился по чисту полю,
По чисту полю и по синю морю.
Разбивалъ я, Ермакъ, бусы-корабли:
И татарскіе, и армянскіе, и басурманскіе,
А и больше твои государевы,
Государевы кораблики безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскихъ они безъ ярлычковъ.»
Возговорилъ нашъ батюшка, православный царь:
— «Ужъ вы гой еси, мои князья-бояры;
И вы думчіе мои сенаторушки!
Еще что намъ съ Ермакомъ будетъ дѣлати:
Иль казнить его, или вѣшати?
Иль во всѣхъ винахъ его простити?
Иль велѣть ему Казань, Астрахань взять?
Возговорилъ одинъ-де, бояринъ-то,
И старшій думчій сенаторушка:
— «Ой, ты, гой еси, батюшка православный царь!
Еще мало намъ Ермака казнить-вѣшати!»
— «Ой, ты, гой еси, ты врешь, собака!
Безъ суда безъ допроса хочешь Ермака вѣшати.»

Богатырская сила въ немъ разгоралася,
Богатырская кровь въ немъ подымалася,
Вынималъ онъ изъ ноженъ свою саблю вострую,
Онъ срубилъ, смахнулъ боярину буйну голову.
Буйная его головушка отвалилася,
Да по царскимъ она залушкамъ покатилася.
А и царская картина пермѣнилася,
А и думчіе сенаторы испужалися,
И по царскимъ заламъ разбѣжалися.
Возговорилъ нашъ батюшка, православный царь!
— «Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ— бѣдой кутитъ.
Еще что намъ съ Ермакомъ дѣлать?»
Ни одинъ князь отвѣту не далъ.
Во всѣхъ винахъ царь прощалъ его.
Только Казань, Астрахань взять велѣлъ.

БОЯРИНЪ МАТВѢЕВЪ.

БОЯРИНЪ МАТВѢЕВЪ.

I.

Русскіе люди въ XVII вѣкѣ воспитывали дѣтей въ духѣ православной вѣры, которая, къ несчастью, часто понималась только съ одной внѣшней стороны, то есть придавалось особенное значеніе обрядамъ. Ребенка учили земнымъ поклонамъ, заставляли по—долгу молиться, держать посты, бережно ѣсть просфоры. Передавая ребенку многое о внѣшнихъ обрядахъ, часто не объясняли самаго главнаго—духа христіанской вѣры, возвышенныхъ истинъ евангельскаго ученія о мирѣ, братствѣ и любви. Оттого съ младенческихъ лѣтъ иной Русскій пріучался смотрѣть на религію какъ на обрядъ только, а не какъ на такое ученіе, которое должно было сдѣлать его истиннымъ хри-

стіаниномъ, то есть человѣкомъ любящимъ другихъ людей, готовымъ помогать имъ, считать всѣхъ людей ближними своими, братьями по духу и плоти. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ не многіе понимали тогда христіянскую вѣру, и оттого-то иной русскій человѣкъ, дѣлая цѣлый вѣкъ свой всякія неправды, думалъ наслѣдолать царствіе Божіе одним строгимъ исполненіемъ обрядовъ, да жертвами въ монастыри на поминъ души своей значительныхъ денежныхъ суммъ или населеннаго имѣнія. Многіе вѣрили, что стоитъ только молитву «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго» говорить часто, чтобъ не только спастись, но и сдѣлаться праведникомъ.

Обучать ребенка грамотѣ не считалось нужнымъ. Правда, были въ то время у насъ люди начитанные и грамотные, но это происходило какъ-то случайно: были грамотные между крестьянами, и были неграмотные между боярами.

Обученье начиналось иногда очень поздно, лѣтъ въ 16, и начиналось съ букваря, въ которомъ въ то время, кромѣ славянской азбуки, помѣщались разныя наставленія дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи, а родителямъ и учителямъ—о томъ, чтобъ они какъ можно чаще наказывали дѣтей. За такими наставленіями слѣдовали отрывки изъ Свящ. писанія Ветхаго и Новаго Завѣта или совсѣмъ непонятныя опредѣленія разныхъ наукъ. Выучивъ букварь, русскій человѣкъ или имъ и оканчивалъ свое ученье, или принимался учить *Часословъ*, *Псалтирь*, *Апостольскія Дѣянія*, учился пѣнію Октоиха, письму

и заканчивалъ свое образованіе изученіемъ разныхъ церковныхъ службъ.

Съ такимъ малымъ запасомъ свѣдѣній русскій человѣкъ вступалъ въ жизнь, дѣлался государственнымъ и общественнымъ дѣятелемъ. Еслижъ приходило ему желаніе побольше узнать, онъ охотно читалъ священное писаніе, переводы святыхъ отцовъ — Діонисія Ареопагита, Ѳеодора Студійскаго, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина. Печатныхъ книгъ въ то время было мало, а какія были—назначались исключительно для богослуженія. Но было много рукописныхъ книгъ и свѣтскихъ, не говоря уже о духовныхъ. Русскій человѣкъ охотно слушалъ и читалъ русскія сказки и пѣсни, читалъ и сказки иноземныя. Любимымъ чтеніемъ русскаго грамотнаго человѣка въ XVII вѣкѣ были сказанія о подвигахъ Александра Македонскаго, разныя стихотворныя, иногда очень нескромныя, повѣсти, басни, анекдоты о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ греческой и римской исторіи,—вообще все чудесное, выходившее изъ ряда вонъ. Всѣ такія сочиненія переводились, переписывались и зачитывались. Кромѣ такого чтенія, въ XVII вѣкѣ русскій человѣкъ началъ интересоваться и болѣе полезнымъ знаніемъ: стали переводить и переписывать грамматики, ариѳметики, лѣчебники и космографіи.

Изъ сочиненій географическихъ у насъ долго пользовался большимъ уваженіемъ переводъ творенія греческаго писателя VI вѣка Козьмы Индикоплова: «Книга о Христѣ, объимающа весь міръ.» Эта книга была наполнена выпи-

сками изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; этими выписками сочинитель старался доказать, что земля четвероугольна, что небо, въ видѣ полукруга, прикрѣплено къ краямъ ея, а вокругъ всей земли лежитъ океанъ-море. Въ концѣ книги находилось описаніе баснословныхъ и рѣдкосныхъ животныхъ. Съ конца XVI столѣтія начали, впрочемъ, появляться и у насъ переводы здравыхъ сочиненій европейскихъ о землѣ, въ которыхъ говорилось, что земля шарообразна и описывались разныя государства. Наши переводчики, однакожъ, не оставляли эти сочиненія безъ своихъ вставокъ. Такъ, они замѣчали, что въ западныхъ европейскихъ государствахъ люди забыли благочестивую вѣру, принятую отъ св. Апостолъ и Отецъ, и перешли «въ злую вѣру папежскую и люторскую». О Россіи говорилось переводчиками благопріятно: «монастыри же и церкви во градѣхъ зѣло благолѣпіемъ красятся и чуднымъ зданіемъ и доброслушными камбаны (колокола), и во всей Европеи подобны тоя земли нѣтъ. Человѣцы же брадами и платьемъ изрядны; нравы же непостоятельны». Кромѣ этихъ похвалъ Россіи, переводчики вставляли еще отъ себя и разныя басни о никогда небывалыхъ земляхъ и людяхъ, о чудныхъ островахъ. Предки наши тѣшили себя чтеніемъ описанія лѣса «анафнита», который будто бы находился въ странахъ индійскихъ, и такой это чудный лѣсъ былъ, что жили въ немъ люди роста необыкновеннаго съ длинной шеей; читали о дикихъ людяхъ, косматыхъ, круглыхъ и черныхъ, съ лицемъ львинымъ, и проч.

Русскіе были очень суевѣрны, а потому проникло къ

намъ изъ Европы вмѣстѣ съ полезнымъ и все то, что было болѣе или менѣе безполезно, напримѣръ, разныя календари и астрологическія *) сочиненія, съ предсказаніями по звѣздамъ. Въ этихъ календаряхъ говорилось о тяжелыхъ дняхъ, въ которые совѣтовалось ничего не предпринимать—не лечить ни человѣка, ни скотину, не пускать кровь, не заключать браковъ, не учить дѣтей, не пускаться въ путь. Многіе и теперь убѣждены, что есть именно такіе дни, въ которые что ни начни—все прахомъ пойдетъ. Такой непохвальной репутаціей пользуется между прочимъ до сихъ поръ понедѣльникъ. Въ астрологическихъ сочиненіяхъ говорилось о вліяніи планетъ на судьбу людей, смотря потому, какая планета и въ какое созвѣздіе вступала, напр. «аще Сатурнусъ въ тельцѣ (въ созвѣздіи тельца) бываетъ — скорби, многій же моръ, ножныя болѣзни въ человѣцѣхъ; садовыхъ овощей много, желѣза много же, а хлѣба оскудѣніе и всюду глады, люди отъ того знамени многи погибаютъ»... Когда же Юпитеръ въ тельцѣ: «все въ людяхъ пріятно, и браки и пиры; скорби же многи отъ ногъ»....

---

*) Астрологія была такая ложная наука, которая учила предсказывать будущее и особенно участь человѣка по положенію звѣздъ на небѣ. Задолго еще до Р. Х. астрологія была въ большомъ уваженіи у разныхъ древнихъ народовъ. Во всей Европѣ ей вѣрили. Астрологи составляли такъ-называемые *гороскопы*, особыя таблицы, въ которыхъ, по положенію звѣздъ на небѣ въ день рожденія человѣка, предсказывали ему будущее. Предсказанія дѣлались темныя и мудреныя, такъ что одну и туже фразу можно было толковать на разные лады.

Зная въ чемъ состояло тогдашнее воспитаніе и образованіе, мы можемъ себѣ составить приблизительное понятіе о воспитаніи Матвѣева, который родился въ 1625 году. Отецъ Артамона Сергѣевича былъ человѣкъ съ достаткомъ, хотя небогатый; онъ былъ въ послахъ при дворѣ персидскомъ, стало быть пользовался нѣкоторымъ значеніемъ. Артамонъ Сергѣевичъ учился хорошо, благодаря своимъ хорошимъ способностямъ, и обратилъ на себя вниманіе царя Михаила Ѳеодоровича. Семнадцати лѣтъ, Матвѣевъ состоялъ уже при царевичѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ чинѣ стряпчаго *), а черезъ годъ еще сдѣланъ стрѣлецкимъ головою.

Стрѣльцы составляли тогда наше лучшее войско. Учрежденные Иваномъ Грознымъ изъ вольныхъ людей, они обзавелись семействами и жили своими домами, построенными для нихъ правительствомъ, въ Стрѣлецкой слободѣ (въ Замоскворѣчьи, на югъ отъ Кремля) и другихъ мѣстахъ Москвы. Стрѣльцы были вѣчные военные люди со всѣмъ своимъ потомствомъ. Сынъ стрѣльца, какъ скоро могъ владѣть оружіемъ, тотчасъ же поступалъ на службу. Кромѣ Москвы, стрѣльцы жили и въ пограничныхъ областныхъ

---

*) Стряпчіе служили при дворѣ для разныхъ посылокъ. При выходѣ царя въ церковь, или въ походъ на потѣхи, или въ думу, они сопровождали царя, неся передъ нимъ скипетръ; въ церкви держали его шапку и платокъ, а въ походахъ возили за нимъ панцырь, саблю, колчанъ съ стрѣлами. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стряпчихъ было въ Москвѣ до 800 человѣкъ.

городахъ. Участвуя въ военное время въ походахъ и битвахъ, въ мирное время стрѣльцы должны были охранять порядокъ внутри государства, держать караулы въ Москвѣ, тушить пожары. Выборный стрѣлецкій полкъ, подъ названіемъ стремяннаго, сопровождалъ царя на лошадяхъ изъ царскихъ конюшенъ, во всѣхъ его поѣздкахъ изъ Москвы. Получая хорошее жалованье и содержаніе отъ царя, стрѣльцы въ то же время занимались торговлей, не платя за право торговли никакихъ пошлинъ въ казну. Раздѣлялись стрѣльцы на приказы *) — въ каждомъ приказѣ было отъ 800 человѣкъ до тысячи. Начальникомъ приказа былъ голова — эту-то должность и дали Матвѣеву.

Передъ нимъ открылось трудное военное поприще. Отличаясь храбростью, Матвѣевъ нѣсколько разъ имѣлъ случай выказать свою распорядительность, усердіе къ царю, мужество и великодушіе въ происходившей тогда войнѣ Россіи съ Польшею. Война эта началась за то, что Малороссія, бывшая въ подданствѣ у Польши, притѣсняемая ею, приняла подданство Россіи при гетманѣ своемъ Богданѣ Хмѣльницкомъ (1654). Желая снова оттягать къ себѣ Малороссію, Поляки начали съ нами войну. Мы не станемъ разсказывать всего хода этой войны, упомянемъ только о двухъ случаяхъ, бывшихъ съ Матвѣевымъ. Русскія войска осадили городъ Львовъ, но зима заставила ихъ

---

*) При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ приказы были переименованы въ полки, а головы въ полковники.

снять осаду и отступить. Во время этого отступленія войска наши разбрелись, и бросили въ полѣ 59 пушекъ со всѣмъ снарядомъ. Матвѣевъ съ небольшою кучкою людей, страдавшихъ отъ голода и стужи и едва двигавшихся, долженъ былъ взять на себя сбереженіе пушекъ. Стараясь ободрить несчастныхъ, раздѣляя съ ними всѣ труды, онъ самъ впрягался подъ пушки и доставилъ ихъ въ Бѣлую Церковь. Въ другой разъ, во время той же войны, онъ спасъ князя Трубецкаго отъ смерти, которою угрожали ему ратные люди, вышедшіе изъ повиновенія. Они было уже схватили Трубецкаго, но Матвѣевъ бросился въ толпу съ своими стрѣльцами и выручилъ воеводу.

Воевать съ непріятелемъ—дѣло обыкновенное, но Матвѣеву приходилось съ своими стрѣльцами ходить и на своихъ, усмирять тогдашніе бунты, которые въ царствованіе Алексѣя Михайловича (1645—1676) были довольно часты. Къ сожалѣнію, мы не можемъ отгадать, съ какимъ чувствомъ шелъ Матвѣевъ на своихъ, хотя и знаемъ навѣрно, что сердце его, какъ и сердце царя Алексѣя Михайловича, было въ сильной степени доступно состраданію. Такъ, послѣ казни Стеньки Разина, Матвѣевъ выпросилъ прощеніе многимъ изъ его сообщниковъ; имѣя случай изъѣздить Россію изъ конца въ конецъ, Матвѣевъ видѣлъ въ какомъ была она положеніи, изнуренная войнами съ Поляками, набѣгами крымской орды, моровыми повѣтріями и своими внутренними недугами.

Часто, проѣзжая огромныя пространства, Матвѣеву не приходилось встрѣтить ничего, кромѣ голой степи, вызжен-

ной непріятелемъ. Тамъ и сямъ, на большомъ разстояніи другъ отъ друга, встрѣчались бѣдныя деревеньки и села, съ курными, тѣсными избами, изъ которыхъ выходили блѣдные и изнуренные голодомъ и нуждою люди. Иногда встрѣчались и такія деревни, въ которыхъ ни одно живое существо не откликнулось бы путнику, не вышло бы къ нему, сколько бы онъ ни звалъ, сколько бы онъ ни стучалъ въ ворота и окна: жители или перебиты, или вымерли, или разбѣжались, кто куда—и на югъ, и на низовье Волги, и въ Сибирь... Ѣдутъ, ѣдутъ путники, верстъ пятьсотъ ѣдутъ, и благодарятъ Бога, что на этомъ пространствѣ встрѣтили десятокъ женщинъ, одного мужчину, да нѣсколько полуразвалившихся избъ. На сѣверъ отъ Москвы шли лѣса и болота, обильные всякимъ звѣремъ и дичью, и рѣки, обильныя рыбою. Но и здѣсь, хотя край и населенъ былъ мѣстами, путнику приходилось плохо: черезъ лѣса и болота почти только зимою и проѣхать было можно: топи, грязь и множество насѣкомыхъ почти не давали возможности ѣхать лѣтомъ. Дорогъ или вовсе не было, или были малоѣзженыя; поселяне встрѣчались рѣдко и путнику то и дѣло приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, и лѣтомъ и зимою.

Куда бы ни пріѣхалъ путникъ, почти вездѣ было тяжко жить людямъ. Одни жаловались на голодъ, другіе на раззоренье отъ непріятеля, третьи на моровую язву; но еще чаще раздавались жалобы на воеводъ, которые окружали себя доносчиками, а доносчики обвиняли людей невинныхъ въ небывалыхъ преступленіяхъ. Доносъ и ябедничество были

тогда прибыльнымъ ремесломъ. Служащіе люди и боярскіе дѣти разъѣзжали по посадамъ и селеніямъ, заѣзжали къ богатымъ жителямъ, заводили ссоры, потомъ составляли челобитныя о побояхъ, грабежахъ и обидахъ, и, запугавъ крестьянъ, брали съ нихъ отступное во избѣжаніе проволочекъ и наѣздовъ приставовъ и разсыльщиковъ. Шпіоновъ было чрезвычайное множество, и они всюду вторгались: на свадьбы, похороны, на пиры—иногда въ видѣ богомольцевъ и нищей братіи. При такомъ множествѣ шпіоновъ, воеводамъ не трудно было запутать и обобрать любого человѣка. Съ своими служилыми людьми, для своей корысти, воеводы сажали въ тюрьмы людей невинныхъ, нещадно приказывали бить ихъ батогами, держали на правежѣ и подвергали страшнымъ истязаніямъ. Случалось, что воевода сажалъ людей въ подполье, запиралъ въ одной рубахѣ въ холодныя избы зимою, выдавалъ насильно замужъ крестьянскихъ дѣвушекъ, посылалъ своихъ людей по деревнямъ грабить крестьянъ. Ограбленные приходили жаловаться воеводѣ и попадали за это въ тюрьмы, откуда освобождались только выкупомъ. Разбои были очень часты; ими занимались не только разные бѣглые, но и богатые люди. Случалось, что помѣщикъ наберетъ своихъ крестьянъ, вооружитъ ихъ и пойдетъ разбойничать, нападаетъ на купцовъ, на сосѣдей своихъ, помѣщиковъ же, грабитъ, жжетъ селенія. Въ разбояхъ участвовали иногда и духовныя лица, монахи, даже игумены.

Управы трудно было найдти въ то время, потому что взяточничество было ужасное; за деньги даже въ самой

Москвѣ все можно было сдѣлать. Хотя въ приказахъ и велѣно было судить по святой евангельской заповѣди, не дружить сильнымъ и друзьямъ, не мстить недругамъ, не брать взятокъ, хотя приказные люди и цѣловали крестъ съ «жестокимъ проклинательствомъ» въ томъ, чтобъ не брать взятокъ и судить по правдѣ, по царскому указу и уложенью, «но, говоритъ одинъ современный писатель, ни во что ихъ есть вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ.» Безъ взятки не дѣлалось ни одного дѣла, и люди самые близкіе къ царю наживали огромныя состоянія взятками и грабежомъ царской казны. Конечно, если царь узнавалъ о лихоимствѣ важнаго человѣка, то наказывалъ его, но узнавать приходилось рѣдко, да и тогда важные люди могли найти за себя заступничество или у своихъ пріятелей, или черезъ женъ своихъ у царевенъ, царицы и царевичей. Матвѣевъ, когда вошелъ въ силу при дворѣ, тоже избавлялъ многихъ отъ заслуженнаго ими наказанія.

Взяточничество, главнымъ образомъ, происходило отъ слѣдующихъ причинъ. «Въ жестокихъ законахъ царя Ивана Грознаго, говоритъ одинъ современникъ, главнѣйшимъ уставомъ кажется тотъ, по которому всѣ приказные люди, начальники и правители, чинятъ царю государю присягу и страшно клянутся: что я, такой-то, при всякомъ удобномъ случаѣ, какой только можно придумать на свѣтѣ, буду искать прибыли государевой казнѣ, и не пропущу никакого способа, годнаго къ ея умноженію—изъ этого закона

необходимо слѣдуетъ это великое зло: что подъ царскимъ именемъ тѣ приказные, столько же для себя, сколько для царя, всякими вымыслами томятъ, мучатъ и обираютъ несчастныхъ подданныхъ и не пропускаютъ никакого способа годнаго для грабительства. Другой законъ состоитъ въ томъ, что высшіе сановники (связанные той клятвой) не назначаютъ уѣзднымъ приказнымъ людямъ никакого жалованья, или такое малое, что приказные никакъ не могутъ имъ жить. А при этомъ приказываютъ имъ носить цвѣтное, дорогое платье, и крѣпко запрещаютъ брать взятки. Какой же промыслъ остается этимъ бѣднымъ людямъ на прожитокъ? Одно воровство.... Отъ приказной поблажки на Москвѣ множество воровъ, разбоевъ и убійства.»

Корыстолюбіе было господствующимъ порокомъ того времени. Люди были не образованы, не развиты и не сознавали, какой долгъ лежитъ на нихъ въ отношеніи къ обществу. Личная выгода ставилась впереди всего. Службою отечеству почитали только службу военную, на всякую же другую, собственно гражданскую службу, смотрѣли какъ на средство, вознаграждающее за заслуги на ратномъ полѣ. Само правительство, раздавая должности гражданскаго управленія, руководилось тою же мыслію, посылая служилыхъ людей на «кормленіе» въ провинцію. Служилый человѣкъ и кормился: «я-де отслужилъ отечеству на войнѣ — теперь пора отдохнуть и нажиться», и онъ наживался часто всѣми неправдами.

Теперь мы далеки отъ того порядка вещей. Государь, даровавъ свободу крѣпостнымъ, далъ народу возможность

управляться во многихъ случаяхъ самимъ собою черезъ выборныхъ. Государь далъ намъ земскія учрежденія, далъ гласный, «правый и скорый» судъ. Ни одинъ царь не сдѣлалъ для народа столько, сколько сдѣлалъ нынѣ царствующій Александръ Николаичъ: онъ исправилъ то, что цѣлые вѣка держалось, и исправилъ кореннымъ образомъ, такъ, что и въ настоящемъ, и въ будущемъ мы можемъ ждать только одного хорошаго. Теперь правительство наше знаетъ, что на благоденствіи народа должна основываться вся сила государства. Тогда же, напротивъ, правительство не обращало почти никакого вниманія на народъ. Его грабили воеводы, притѣсняли владѣльцы, не жалѣло правительство. Жители Московскаго государства были обложены безчисленными налогами, сборами, податями, пошлинами, отбывали въ тоже время множество повинностей натурою. Воеводы и приказные люди строго наблюдали за сборомъ налоговъ и исполненіемъ повинностей, потому что весь недоборъ съ жителей доправляли съ самого воеводы. Жалѣя свой карманъ, воеводы не щадили никакихъ истязаній, чтобъ принудить жителей къ уплатѣ сборовъ. Должниковъ держали на правежѣ, то есть били до тѣхъ поръ, пока они уплачивали, или умирали, или разбѣгались. Вообще тогдашнее правительство всѣ свои силы употребляло только на то, чтобъ собирать какъ можно больше дохода, не тратя ни малѣйшихъ стараній и заботъ объ улучшеніи хозяйства, о благополучіи, благоденствіи народа — этой основы всякаго государства. Что же дѣйствительно было сдѣлано для общественнаго устройства — то сдѣлано было не съ цѣлью

улучшить состояніе народа, а просто для того, чтобъ предупредить явное и совершенное разстройство дѣлъ, стало быть было вызвано со стороны государства самосохраненіемъ, стремленіемъ спасти дѣло отъ конечной гибели.

Окруженные корыстолюбцами, безстыдными и безсовѣстными взяточниками, шпіонами, честные люди должны были горько жаловаться на судьбу свою. Между такими людьми даже трудно было оставаться честнымъ человѣкомъ, и если находились честные люди на службѣ царской, Алексѣй Михайловичъ умѣлъ ихъ отличить и приблизить къ себѣ, сдѣлать своими ближними друзьями. Изъ такихъ-то честныхъ людей были патріархъ Никонъ, Ордынъ-Нащокинъ, Матвѣевъ. Ордынъ-Нащокинъ честно служилъ государству, имѣлъ обширный умъ, успѣшно велъ переговоры съ иностранными державами, заключая съ ними выгодныя для Россіи договоры. Но онъ не могъ ужиться съ толпою взяточниковъ и казнокрадовъ и, бросивъ государственныя дѣла, удалился въ монастырь. Никона также оттѣснили. Оставался Матвѣевъ, честный и добрый по природѣ; Алексѣй Михайловичъ давно отличилъ его и давалъ ему важныя порученія къ Богдану Хмѣльницкому, въ Малороссію, и въ Литву. Во время поѣздокъ своихъ онъ сходился съ людьми умными, образованными, имѣлъ случай наблюдать нравы у другихъ народовъ и слышать отъ иностранцевъ, съ которыми любилъ сближаться, много хорошаго о житьѣ-бытьѣ въ западной Европѣ. Сравнивая эти разсказы съ тѣмъ, что онъ видѣлъ вокругъ себя, Матвѣевъ видѣлъ очень хорошо, что не мѣшаетъ многому

поучиться у иностранцевъ и многое позанять у нихъ. Оттого и жилъ онъ далеко не такъ, какъ другіе знатные люди.

II.

Тогдашніе знатные люди жили въ своихъ домахъ, построенныхъ обыкновенно среди большаго двора, обнесеннаго каменнымъ заборомъ. На этомъ дворѣ стояло нѣсколько каменныхъ строеній въ два этажа, иногда съ надстройкою наверху, что придавало дому снаружи видъ трехъ-этажнаго, а между этими строеніями торчали деревянныя избы, людскія, деревянныя и каменныя службы, и все это соединялось иногда переходами. Большихъ домовъ тогда не строили, а сооружали на дворѣ нѣсколько жилыхъ строеній, изъ которыхъ каждое называлось вообще *избою*, а *всѣ* жилыя строенія носили общее названіе *хоро́мъ*. Дѣлалось это для того, чтобы каждый отдѣльный членъ семьи имѣлъ свое особое жилье. Въ нижнемъ этажѣ, называемомъ *подклѣтомъ*, помѣщались въ иныхъ домахъ кладовыя, въ иныхъ погребъ для храненія напитковъ, иные устраивали себѣ въ немъ мыльню (баню); иногда же въ подклѣтахъ помѣщалась прислуга. Во второмъ этажѣ, заключавшемъ въ себѣ два и три покоя и называвшемся *горницею* (отъ слова *горній*, верхнее жилье), жили хозяева. По четыре покоя было только у самыхъ богатыхъ людей, которые строили еще себѣ иногда избы въ одинъ покой съсѣнями

называемыя *столовыми:* тутъ обыкновенно устроивались пиры. Даже у царей было только четыре покоя: передняя (горница), крестовая (образная), комната (кабинетъ) и спальня.

Надстройка надъ вторымъ этажемъ, то есть надъ горницею, называлась чердакомъ, который состоялъ или изъ одной жилой комнаты, или изъ нѣсколькихъ, обыкновенно очень свѣтлыхъ *), убиравшихся наряднѣе всѣхъ другихъ комнатъ въ домѣ. Читателямъ вѣрно не разъ случалось слышать въ нашихъ пѣсняхъ о дѣвицѣ, которая сидитъ въ «высокомъ теремѣ»—эти терема и были чердаки, а если въ домѣ было только два этажа, то теремомъ называли и второй этажъ. По большой части третьи этажи были меньше вторыхъ, но покои въ нихъ дѣлались просторнѣе: если во второмъ этажѣ было три покоя, то въ третьемъ два. Иногда чердакъ строился надъ всѣмъ вторымъ этажемъ; иногда же надъ двумя, тремя и даже четырьмя строеніями, соединенными связями; тогда комнаты въ немъ были очень просторны. Надстройка надъ сѣнями называлась вышкою. Наружныя стѣны домовъ украшались узорами, изображеніями птицъ, звѣрей, единороговъ. На каменныхъ строеніяхъ украшенія дѣлались изъ камня и кирпича, а деревянныя украшались рѣзьбою. Особенно пестро и тщательно старались украшать чердаки, наводя красками

---

*) *Свѣтлицами* назывались свѣтлыя комнаты на чердакахъ, гдѣ окна бывали съ трехъ сторонъ, а если чердакъ былъ холодный, то съ четырехъ.

и золотомъ рѣзныя фигуры, чтобъ они издали бросались въ глаза.

Окна въ домахъ дѣлались въ перемежку—большія, называвшіяся красными или «косящатыми,» и маленькія — продолговатыя и узкія. Послѣднихъ въ одномъ и томъ же этажѣ было больше, чѣмъ первыхъ. Стекло было тогда еще дорого, а потому больше употребляли слюду, расписывая ее разными красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Если же употреблялось стекло для оконъ, то ставили всегда цвѣтное. *)

Если мы войдемъ въ домъ, то увидимъ, что потолки въ немъ сдѣланы сводами, если онъ каменный **), а если деревянный, то они плоскіе и (очень часто) обиты тесомъ. Наглухо къ стѣнамъ, обитымъ крашенымъ тесомъ и сверхъ него кожею, придѣлывались лавки съ такою же обивкою, что̀ и на стѣнахъ, сверхъ которой накладывались полавочники, то есть куски матеріи о двухъ полотнищахъ: одно покрывало лавку, а другое спускалось до земли. Кромѣ лавокъ и еще широкихъ скамей съ приголовниками (на

---

*) Первая стеклянная фабрика была заведена при Алекеѣ Михайловичѣ; до этаго же времени стекло вывозилось изъ за границы.

**) Каменныхъ домовъ вообще не любили наши предки, полагая, что въ деревянныхъ жить гораздо здоровѣе. Первый каменный домъ въ Москвѣ былъ построенъ въ 1449 г. митрополитомъ Іоною. Особенный вкусъ къ каменнымъ домамъ распространился уже при Алексѣѣ Михайловичѣ; но и тутъ большею частію комнаты раздѣлялись деревянными перегородками.

нихъ отдыхали послѣ обѣда), были еще стольцы въ родѣ табуретовъ, для сидѣнья одному человѣку, стулья, и у самыхъ богатыхъ людей да у царя—кресла. На стѣнахъ не было ни зеркалъ, ни картинъ свѣтскаго содержанія—держать у себя эти вещи считалось большимъ грѣхомъ; небольшія зеркальца держали у себя только женщины, а картины если и вѣшали на стѣны, то содержаніе ихъ было всегда религіозное *).

Лучшимъ украшеніемъ дома богатаго человѣка были образа, для которыхъ отводилась особая комната, называвшаяся крестовою. По тогдашнимъ понятіямъ, благодать Божія нисходила только на тѣ иконы, которыя писались русскимъ художникомъ, человѣкомъ грекороссійской вѣры. Кромѣ того, люди, считавшіе себя особенно благочестивыми, но бывшіе совершенными невѣждами въ искусствахъ, считали грѣхомъ держать иконы свѣтлаго письма, какія держимъ теперь мы, и какія находятся у насъ въ лучшихъ церквахъ: ихъ образныя наполнялись иконами византійскаго, темнаго письма, на которыхъ человѣческія лица изображались «темнообразными и очадѣлыми, смуглыми и зловидными,» а члены человѣческіе—скудными и умерщвленными. Прасолы, торговавшіе тогда живописными изо-

---

*) Нужно, впрочемъ, замѣтить, какъ объ исключеніи изъ общаго правила, что палаты царя Ивана Грознаго были украшены изображеніемъ голыхъ женокъ и изображеніемъ языческой богини счастія (фортуны.)

браженіями, нарочно коптили ихъ, чтобъ лучше раскупались они поборниками старины. Такія иконы держатъ и теперь у насъ раскольники.

Важные бояре держали у себя многочисленную дворню, иногда до тысячи человѣкъ, состоявшую изъ «холопей» и «кабальныхъ людей». Холопями назывались вѣчно-крѣпостные, а кабальными тѣ, которые отдавали себя господину въ кабалу за долги или за извѣстную плату и на извѣстный срокъ. Между кабальными были и бѣдные дворяне, иногда насильно удерживаемые у себя боярами. Вся прислуга раздѣлялась на три статьи, какъ у царя раздѣлялись служилые люди, и содержаніе отъ господина получали смотря потому, къ большой, средней или меньшей статьѣ принадлежали. Какъ у царя были приказы, вѣдавшіе разными дѣлами *), такъ у боярина были свои приказы, вѣдавшіе слугъ. Какъ царь жаловалъ съ своего плеча шубы и кафтаны служилымъ людямъ, такъ и бояринъ жаловалъ любимымъ слугамъ кафтаны, какую-нибудь скотину, или подачку съ своего стола. Главными распорядителями боярскаго хозяйства были: ключникъ, дворецкій, строитель—они вѣдали и боярскіе приказы.

Знатные люди имѣли домашнія церкви, своихъ тѣлохранителей, и даже свои тюрьмы, которыя вырывались въ землѣ и имѣли небольшое отверстіе сверху для свѣта.

Жизнь знатнаго человѣка была очень однообразна —

---

*) Приказы были тоже, что теперь министерства. Всѣхъ приказовъ было 42.

«день за день, нынче, какъ вчера.» Вставъ рано утромъ, онъ отправлялся къ заутрени, потомъ къ ранней обѣднѣ. Накушавшись послѣ этаго сбитню съ калачомъ, или взварцу изъ наливокъ съ клюквою и малиною, онъ облачался въ роскошную одежду, надѣвалъ на свою гладкоостриженную голову *) богатую мѣховую шапку, и отправлялся или присутствовать въ приказахъ, или въ царскую думу думать съ царемъ и другими думными людьми объ иноземныхъ и своихъ государственныхъ дѣлахъ. Если онъ былъ человѣкъ умный и знающій въ государственныхъ дѣлахъ, то обыкновенно говорилъ и подавалъ разумные совѣты на вопросъ царя. Если жъ ничего не смыслилъ въ государственныхъ дѣлахъ, что̀ случалось иногда встрѣтить между думными людьми и боярами, засѣдавшими въ думѣ не по выбору, а по степени своей знатности, то напускалъ на себя важность и, уставя бороду, все время молчалъ **).

---

*) Русскіе, по восточному обычаю, очень плотно стриглись, а иногда даже брили себѣ голову. Волосы отращали себѣ только въ знакъ печали, потерявъ родныхъ или попавъ въ царскую немилость. Знатные люди считали приличіемъ и достоинствомъ своего сана кутать какъ можно болѣе голову, и часто въ комнатѣ сидѣли въ своихъ парядныхъ шапкахъ. Возвращаясь домой, они снимали шапку и напяливали ее на болванецъ, росписанный нерѣдко иконописцами и составлявшій украшеніе въ домѣ. Нося короткіе волосы, русскіе носили длинныя бороды и чѣмъ борода была длиннѣе, тѣмъ осанка человѣка считалась почтеннѣе и величественнѣе.

**) «Царь жалуетъ, говоритъ Котошихинъ, многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ и многіе изъ нихъ даже грамотѣ не знаютъ.

Кромѣ обязанности присутствовать въ приказахъ и засѣдать въ царской думѣ, бояре, окольничіе и думные люди должны были ежедневно пріѣзжать къ царю бить челомъ утромъ и въ вечерню. Старые бояре, которые не въ состояніи были сидѣть верхомъ на лошади, пріѣзжали въ каретахъ—остальные верхами. На царскій дворъ никто не смѣлъ въѣзжать подъ опасеніемъ строгаго взысканія: если бъ бояринъ проѣхалъ по двору, то за это насидѣлся бы въ тюрьмѣ, и потерялъ бы свой чинъ; если же боярскій человѣкъ провелъ бы лошадь по царскому двору, то былъ бы наказанъ кнутомъ. Гости въ отношеніи къ знатному хозяину соблюдали ту же церемонію, то есть не въѣзжали на дворъ, а оставляли своихъ лошадей у двора.... Такимъ образомъ, не доѣзжая двора бояре отдавали лошадей своимъ людямъ и «знакомцамъ», т. е. бѣднымъ дворянамъ, жившимъ у знатныхъ людей въ качествѣ приживальщиковъ, и отправлялись пѣшкомъ во дворецъ. Передъ дворцомъ на площади и на крыльцѣ стояла уже толпа людей менѣе знатныхъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ. Въ толпѣ шли разговоры — иногда очень шумные, кончавшіеся нерѣдко ссорой, дракою и бѣготней по крыльцу другъ за другомъ. Бояре, окольничіе и думные люди вели себя степенно, и, не останавливаясь на крыльцѣ, проходили въ переднюю. Большинство тутъ и оставалось, чинно ожидая появленія царя. Самые же ближніе къ царю бояре проходили въ комнату, т. е. въ кабинетъ къ царю. Наконецъ царь выходилъ изъ комнаты, и всѣ, увидавъ его, кланялись въ землю. Царь выходилъ обыкно-

венно въ тафьѣ или шапкѣ и на боярскій поклонъ не снималъ ее. Иногда онъ тутъ по долгу говоритъ съ боярами: всѣ стоятъ, а кто устанетъ, уйдетъ посидѣть на крыльцо, и потомъ снова придетъ. Тутъ же иные бояре отпрашиваются въ деревню, иные на свадьбу, на крестины и проч., а именинники подносятъ государю калачи, и потомъ идутъ съ калачами къ царицѣ, царевичамъ и царевнамъ. Бояре непремѣнно должны были отпрашиваться у царя всюду; если же кто не отпросившись утромъ, вечеромъ не пріѣзжалъ къ царю, на того царь гнѣвался, а то и въ тюрьму сажалъ. Послѣ пріема бояръ, царь шелъ со всѣми съѣхавшимися сановниками къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни, въ передней, а иногда и въ самой комнатѣ, начиналось *сидѣнье съ боляры*, т. е. засѣданіе царской палаты или думы. Здѣсь царь давалъ судъ и расправу; слушалъ судныя дѣла и челобитныя.

Въ одиннадцать часовъ кончались служебныя занятія. Знатный человѣкъ садился обѣдать. Обѣдъ продолжался долго, что можно судить потому, что подавалось отъ 50 до 100 блюдъ, если обѣдъ былъ званый. Женщины тогда только обѣдали вмѣстѣ съ мущинами, когда посторонних людей никого не было, кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ. Это, однакоже, случалось очень рѣдко, потому что вообще всѣ русскіе и въ особенности знатные хвастались своимъ гостепріимствомъ, и если любили сытно покушать и вдоволь попить, то любили и угостить.

Передъ обѣдомъ хозяинъ приказывалъ свой хозяйкѣ ударить челомъ гостямъ.

Кстати, скажемъ нѣсколько словъ о тогдашнемъ положеніи женщины. Женщины держались тогда взаперти въ своихъ теремахъ у всѣхъ зажиточныхъ людей Московскаго государства. Чѣмъ знатнѣе былъ домовладыка, тѣмъ строже стереглась она. Царевны, по словамъ Котошихина *), жили какъ пустынницы, мало людей видѣли, а люди ихъ; пребывали постоянно въ молитвѣ и постѣ, и лица свои слезами умывали, потому что, имѣя удовольствіе царственное, не имѣли удовольствія быть женами, и въ этомъ случаѣ завидовали можетъ быть послѣдней крестьянкѣ. Царицы тоже почти никому не показывались. Увидать ее кому-нибудь изъ мужчинъ, кромѣ ближайшихъ ея родственниковъ, было совершенно невозможно. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, нечаянно встрѣтили разъ царицу во внутреннихъ переходахъ дворца нѣсколько дворянъ—ихъ тотчасъ арестовали и строго допросили, съ какимъ умысломъ произошла встрѣча. Когда царица выходила на богомолье въ кремлевскіе соборы и монастыри, то по всѣмъ воротамъ Кремля въ это время ставились на стражѣ стрѣльцы; ворота запирались и никто не смѣлъ войти въ Кремль; даже жители Кремля не смѣли явиться на улицахъ во все то время, когда совершалось богомолье царицы. Въ выѣздахъ экипажъ царицы всегда былъ совершенно закрытъ или завѣшенъ со всѣхъ сторонъ какою-нибудь шелковою

---

*) Котошихинъ, дьякъ Посольскаго приказа, бѣжалъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Швецію и написалъ тамъ очень любопытное сочиненіе о Россіи.

тканью. Если царица выходила пѣшкомъ—около нея точно также несли шелковые или суконные занавѣсы, совершенно скрывавшіе ее отъ народа. Русскіе цари не выдавали своихъ дочерей за князей и бояръ русскихъ, которые назывались холопами государевыми;—выдать дочь за холопа считали они большимъ оскорбленіемъ, а за иностранныхъ принцевъ не выдавали потому, что тѣ были не православной вѣры.

Много разсказываютъ нехорошаго о такомъ образѣ жизни русскихъ женщинъ. Затворничество повело къ обманамъ, къ хитрости со стороны женщинъ и ихъ прислужницъ. Дочери обманывали своихъ родителей, жены мужей своихъ. Отъ обмана и лжи можетъ быть только дурное. Привыкнувъ обманывать въ молодости, станешь лгать и обманывать въ старости. Такъ и было. Котошихинъ разсказываетъ объ этомъ вотъ что: замужествомъ дочери родители располагали по своему произволу, никогда не спрашивая ее, за кого она желаетъ идти замужъ. Да и женихъ рѣдко могъ видѣть свою нареченную до свадьбы. Жениховы и невѣстины родители улаживали дѣло между собою. Если дочери были увѣчны или стары, то иногда родители обманомъ старались выдать ихъ замужъ, или насильно постригали въ монахини. Обманомъ выдавали дочерей такимъ образомъ. Если у отца съ матерью бывало двѣ и три дочери, изъ которыхъ старшая была некрасива или увѣчна, то показывали свахѣ или женіховой матери, не увѣчную, а ту, которая была покрасивѣе, а подъ вѣнецъ вели увѣчную. Если не было дочери красивой, то выводили на смотрины служанку. Мужъ видѣлъ въ первый разъ лицо

своей жены только послѣ вѣнца, а потому обмануть было не трудно. Если дочь была малорослая, то при смотринахъ ее ставили на стулъ. Ото всего этого происходили несчастія въ семейной жизни: мужъ начиналъ бить свою жену, преслѣдовалъ ее на каждомъ шагу и побоями сводилъ сводилъ ее въ гробъ или заставлялъ идти въ монастырь. Съ своей стороны, жены, не любившія мужей, не оставляли ихъ въ покоѣ, и не всегда покорялись тому, чего они отъ нихъ требовали. Случалось, что жены отравливали своихъ мужей, хотя законъ строго наказывалъ за это: жена, отравившая мужа, закапывалась въ землю по грудь или по горло и умирала такимъ образомъ мучительною смертью. Иногда жены мстили мужьямъ своимъ страннымъ образомъ. Разсказываютъ, что разъ царь Алексѣй Михайловичъ заболѣлъ какою-то мучительною болѣзнею. Жена одного боярина, который мучилъ и билъ ее, донесла, что мужъ ея умѣетъ лечить ту болѣзнь, что́ была у царя. Боярина тотчасъ призвали и приказали лечить. Бояринъ клялся, что онъ отъ роду никого не лечилъ—его наказали и угрожали казнью, если онъ тотчасъ же не вылечитъ царя. Дѣлать было нечего—бояринъ назвалъ нѣсколько травъ, какія случайно вспомнилъ на ту пору, и приготовивъ изъ нихъ ванну, посадилъ въ нее царя. Случилось такъ, что царю полегчило, и боярина снова наказали за то, что, умѣя лечить, онъ отговаривался незнаніемъ. А жена боярина радовалась, что такъ хорошо удалось отмстить мужу. Французскій актеръ и писатель

Мольеръ, услыхавъ объ этомъ, написалъ пресмѣшную комедію «Докторъ по неволѣ» (Le Medicin malgré lui).

Тогдашніе нравы вообще были грубы; русскій человѣкъ въ любви къ женщинѣ ничего не видѣлъ, кромѣ порочнаго и пагубнаго, въ красотѣ ея ничего, кромѣ соблазна. Тогдашніе книжники своими писаніями поддерживали грубый и безчеловѣчный взглядъ на женщину. Чѣмъ женщина была прекраснѣе, тѣмъ сильнѣе подозрѣвали ее въ разныхъ порокахъ.

Возвращаемся къ прерванному разсказу. По приказу мужа, жена приходила и становилась въ большомъ мѣстѣ *), а гости отходили къ дверямъ. Разстановившись такимъ образомъ, начинались взаимные поклоны: хозяйка кланялась въ поясъ гостямъ, а гости ей кланялись въ землю. Потомъ хозяинъ дома бьетъ челомъ гостямъ и кланяется до земли, чтобъ гости жену его изволили цаловать, и напередъ, по просьбѣ гостей, самъ цалуетъ свою жену; потомъ гости другъ за другомъ кланяются хозяйкѣ въ землю и цалуютъ, а поцѣловавшись кланяются снова другъ другу — гость женѣ въ землю, а жена гостю въ поясъ. Послѣ такой утомительной церемоніи, хозяйка начинала подносить гостямъ по доброй чаркѣ вина, а хозяинъ въ это время каждому гостю, сколько бы ихъ ни было въ палатѣ, кланяется и проситъ выпить винца отъ жены своей. Гости разумѣется говорятъ, что прежде слѣдуетъ вы-

---

*) Уголъ, гдѣ находится божница. Онъ назывался *краснымъ покутомъ*.

пить самой хозяюшкѣ, и хозяюшка, по приказанію мужа своего, выпивала чарку вина и потомъ уже пили гости, отвѣсивъ по земному поклону передъ питьемъ чарки и послѣ выпивки. Хозяйка отправлялась затѣмъ на свою половину, къ своимъ гостямъ женскаго пола. Женщины снова появлялись на мужской половинѣ передъ тѣмъ, какъ подавались круглые пироги. Тутъ приходила ужъ не хозяйка, а сыновнія жены, или замужнія дочери хозяина, или же родственницы хозяйки. Гости тотчасъ же вставали изъ-за стола и шли къ дверямъ и кланялись оттуда женщинамъ. Начиналась прежняя церемонія—гости цаловали женщинъ, пили отъ нихъ вино, кланялись и проч.; потомъ гости снова садились за столъ, а женщины уходили на свою половину и пировали и пили тамъ, какъ и мущины.

Выпить всѣ любили и пили очень часто до безобразія, такъ что и языкъ не ворочался. Пьянство было господствующимъ порокомъ на Руси, и иностранцы удивлялись, какъ могли Русскіе выпивать такое огромное количество вина. Одинаково пили и знатные люди, и простолюдины: гости упивались и на боярскихъ пирахъ, и на царскихъ. Посылая пословъ въ иноземныя государства, государь давалъ имъ обыкновенно наказъ: если иноземный король пригласитъ ихъ къ своему столу, то чтобъ они не упивались, дурныхъ словъ между собою не говорили и сидѣли бы чинно. До чего развито было пьянство, показываетъ слѣдующій случай. Датскій принцъ Вольдемаръ присватался за сестру Алексѣя Михайловича, Ирину Михайловну. По этому поводу наши бояре говорили королевичу:

«можетъ быть, ты думаешь, что царевна Ирина не хороша лицомъ, такъ будь покоенъ — останешься доволенъ ея красотою; также не думай, что царевна Ирина, *подобно другимъ женщинамъ московскимъ*, *любитъ напиваться допьяна*; она дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна.» Пиры и братчины велись изъ старины, какъ освященный временемъ обычай, признававшійся и свѣтскою, и духовною властію, и книжники понапрасну тратили свое остроуміе, вооружаясь противъ пьянства. Грамотные списывали сочиненія противъ пьянства, читали ихъ и зачитывали, а пьянство все-таки не выводилось. Въ этихъ сочиненіяхъ говорилось даже, какое количество чашъ могло споить человѣка: обыкновенно первая чаша пьется во здравіе, вторая въ веселіе, третья—въ отраду, а ужъ четвертая во пьянство; чаша была, безъ сомнѣнія, не маленькая, не то, что нынѣшнія рюмки. *)

---

*) Приводимъ для любопытныхъ стихотворныя изреченія, въ которыхъ объясняется, какая чарка спаиваетъ человѣка и какое дѣйствіе производитъ каждая чарка на пьющаго:

Первую пить—здраву быть,
Вторую пить—умъ свой возвеселить,
Третью утроить—умъ свой устроить,
Четвертую пить—неискусну быть,
Пяту пить—пьяну быть,
Пить чарка шестая—мысль будетъ иная,
Къ седьмой себя приплести—рукъ своихъ не отвести,

Накушавшись, знатный человѣкъ, какъ и всѣ Русскіе, отправлялся отдыхать часочка на два, на три. Послѣ обѣда всѣ отдыхали, такъ что Москва въ это время словно вымирала. Послѣ отдыха—вечерня, поѣздка къ царю, который иногда «жаловалъ своихъ бояръ своею государскою милостью,

---

Приближаться къ осьмой—умъ будетъ не свой,
За девятую приняться—и съ мѣста не подняться...

А вотъ какъ говорили книжники о послѣдствіяхъ пьянства для разныхъ сословій:

Аще содружится со мной (то есть съ хмѣлемъ) властелинъ,
И онъ будетъ, аки глупый поселянинъ.

Аще содружится со мною власть,
Тогда постигнетъ ее вскорѣ великая напасть.

Аще содружится со мною игуменъ,
Ходить начнетъ съ сумою межъ гуменъ.

Аще содружится со мною черница,
И она будетъ непостоянная въ монастырѣ жилица.

Аще содружится со мною какова чина мужъ,
И я ему сотворю всякихъ злыхъ нуждъ.

Аще содружится со мною жена,
И она будетъ мужу строптивая жена.

Аще со мною поселянинъ содружится,
То все село его пусто сотворится.

И станетъ расти вмѣсто пшеницы крапива,
И онъ безпрестани станетъ желати вина пити.

И тогда, яко гнусная свинія, будетъ скитатися
Въ скаредной грязи валятися, и проч.

*

напаивалъ ихъ пьяными.» Если жъ вечеромъ знатный человѣкъ не оставался долго у царя, то или отправлялся къ кому нибудь изъ своихъ знакомыхъ, или оставался дома, забавляясь своими шутами, которые коверкались передъ нимъ, царапались до крови и дрались: бояринъ тѣшился такой дракой, нисколько конечно не заботясь о томъ, что иной избитый шутъ, ради его боярской потѣхи, проохаетъ цѣлую ночь. Въ иной день онъ жаловалъ своимъ посѣщеніемъ жену и дѣтей своихъ, которыхъ видалъ очень рѣдко. Наконецъ онъ ложился спать, а сказочникъ садился возлѣ него и начиналъ однообразнымъ, протяжнымъ голосомъ: «въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, за тридевять было земель, въ тридесятомъ царствѣ.»... Бояринъ слушалъ и не слушалъ и смыкалъ наконецъ свои очи, а сказочникъ тихонько, на цыпочкахъ выходилъ изъ спальни, и передавалъ таинственно слугамъ, что «государь-бояринъ започивать изволилъ.»

Такъ церемонна и неподвижна была жизнь боярина. Не совсѣмъ такъ жилъ Артамонъ Сергѣевичъ, въ своемъ скромномъ домикѣ въ приходѣ Николы на Столпахъ. Онъ не давалъ пировъ, не любилъ бражничанья, не окружалъ себя шутами и сказочниками и не запиралъ жену въ теремѣ. Отличаясь радушіемъ и привѣтливостью къ людямъ всякаго званія, онъ пріобрѣталъ любовь всѣхъ тѣхъ, которые прибѣгали подъ его защиту, или просто сходились съ нимъ. Съ царедворцами, съ сильными при дворѣ, онъ велъ себя ловко и хитро, не надоѣдая и не раздражая ихъ, и хотя въ душѣ можетъ быть и возмущался ихъ граби-

тельствомъ, но пока молчалъ, зная очень хорошо, что его, незнатнаго человѣка, очень легко могли затереть сильные люди. А между тѣмъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ любовь царя Алексѣя Михайловича, который обращался съ нимъ запросто и совѣтовался съ нимъ о всѣхъ дѣлахъ. Они не могли не сойтись другъ съ другомъ: оба умные, оба добрые, оба начитанные, оба благоволившіе къ иностранцамъ, они сблизились другъ съ другомъ незамѣтно. Какъ царь, такъ и Матвѣевъ искали развлеченія не въ пирахъ, а въ книгахъ и разумной бесѣдѣ. Матвѣевъ постоянно бесѣдовалъ съ иностранцами, которые пріѣзжали въ Россію или поселились въ Москвѣ. Отъ нихъ онъ узналъ о житьѣ-бытьѣ заморскомъ, въ которомъ было много такого, что́ не мѣшало перенять и Русскимъ. Эти бесѣды свои онъ вѣроятно передавалъ царю, дѣлалъ умныя замѣчанія, подавалъ полезные совѣты. Люди сильные поздно увидѣли, какъ незнатный Матвѣевъ сдѣлался царскимъ другомъ. Они и желали бы какъ нибудь придраться къ нему, наговорить на него, оклеветать его, но государь уже не могъ обойтись безъ своего любимца и конечно ни за что бъ не рѣшился разстаться съ нимъ, вслѣдствіе одного наговора. Проступковъ же за Матвѣевымъ никто не могъ найдти. Когда Матвѣевъ отлучался изъ Москвы, царь скучалъ по немъ, писалъ къ нему дружелюбныя письма, въ которыхъ называлъ его: «другъ мой Сергѣичъ!» Разъ, когда Матвѣевъ находился по дѣламъ подъ Смоленскомъ, царь писалъ ему: «Пріѣзжай къ намъ поскорѣй,

дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли! за ними присмотрѣть не кому, а мнѣ посовѣтоваться безъ тебя не съ кѣмъ.»

Живя тихо и скромно, онъ мало того, что читалъ книги, но и самъ написалъ три сочиненія, въ которыхъ разсказалъ по лѣтописямъ нѣкоторыя событія изъ русской исторіи. Одну изъ этихъ книгъ онъ поднесъ сыну царя—Θеодору.

III.

Значеніе Матвѣева въ дѣлахъ государственныхъ дѣлалось все замѣтнѣе. Алексѣй Михайловичъ привязался къ нему еще болѣе, когда потерялъ первую свою супругу, Марью Ильинишну, изъ роду Милославскихъ, и когда разстался навсегда съ другомъ своимъ патріархомъ Никономъ. Царскій дворецъ сталъ скученъ, и Алексѣй Михайловичъ только и отводилъ душу съ Матвѣевымъ: часто призывалъ его къ себѣ во дворецъ и самъ къ нему ѣздилъ. Тутъ въ откровенныхъ бесѣдахъ они болѣе чѣмъ когда-нибудь узнали и оцѣнили другъ друга. Чрезвычайно набожный, съ нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ царь Алексѣй Михайловичъ отличался особеннымъ милосердіемъ.

— Мы всѣмъ безпомощнымъ и бѣднымъ по Богѣ помощники, говорилъ царь. На то насъ Богъ уставилъ, чтобъ безпомощнымъ помогать.

Матвѣевъ не разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ нищую братію кормили въ собственныхъ покояхъ царя и какъ царь изъ своихъ рукъ одѣлялъ всѣхъ деньгами. Не разъ также, вмѣстѣ съ Матвѣевымъ, царь въ большіе праздники обходилъ ночью всѣ московскія тюрьмы, освобождалъ заключенныхъ и раздавалъ имъ щедрую милостыню. Правда, раздача милостыни многими производилась изъ господствовавшаго обычая, что все добро, на которое призванъ человѣкъ на землѣ, заключается единственно въ раздачѣ милостыни, но доброе сердце царя выражалось не въ одномъ этомъ. Разъ грузинскій князь, выгнанный изъ своего отечества и жившій въ Москвѣ, приказалъ обрѣзать носъ и уши своимъ людямъ за нѣкоторые непристойные поступки. Когда дошло это до свѣдѣнія царя, онъ велѣлъ сказать князю, что «если онъ и въ другой разъ намѣренъ поступить также, то можетъ отправиться въ свою Грузію или куда угодно, а въ Москвѣ подобныхъ жестокостей не терпятъ.» Въ другой разъ одинъ иностранецъ предложилъ царю назначить смертную казнь всякому, кто убѣжитъ съ поля сраженія.

— Это было бы безчеловѣчно, отвѣчалъ царь: Богъ не всѣмъ даровалъ одинаковую храбрость...

Неразумную храбрость царь считалъ безпутною дерзостью и разъ даже радовался, когда Русскіе побѣжали отъ Шведовъ, радовался потому, что *люди цѣлы*. Такое человѣколюбіе, рѣдкое у полководцевъ и государей даже нашего просвѣщеннаго времени, въ XVII вѣкѣ, при тогдашней грубости нравовъ, было поистинѣ удивительно.

Но царь подчинялся и господствующимъ понятіямъ, и тогда добрый нравъ его омрачался. «Еслибъ, говоритъ про него одинъ иностранецъ, не окружало царя густое облако доносчиковъ и бояръ, которые направляютъ ко злу его добрыя намѣренія, то его, безъ сомнѣнія, можно было бы поставить на ряду съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями.» Выдѣляясь изъ толпы корыстолюбивыхъ вельможъ, Матвѣевъ часто дѣйствовалъ благотворно на сердце царя, но въ иныхъ случаяхъ и самъ Матвѣевъ раздѣлялъ заблужденія всѣхъ. Онъ былъ вѣрнымъ слугою государству, онъ сознавалъ, что государству нужно служить честно, но мы не видимъ, чтобъ Матвѣевъ направлялъ особенныя заботы къ благоденствію народа, чтобъ онъ направилъ правительство къ болѣе человѣколюбивымъ цѣлямъ, совѣтовалъ бы царю облегчить подданныхъ отъ налоговъ, и умѣрить великолѣпіе, поглощавшее огромныя суммы. Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича начались гоненія на раскольниковъ — ими наполнились тюрьмы, ихъ казнили и сжигали — благотворное вліяніе Матвѣева и тутъ незамѣтно. Да онъ и самъ вѣроятно раздѣлялъ мнѣнія царя и духовенства, что супротивниковъ православной вѣры слѣдуетъ искоренить мечемъ, а не милосердіемъ и снисхожденіемъ. Какъ бы то ни было Матвѣева однакожь любили; любилъ его народъ за то, что онъ былъ почти единственнымъ человѣкомъ, прислушивавшимся иногда къ его нуждамъ, помогавшимъ ему, ласково и привѣтливо обращавшимся съ нимъ, и часто бывавшимъ заступникомъ его отъ грабительства вельможъ и гнѣва царя.

Мы сказали, что царь сталъ учащать свои бесѣды съ Матвѣевымъ.

Разъ царь пріѣхалъ къ нему, когда столъ былъ накрытъ для ужина, и сказалъ, что желаетъ отужинать вмѣстѣ съ его семьею. Мы сказали уже, что Матвѣевъ не пряталъ отъ постороннихъ своей жены, которая и вошла вмѣстѣ съ малолѣтнымъ сыномъ и красивою, молоденькою дѣвушкою.

— Я думалъ, что у тебя только и дѣтей, что сынъ, сказалъ Алексѣй Михайловичъ, и вовсе не зналъ о дочери.

— Это не дочь мнѣ, отвѣчалъ Матвѣевъ, а пріемышъ. Жена взяла ее на свои руки: если будетъ воля Господня, выдадимъ ее замужъ.

— Что жь, дѣло доброе, замѣтилъ царь, засматриваясь на дѣвушку.

Послѣ ужина царь остался наединѣ съ Матвѣевымъ и снова завелъ рѣчь о хорошенькой дѣвушкѣ, хвалилъ ея красоту и скромность. Тутъ Матвѣевъ сказалъ царю, что зовутъ ее Натальей, что она очень бѣдная дѣвушка изъ дворянскаго роду Нарышкиныхъ — дочь Кирилы Полуевктовича.

Разставаясь съ Артамономъ Сергѣевичемъ, царь сказалъ, что поищетъ женишка для Натальи Кириловны *).

---

*) О Натальѣ Кириловнѣ сохранилось слѣдующее устное преданіе: въ 25 верстахъ отъ города Михайлова (Рязанской губерніи) стоитъ имѣніе Киркино; жители большею частью дворяне.

Прошло нѣсколько дней послѣ этого разговора. Царь снова навѣдался къ Матвѣеву, и поговоря кое-о-чемъ, сказалъ:

— А вѣдь я нашелъ жениха твоему пріемышу — Натальѣ-то Кириловнѣ. Женихъ богатый, усердный къ церкви и человѣкъ добрый.

— Кто же это, государь? спросилъ Матвѣевъ.

— Я самъ, отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ.

Матвѣевъ и тутъ не измѣнилъ своей всегдашней осторожности. Подумавъ немного, онъ сказалъ, что такого счастья и во снѣ не снилось не только Нарышкиной, но и ему самому.

— Но, государь, прибавилъ онъ, у меня есть завистники, которые не вѣсть что скажутъ. Навязалъ, молъ, царю Богъ знаетъ кого. Да и отъ обычая нечего отступать: сдѣлай хоть для виду такъ, какъ дѣлывали предки твои, и какъ ты самъ дѣлалъ при первой женитьбѣ.

Сбираясь жениться, русскіе цари приказывали собрать боярскихъ и дворянскихъ дѣвицъ въ Москву на смотръ. Когда великій князь Василій Ивановичъ сбирался женить-

---

Тамъ говорятъ, что царица Наталія родилась въ Киркинѣ, и что Матвѣевъ, проѣзжая случайно это селеніе, увидѣлъ плачущую дѣвушку и спросилъ о причинѣ ея слезъ. Дѣвушка отвѣчала, что плачетъ она отъ того, что дѣвка ея самовольно удавилась. Матвѣевъ взялъ къ себѣ дѣвушку на воспитаніе. Говорятъ, что въ Киркинѣ до сихъ поръ толкуютъ; «еслибъ не удавилась дѣвка въ Киркинѣ, не быть бы на свѣтѣ Петру.»

ся, то на смотръ къ нему собрали тысячу пятьсотъ дѣвицъ. Иванъ Васильевичъ Грозный приказывалъ князьямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ отовсюду свозить своихъ *дѣвокъ*, т. е. дочерей. Въ Новгородской области изъ всѣхъ пятинъ должны были помѣщики свозить ихъ въ Новгородъ къ намѣстнику, а намѣстникъ долженъ былъ доставлять ихъ къ царю, по требованію. Это была обязанность всѣхъ отцовъ, и кто оказывался виновнымъ въ непослушаніи и медленности, тотъ подвергался опалѣ и казни. Царь осматривалъ собравшихся дѣвушекъ и выбиралъ себѣ по вкусу. Избранную царскую невѣсту брали во дворецъ, облекали въ драгоцѣнныя одежды, нарекали царевною, и она жила въ верху, т. е. въ женской половинѣ, въ совершенномъ отчужденіи отъ царя до самаго брака. Выборъ царской невѣсты подавалъ поводъ къ разнымъ проискамъ и хитростямъ со стороны придворныхъ, такъ какъ вмѣстѣ съ невѣстой приближался къ престолу весь родъ ея. Первая невѣста царя Алексѣя, выбранная имъ изъ 200 дѣвицъ, дочь дворянина Всеволожскаго, узнавъ о своемъ счастіи, упала въ обморокъ отъ сильнаго волненія. Ее тотчасъ обвинили въ падучей болѣзни и сослали въ Сибирь вмѣстѣ съ родными. По другимъ извѣстіямъ, ее *испортили*, и крестьянинъ Мишка Ивановъ былъ сосланъ въ Кириловъ монастырь подъ крѣпкое начало за *чародѣйство*, за косный разводъ и наговоръ.

Царь послушался Матвѣева. Въ домъ Артамона Сергѣевича были собраны 60 дѣвицъ, и Алексѣй Михайловичъ смотрѣлъ на нихъ въ окошко, изъ другой комнаты. Ца-

ревною наречена была Наталья Кириловна. Какъ только было повѣщено, что царь вступаетъ въ бракъ съ дѣвицею Нарышкиной, враги Матвѣева всполошились и хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ погубить его. Въ сѣни, передъ Грановитою палатой, было подброшено безъименное письмо, въ которомъ говорилось, что Матвѣевъ чародѣй, что онъ знаетъ тайную силу травъ. Обвиненіе было чрезвычано важное по понятіямъ того времени, когда въ самомъ дѣлѣ думали, что можно знаться съ нечистою силою и быть чародѣемъ, колдуномъ, что можно было *портить* людей, вынимая ихъ слѣдъ, или черезъ подметъ разныхъ вещей, къ которымъ случайно могъ прикоснуться тотъ, на кого обращалось злое намѣреніе. Были въ самомъ дѣлѣ люди, которые считали себя колдунами и знахарями и пользовались для своихъ выгодъ легковѣріемъ и суевѣріемъ, которыми были заражены тогда всѣ *). Обвиненіе въ чародѣйствѣ непремѣнно влекло за собою самое строгое изслѣдованіе, даже съ пытками, которое всегда оканчивалось ссылкою виновныхъ въ отдаленные города. Стало быть враги Матвѣева избрали вѣрное средство для его погибели, и когда царь получилъ подметное письмо,

---

*) Въ 1598 году, Русскіе присягали Борису Годунову, своему царю, въ томъ между прочимъ, что «въ ѣствѣ и питьѣ, и въ платьѣ или въ иномъ чемъ лиха напасти не учиняти: людей своихъ съ вѣдовствомъ, да и со всякимъ лихимъ кореньемъ не посылати, и вѣдуновъ и вѣдуней не добывати, ни слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати».

то многіе были увѣрены, что тотчасъ начнется розыскъ *), или по крайней мѣрѣ царь лишитъ своей милости любимца. Примѣры были еще у многихъ въ памяти: при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ боярина Илью Даниловича Милославскаго подметнымъ письмомъ обвинили въ томъ, что будто онъ имѣетъ у себя волшебный перстень, доставшійся ему отъ думнаго дьяка Ивана Грамотина. По этому письму, Милославскаго долго держали за приставомъ (подъ арестомъ), пересматривали и запечатали его имѣніе, но ничего не нашли, и бояринъ избавился отъ погибели только заступничествомъ своихъ доброжелателей. Не такъ былъ счастливъ бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, обвиненный подметнымъ же письмомъ въ волшебствѣ; Алексѣй Михайловичъ лишилъ его боярской чести, отобралъ имѣніе и сослалъ въ Вологду.

На этотъ разъ впрочемъ дѣло обошлось благополучно для Матвѣева: царь не повѣрилъ доносу и пожаловалъ своего любимца въ думные дворяне.

22-го января 1671 года происходила царская свадьба, съ соблюденіемъ почти тѣхъ же самыхъ обрядовъ, какіе и до сихъ поръ живутъ еще у нашего народа. На Наталью Кириловну надѣли такое дорогое и тяжелое отъ драгоцѣнныхъ камней платье, что она едва держалась на ногахъ. Нарышкины тотчасъ же были приближены къ царю:

---

*) *Розыскомъ* назывались пытки, которымъ подвергали обвиненныхъ въ какомъ-нибудь преступленіи или проступкѣ. Производились они въ *застынкахъ*—такъ назывались казематы съ толстыми стѣнами, чтобъ вопли терзаемыхъ не были слышны извнѣ. О самыхъ пыткахъ мы скажемъ послѣ.

Кирила Полуектовичъ получилъ боярскій санъ и богатыя волости. Братья царицы были взяты ко двору. Во время брачной церемоніи Матвѣевъ находился у сѣнника *). Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, Алексѣй Михайловичъ велѣлъ Матвѣеву вѣдать государственный посольскій приказъ.

IV.

Въ посольскомъ приказѣ вѣдались всѣ сношенія Московскаго государства съ иноземными державами. Къ на-

---

*) Брачною компатою, гдѣ опочивали молодые, избирался обыкновенно сѣнникъ, часто нетопленный. Необходимо было, чтобъ на потолкѣ не было земли, чтобъ, такимъ образомъ, брачная спальня не имѣла никакого подобія съ могилою. Сѣнникъ обивался по стѣнамъ и устилался по помосту коврами; по четыремъ угламъ его втыкалось по стрѣлѣ, а на стрѣлы вѣшали соболей,— на оконечности стрѣлъ втыкалось по калачу. Постель для новобрачныхъ приготовляли на кроватп или широкой скамьѣ такимъ образомъ: сперва настилали снопы, число которыхъ на царскихъ свадьбахъ было обыкновенно сорокъ; на снопы клали коверъ, а на коверъ перины: на свадьбѣ Михаила Ѳеодоровича положено было семь перинъ, одна на другую. Вокругъ постели устроивались тафтяныя занавѣсы. Возлѣ самой постели ставили кади или открытыя бочки съ пшеницею, рожью, овсомъ и ячменемъ. Это означало обилiе, котораго желали новобрачнымъ въ ихъ новомъ домоводствѣ. Когда молодые ложились спать, около сѣнника ходилъ или ѣздилъ такъ-называемый ясельничій съ обнаженнымъ мечемъ для предохраненія отъ всякаго лиходѣйства. Эту-то обязанность и исправлялъ Матвѣевъ на царской свадьбѣ.

чальнику приказа должны были являться по своимъ дѣламъ всѣ иноземцы, жившіе въ Москвѣ, которымъ чинилась расправа съ русскими людьми, и посланники разныхъ государей—цесаря римскаго, польскаго короля, свейскаго (шведскаго) короля и др. Русскіе послы къ иноземнымъ дворамъ отпускались изъ этого же приказа. Для перевода иностранныхъ грамотъ на русскій языкъ, въ приказѣ служили переводчики, которыхъ было до 70 человѣкъ. Донскіе казаки, крещеные и некрещеные Татары вѣдались тутъ же. Приказъ располагалъ большими суммами, и человѣку нечестному, любящему взятки, тутъ было бы раздолье. Приказъ получалъ на содержаніе и жалованье своимъ служащимъ болѣе трехъ тысячъ рублей съ пяти городовъ, которые и вѣдались тутъ. Кромѣ того, со всего Московскаго государства поступалъ сюда сборъ на выкупъ плѣнныхъ, бывшихъ въ Крыму и въ Турецкой землѣ. Сборъ этотъ простирался до полутораста тысячъ рублей, изъ которыхъ ежегодно тратилось до 20,000 на поминки (подарки) крымскому хану, чтобы онъ не ходилъ войною на украинскіе города и не раззорялъ ихъ. Въ посольскомъ же приказѣ хранились большая государственная печать, которою печатали грамоты, посылавшіяся въ окрестныя государства, и другая печать, которую прикладывали къ жалованнымъ грамотамъ на вотчины людямъ всякихъ чиновъ.

На Матвѣевѣ стало быть лежала многосложная обязанвость, и онъ дѣлался однимъ изъ первыхъ сановниковъ государства. Но у Матвѣева не закружилась голова, — онъ попрежнему былъ для всѣхъ доступенъ и ко всѣмъ при-

вѣтливъ, попрежнему готовъ былъ услужить всякому, чѣмъ только могъ, и попрежнему скромно жилъ. Эта скромность не нравилась царю, любившему блескъ и великолѣпіе, окружившему свой дворъ необыкновенною пышностью. Попрежнему заѣзжая къ другу своему Сергѣичу, царь нѣсколько разъ говорилъ, что пора начальнику приказа построить себѣ хорошій домъ, что неприлично принимать иностранныхъ министровъ въ такомъ скромномъ домикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, теперь, занимая такую важную должность, Матвѣеву безопасно можно было построить себѣ большія палаты *), но изъ осторожности онъ все медлилъ, отговариваясь то недостаткомъ, то недосугомъ.

— Я самъ прикажу тебѣ построить домъ на свой счетъ, если ты отговариваешься недостаткомъ, сказалъ ему разъ Алексѣй Михайловичъ.

---

*) Человѣку не родовитому и не въ большихъ чинахъ и житьто нельзя было въ то время, какъ хотѣлось. Котошихинъ говоритъ, что людямъ малыхъ чиновъ нельзя было строить себѣ «добрыхъ» домовъ, потому что сейчасъ же доносили царю, что вотъ такой-то приказный построилъ себѣ хорошій домъ — стало быть онъ взяточникъ, казнокрадъ и достоинъ всякаго наказанія. И этого человѣка посылали обыкновенно на такую царскую службу, которой бы онъ не въ состояніи былъ исполнить, или же писали ему нарочно такой наказъ, изъ котораго онъ ничего не могъ выразумѣть. Такая хитрость удавалась: приказный «прослуживался службою», какъ тогда говорили, и у несчастнаго отбирали на царя домъ и имѣніе. Если же строился хорошо торговый человѣкъ или крестьянинъ—то на него накладывали больше податей, чѣмъ на другихъ.

Матвѣевъ благодарилъ государя, и сказалъ, что теперь онъ поисправился и намѣренъ скоро приступить къ постройкѣ дома. Въ самомъ дѣлѣ онъ приказалъ готовить всѣ нужные матеріалы, но случилось такъ, что въ то время не было въ Москвѣ въ привозѣ камня для фундамента. По Москвѣ пошелъ слухъ, что Артамонъ Сергѣевичъ собрался себѣ строить домъ, да вотъ дѣло стало за камнемъ. Тогда стрѣльцы и простой народъ, любившіе Матвѣева за его ласку и благотворительность, пришли къ нему толпою во дворъ. Матвѣевъ вышелъ къ нимъ и спросилъ, чего имъ надо?

— Да вотъ мы слышали, отвѣчали пришедшіе, что ты палаты собрался строить, а камня у тебя нѣтъ — такъ мы пришли поклониться тебѣ камнемъ подъ цѣлый домъ.

— Я, други, подарковъ вашихъ не хочу, отвѣчалъ Матвѣевъ, — потому что вы бѣдны, а я богатъ. А если точно есть у васъ камень — продайте мнѣ.

— Нѣтъ, бояринъ, камень этотъ не продажный; прикажи такъ привесть...

Долго не соглашался Матвѣевъ — наконецъ неотступныя просьбы поколебали его — онъ просилъ привесть камень, рѣшившись въ тоже время щедро отдарить народъ. На утро бояринъ былъ несказанно удивленъ, посмотрѣвъ изъ своихъ оконъ на дворъ, который былъ заваленъ камнемъ, очевидно взятымъ съ могилъ.

— Камни эти мы взяли съ гробовъ отцовъ нашихъ и дѣдовъ, потому-то они и не продажны, а тебѣ мы даримъ ихъ.

Матвѣевъ рѣшительно не хотѣлъ принимать такого подарка, и поѣхалъ увѣдомить объ этомъ случаѣ царя.

— Прими этотъ подарокъ отъ народа, сказалъ ему царь.—Видно очень онъ любитъ тебя, когда въ угодность тебѣ обнажилъ родительскія могилы. Такой подарокъ и я бы охотно принялъ.

На сколько справедливъ этотъ случай, разсказанный сыномъ Матвѣева, мы не знаемъ. Можетъ быть и вовсе этого не было. Но ужь одно то, что *могъ* про человѣка сложиться такой разсказъ—много говоритъ въ его пользу.

Матвѣевъ построилъ себѣ большія палаты и украсилъ ихъ картинами, зеркалами, часами. Иконостасъ въ своей домовой церкви онъ велѣлъ написать лучшимъ итальянскимъ, свѣтлымъ письмомъ. Въ этомъ домѣ не стыдно было принять, какого угодно, иностраннаго посла.

Кстати скажемъ, съ какими церемоніями принимались тогда иностранные послы.

На границѣ пословъ встрѣчаетъ дворянинъ, посланный воеводами изъ порубежнаго города вмѣстѣ съ запасомъ для пословъ ѣства и питья. Въ городѣ ихъ встрѣчаютъ съ честью воеводы, бояре и всякіе служилые люди. Не доѣзжая 20 верстъ до Москвы, дворянинъ останавливается съ послами и отписываетъ о ихъ пріѣздѣ въ Москву, гдѣ начинаютъ готовиться къ пріему ихъ. За Земляным городомъ ихъ встрѣчаетъ стольникъ и дьякъ, которымъ настрого приказывалось говорить рѣчь прежде пословъ, и шапокъ отнюдь не снимать, и съ лошадей не слѣзать прежде, чѣмъ сдѣлаютъ это послы, чтобъ такимъ обра-

зомъ не уронить достоинства русскаго царя. Объявивъ посламъ, что за ними присланы царскія лошади съ сѣдлами и со всѣмъ нарядомъ, дьякъ и стольникъ приглашаютъ пословъ пересѣсть на царскихъ коней. Начинается споръ.— «Когда московскіе послы бываютъ у свейскаго короля *), говорятъ Шведы, то мы ихъ встрѣчаемъ въ каретахъ, а не верхами.» Стольникъ и дьякъ отговариваются, ссылаются на то, что прежде такъ встрѣчались и свейскіе послы, и послы другихъ державъ. Споръ кончается обыкновенно въ пользу настойчивыхъ Русскихъ, и какъ только послы пересаживались на царскихъ лошадей, начинался новый споръ о томъ, кому ѣхать съ правой стороны — послу или стольнику. Споръ этотъ тянется дольше прежняго и кончается тѣмъ, что стольникъ ѣдетъ по правую сторону пословъ, а дьякъ по лѣвую. Въ Москвѣ встрѣчали пословъ служилые царскіе люди, дворовые и торговые люди въ лучшихъ одеждахъ, а по улицамъ до самаго посольскаго двора стояли въ строю стрѣльцы.

Когда царь захочетъ видѣть пословъ, стрѣльцы снова выстраиваются по улицамъ съ ружьями и знаменами, и поѣздъ начинается. Передъ послами идутъ стрѣльцы съ королевскими и посольскими дарами царю. Не доѣзжая царскаго двора, послы слѣзаютъ съ лошадей, снимаютъ свои шпаги и, безоружные, вступаютъ въ царскія палаты. Царь сидитъ въ это время на тронѣ во всемъ царскомъ одѣяніи, поддерживаемый подъ руки сибирскими царевича-

*) Мы разсказываемъ, какъ встрѣчались шведскіе послы.

ми; по лѣвую его руку, немного поодаль, сидятъ бояре въ золотыхъ одеждахъ. Возлѣ царя по обѣ стороны стоятъ четыре рында *), въ бѣломъ камчатномъ платьѣ на горностаяхъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ серебряными топориками на плечахъ и двумя золотыми цѣпями, лежавшими крестообразно на груди. Послы входятъ въ царскую палату, говорятъ рѣчь, спрашиваютъ о царскомъ здоровьи и правятъ поклонъ отъ своего короля. Царскій тесть или иной первый бояринъ снимаетъ корону съ царя, который встаетъ и, стоя, спросивъ пословъ о королевскомъ здоровьи, садится. Послы удовлетворяютъ любознательности царской и подаютъ ему королевскую грамоту. Онъ принимаетъ ее стоя. Потомъ, когда царь снова садится и надѣваетъ корону, послы представляютъ ему королевскіе и свои подарки. Царь принимаетъ ихъ и, допустивъ пословъ къ рукѣ своей, «сказываетъ имъ свое жалованье, столъ съ ѣствою и питьемъ», и отпускаетъ на посольскій дворъ. По царскому приказу, стольникъ отправляется къ посламъ съ ѣствою и питьемъ, и съ строгимъ наказомъ: какъ будетъ онъ у пословъ, то садился бы по правую руку, и пилъ бы чаши напередъ за царское здоровье, а потомъ за королевское. Такой наказъ подавалъ поводъ къ новымъ спорамъ, а иногда и къ брани.

---

*) Красивые молодые люди изъ стольниковъ. Во время торжественныхъ пріемовъ пословъ, рынды удивляли иностранцевъ великолѣпіемъ своего платья (оно выдавалось отъ царя), и продолжительною неподвижностью своей фигуры.

Подобно шведскимъ посламъ принимались и послы римскіе, польскіе, англійскіе, датскіе, турецкіе и персидскіе: «только цесарскимъ посламъ и польскимъ и англинскимъ бываетъ передъ свейскими послами прибавка въ ѣствѣ и питьѣ, да рындъ бываетъ по 6 человѣкъ.»

При встрѣчѣ пословъ въ Москвѣ, улицы, лавки, крыши и окна домовъ нестрѣли народомъ. Зрители сбѣгались изъ всѣхъ концовъ Москвы и изъ окрестныхъ деревень, отчасти изъ любопытства, отчасти по приказанію; всѣ должны были быть въ праздничномъ нарядѣ для того, чтобъ показать иностранцамъ, что Русскіе народъ зажиточный. При въѣздѣ польскаго посольства въ 1678 г., отличавшемся особенной пышностью, между зрителями было много нарумяненныхъ и набѣленныхъ дѣвицъ. Любопытство подстрекало иногда самаго царя тайкомъ взглянуть на пышную встрѣчу пословъ. Такъ, при въѣздѣ англійскаго посла въ Москву 1664 г., царь съ царицей и дѣтьми помѣтился гдѣ-то у воротъ кирпичной стѣны, черезъ которыя должно было проѣхать посольство. Въѣздъ происходилъ ночью и царь велѣлъ ярко освѣтить въ этомъ мѣстѣ улицу.

Безцеремоннѣе всѣхъ принимались крымскіе послы, да и сами они вели себя совершенно безцеремонно въ отношеніи къ Русскимъ и даже къ царю. Татарскіе владѣтели чуть не ежегодно отправляли своихъ пословъ въ Москву не столько по дѣламъ, сколько для того, чтобъ выманить у царя нѣсколько мѣховъ и шелковыхъ одеждъ. Въ Москвѣ хорошо знали, зачѣмъ они пріѣзжали. Царь жаловалъ ихъ

платьемъ, допускалъ къ рукѣ, но руки цѣловать не давалъ басурманамъ, а клалъ свою руку на ихъ головы, и приказывалъ поднести имъ по кубку романеи, да по ковшу меду вишневаго. Послы, вышивъ раманею и медъ, брали кубки себѣ и клали ихъ за пазуху, говоря: «когда де царь пожаловалъ насъ платьемъ и питьемъ, такъ и кубкамъ годится быть у насъ же.» Царь не приказывалъ отнимать кубковъ, потому что спорить съ басурманомъ непригоже, да и кубки не дорого стоили: для такихъ безстыдныхъ пословъ кубки нарочно дѣлались въ англійской землѣ изъ мѣди, посеребрялись и золотились.

Огромныя по тогдашнему суммы правительство тратило на дары, которые посылало съ своими послами къ иноземнымъ государямъ. Мы ужъ говорили о ежегодныхъ поминкахъ крымскому хану въ 20,000 руб.; прибавимъ къ этому, что персидскому шаху посылалось даровъ на пятьдесятъ, на сто и даже на двѣсти тысячъ рублей, другимъ же государямъ меньше.

Очень искусно и умно ведя переговоры съ иноземцами, и завѣдуя посольскимъ приказомъ, Матвѣевъ въ тоже время управлялъ новгородскимъ приказомъ, въ вѣдѣніи котораго находились, кромѣ Новгорода, Псковъ, Архангельскъ, Холмогоры, Нижній, Арзамасъ, Олонецъ, Вятка, Соликамскъ, Вологда, Владиміръ, Коломна и др., и завѣдывалъ первою въ Москвѣ аптекою, которая была учреждена имъ же. Матвѣевъ старался также завести торговыя сношенія съ Китаемъ. Для посольства туда у него былъ человѣкъ знающій, ловкій и ученый, въ совершенствѣ говорившій на

нѣсколькихъ языкахъ. Этотъ человѣкъ былъ Спафарій, валахъ по происхожденію и родственникъ одного изъ валахскихъ господарей. За одинъ доносъ Спафарію обрѣзали уши и носъ и выгнали изъ отечества. Спафарій удалился сперва въ Германію, а потомъ пріѣхалъ искать счастія въ Москвѣ. Матвѣевъ дорожилъ учеными людьми, а потому нѣтъ ничего мудренаго, что онъ вступилъ въ близкія сношенія съ Спафаріемъ, часто приглашалъ его къ себѣ для бесѣды и вмѣстѣ съ нимъ читалъ разныя книги. Его-то Матвѣевъ и отправилъ въ Китай въ 1675 году — это было первое путешествіе Русскихъ въ далекую и малоизвѣстную страну....

Мы не станемъ разсказывать о всѣхъ переговорахъ, которые велъ Матвѣевъ съ иностранными послами,—скажемъ только, что на всѣхъ иноземцевъ онъ производилъ благопріятное впечатлѣніе своимъ умомъ, честностью и образованностью. Вотъ что говоритъ о немъ одинъ иностранецъ: «комната, въ которой принимались послы, убрана не только картинами и разными изображеніями святыхъ, но и часами разныхъ формъ,—это было тогда рѣдкостію и принадлежало къ предметамъ особенной роскоши. Часы показывали время различнымъ образомъ: одни, какъ у Нѣмцевъ, съ полудня; другіе, какъ у Богемцемъ и Итальянцевъ, съ захожденія солнца; иные съ восхожденія, какъ считали Вавилоняне и Евреи. *) Въ домахъ другихъ бояръ, такихъ вещей

*) Тогдашніе Русскіе такъ считали часы: седьмой часъ утра по нашему часосчисленію былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера первымъ часомъ ночи.

почти совсѣмъ не видно было. Матвѣевъ былъ ревностный покровитель полезнаго; о прочихъ высокихъ качествахъ его я умалчиваю. Будучи образованнѣе всѣхъ соотечественниковъ своихъ, онъ только одинъ, вопреки отеческимъ обычаямъ, дозволилъ сыну своему отростить волосы, учиться у иностранцевъ языкамъ и словеснымъ наукамъ. Этотъ вельможа, громкій славою и природными дарованіями, по всей справедливости достоинъ истиннаго счастія.»

V.

Въ 1672 году, 30 мая, Наталья Кириловна родила сына Петра. Алексѣй Михайловичъ былъ въ большой радости, какъ всегда радовались наши цари при рожденіи сыновей. Въ народной пѣснѣ такъ поется о рожденіи Петра:

Когда свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ,
Народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе какъ плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель–люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, ширинку вышивали,
По бѣлому рытому бархату они краснымъ золотомъ,

Тюрьмы съ покаянными они всѣ растворялися.
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи собиралися, бояре съѣзжалися и дворяне сходилися,
А все народъ Божій на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются...

Въ этотъ радостный для царя день, Артамонъ Сергѣевичъ былъ пожалованъ въ окольничіе, т. е. самымъ важнымъ чиномъ послѣ боярскаго *). Царица была привязана къ своему воспитателю дочернею любовью. Съ своей стороны Матвѣевъ старался чѣмъ-нибудь развлечь ее, зная ея веселый нравъ, чѣмъ-нибудь разогнать ту скуку, которая господствовала обыкновенно въ царицыныхъ палатахъ, ревниво оберегаемыхъ отъ всякаго мужскаго взора. Матвѣевъ рѣшился завести театръ, который—онъ это зналъ—въ иноземныхъ странахъ составлялъ самое пріятное развлеченіе. Но Матвѣевъ зналъ также, что на него давно уже косятся за привязанность къ иноземному поборники старины и стараются вездѣ прославить чернокнижникомъ. Тогда по большей части все какъ-то странно дѣлалось:—народъ страшно пьянствовалъ и разорялся на винѣ. А между тѣмъ тому же самому народу, которому позволено было разоряться въ кабакахъ, запрещалось пѣть пѣсни, даже качаться на качеляхъ—все это называлось «бѣсовскими играми». Духовенство преслѣдовало народныя увеселенія и

*) Ниже окольничаго былъ думный дворянинъ, ниже думнаго-стольникъ, и т. д.

обычаи, какъ остатокъ язычества, совершенно противнаго христіанству. Высшее сословіе развлекалось только церковнымъ пѣніемъ и духовными стихами, которые распѣвались странниками и нищими.

Матвѣевъ, обучивъ своихъ людей, съ помощью нѣмцевъ, музыкѣ, рѣшился однакожъ завести театръ, по образцу малороссійскому. Разумѣется театръ этотъ не походилъ на теперешніе, а содержаніе разыгрываемыхъ драмъ и комедій и подавно. Въ Европѣ издавна уже существовали театральныя представленія и были любимымъ развлеченіемъ простаго народа. Католическое духовенство, желая совершенно подавить языческіе обряды и игры, жившія въ народѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить умы прихожанъ въ истинахъ вѣры, сдѣлать вѣрованія Церкви доступными для большинства,—само устроивало театральныя зрѣлища, предметомъ которыхъ были событія изъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Сцена раздѣлялась на три части — на адъ, рай и землю. Впослѣдствіи представленія стали дѣлаться съ большею пышностью и торжественностью: потребовалась помощь мірянъ и они стали принимать участіе въ религіозныхъ драмахъ или, какъ ихъ называютъ, мистеріяхъ. Любовь къ этимъ представленіямъ все болѣе развивалась— міряне вносили въ нихъ свое, свой свѣтскій взглядъ на вещи, намеки на современныя событія, и богослужебный характеръ мистерій постепенно терялся. Въ нихъ появился комическій элементъ, смѣшное и забавное.

Само же западное духовенство подало этому примѣръ, допуская въ свои торжественныя религіозныя процессіи

забавныя сцены, чтобъ привлечь народныя толпы. Такимъ образомъ, образовались такія представленія, гдѣ серьезное смѣнялось комическимъ (интермедіи), и наоборотъ. Въ интермедіяхъ стали появляться лица и событія изъ современной жизни. Религіозныя драмы съ интермедіями издавна также были представляемы въ Польшѣ. Отсюда онѣ перешли въ Малороссію, принимая въ каждой странѣ особенный, національный оттѣнокъ. Въ Московскомъ государствѣ онѣ не распространились между народомъ, а остались развлеченіемъ исключительно одного двора и высшаго сословія.

Въ 1672 году въ Москву пріѣхалъ съ нѣмецкими актерами нѣкто Готфридъ Яганъ, который и учинилъ передъ царемъ первое «комедійное дѣйство и потѣху» — какъ Юдифь Олоферну головку отсѣкла. Это было въ селѣ Преображенскомъ *). На слѣдующемъ представленіи была и царица съ царскою семьею; для нихъ нарочно была устроена закрытая галерея за царскимъ мѣстомъ.

Подъ присмотромъ самого Матвѣева были устроены особыя палаты для комидійнаго дѣйства, надъ аптекою. Театръ былъ устроенъ въ видѣ полукружія, сцена состояла изъ высокаго помоста, украшеннаго краснымъ сукномъ и елками. Въ Преображенскомъ были устроены другія палаты, и смотря по мѣстопребыванію государя, всѣ рамы, ковры,

---

*) Село это лежитъ на лѣвомъ берегу Яузы, и теперь находится въ чертѣ города, составляя кварталъ Покровской части, и заселено большею частію фабричными.

сукна, костюмы переносились то въ тотъ, то въ другой театръ. Готфридъ Яганъ взялся въ три мѣсяца приготовить русскихъ актеровъ, для чего ему отдано было 27 человѣкъ изъ мѣщанскихъ дѣтей. Чтобъ дать читателямъ понятіе о русскихъ мистеріяхъ, скажемъ нѣсколько словъ о той, которая представляла жизнь св. Алексѣя и была написана въ честь Алексѣя Михайловича. Мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторыя черты, характеризующія и самое представленіе, и взглядъ тогдашняго высшаго сословія на народъ. Какъ въ дѣйствительности, такъ и на сценѣ «мужики» не могли интересовать «избранныхъ» зрителей, и въ драмѣ «Алексѣй Божій человѣкъ», они являются на сцену только затѣмъ, чтобъ принесть поздравленіе Евфиміану (отецъ Алексѣя), пируютъ на свадьбѣ его сына, потомъ ссорятся въ пьяномъ видѣ и дерутся. Одинъ изъ мужиковъ обращается къ зрителямъ и проситъ прощенія, что они (мужики) обезпокоили высокихъ особъ своимъ присутствіемъ. Сцена раздѣлялась на двѣ части — рай и землю. Рай былъ поднятъ надъ сценою, съ которою соединялся нѣсколькими ступенями. Росписанными декораціями (рамы перспективнаго письма) означались на сценѣ нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ каждое представляло отдѣльную мѣстность, особый городъ. Актеръ выходилъ и говорилъ, что вотъ это молъ Римъ, а это, возлѣ него, Эфесъ. Алексѣй, сказавъ нѣсколько словъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ и переходилъ изъ Рима въ Эфесъ. Изъ Эфеса Алексѣй смотритъ на Римъ и говоритъ:

До Рима, бачу, тая дорога выходитъ,

и приходитъ въ Римъ. Затѣмъ, по ходу дѣйствія, Римъ ужъ назывался дворомъ Евфиміана, а Эфесъ хижиною Алексѣя.

Вотъ какія увеселенія ввелъ Матвѣевъ при дворѣ. Несмотря на всю свою незатѣйливость и незанимательность, представленія эти однакоже полюбились зрителямъ, которые просиживали иногда далеко заполночь, любуясь комидійнымъ искусствомъ и проливая слезы жалости.

V.

Приближались для Матвѣева годы испытаній и тяжкаго горя. 19 января 1679 года Алексѣй Михайловичъ въ послѣдній разъ любовался комедіею и слушалъ музыку во дворцѣ своемъ. Не прежнее уже удовольствіе выносилъ онъ изъ представленія, чувствуя себя нездоровымъ. Болѣзнь усиливалась со дня на день, и царь приготовился къ смерти. Были отворены темницы, выпущены изъ нихъ узники, прощены преступники и за должниковъ царь платилъ истцамъ своею казною. Матвѣевъ постоянно находился при одрѣ умирающаго. Иностранцы разсказываютъ, что будто Артамонъ Сергѣевичъ старался въ это время уговорить царя назначить своимъ преемникомъ, мимо четырнадцатилѣтняго Ѳедора, слабаго здоровьемъ, меньшаго сына, Петра, которому шелъ четвертый годъ. До совершеннолѣтія Петра Матвѣевъ думалъ самъ управлять государствомъ

вмѣстѣ съ своею воспитанницею, царицею Натальею Кириловной. Царь склонялся на его совѣты, но передъ самою кончиною случилось такъ, что ни Матвѣева, ни царицы не было при одрѣ умирающаго. Родственники первой жены царя, отъ которой родился Ѳеодоръ, убѣдили Алексѣя Михайловича назначить своимъ наслѣдникомъ старшаго сына. Ночью 30 января ударили въ большой колоколъ «вѣстникъ», и Москва узнала о смерти царя. Толпы повалили въ Кремль, царскіе покои наполнились вельможами, которые отдавали послѣднее цѣлованіе умершему царю. На престолъ вступилъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и новыя лица окружили юнаго царя. Между ними появился царскій родственникъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, человѣкъ властолюбивый и корыстный, только что вернувшійся изъ Астрахани, куда былъ посланъ воеводою при царѣ Алексѣѣ. Милославскій ненавидѣлъ Матвѣева и приписывалъ ему свое удаленіе изъ Москвы въ Астрахань. Это одинъ врагъ,—къ нему присоединились вскорѣ и другіе: царскіе дядьки, боярин князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Къ нимъ присталъ еще окольничій Василій Семеновичъ Волынскій, человѣкъ уже старый, но не перестававшій пробивать себѣ дорогу на службѣ угодливостью сильнымъ лицамъ и мастерствомъ жены своей, которая угождала боярамъ и боярынямъ своею работой, славясь по всей Москвѣ золотошвейнымъ искусствомъ. Всѣ эти лица имѣли свои причины ненавидѣть и бояться Матвѣева. Куракинъ не хотѣлъ соперничества въ милости своей у царя, Хитрово сердился на Матвѣева

за то, что тотъ открылъ его грабительство и взяточничество. Всѣ они знали, что Θеодоръ не долговѣченъ, что братъ его Іоаннъ также слабъ здоровьемъ и слабъ, кромѣ того, умомъ, что ростетъ Петръ, при которомъ сила Матвѣева еще возрастетъ, и рѣшились, какъ можно скорѣе, сбыть съ рукъ честнаго человѣка, искуснаго въ государственномъ управленіи, бывшаго помѣхою для ихъ своекорыстныхъ цѣлей. Нашелся у Матвѣева врагъ и женскаго пола.

Это была боярыня Анна Петровна Хитрово, съ виду набожная, но на самомъ дѣлѣ злая и властолюбивая женщина. Она ненавидѣла Наталью Кириловну, и имѣя силу при дворѣ, охотно согласилась помогать врагамъ Матвѣева, надѣясь, что съ паденіемъ его, ей легко будетъ повредить въ умѣ Θеодора и вдовой царицѣ. Между тѣмъ, какъ Милославскій, Куракинъ и Хитрово старались внушить юному царю, что Матвѣевъ взяточникъ, что онъ, управляя разными вѣдомствами, награбилъ себѣ несмѣтныя сокровища, Волынскій, старый болтунъ, ѣздилъ по своимъ знакомымъ и старался распускать, какъ можно болѣе, неблагопріятныхъ слуховъ про Матвѣева. Подкопы и наговоры стали производить свое дѣйствіе: царь Θеодоръ, сперва ласковый къ Матвѣеву, сталъ замѣтно охладѣвать къ нему. Матвѣевъ чуялъ грозу, но надѣялся на свою невинность и правоту, на тѣ заслуги, которыя оказалъ онъ государству во время своей продолжительной службы.

Надежда оказалась весьма плохою. Воспользовались пер-

вымъ нелѣпымъ обвиненіемъ датскаго резидента, Монса Гея, человѣка пьянаго и развратнаго, который прислалъ жалобу, что Матвѣевъ не доплатилъ ему 500 руб. за рейнское вино, поставленное имъ ко двору, и что на его требованіе прислали ему изъ посольскаго приказа фальшивый контрактъ на эту поставку. Матвѣева заставили уплатить 500 руб. Гею, и отняли у него посольскій приказъ. За тѣмъ случилось вотъ что: 4 іюля 1676 года Матвѣевъ пришелъ къ царю и сталъ въ передней. Вышелъ изъ царской комнаты бояринъ Стрѣшневъ съ указомъ.

— Указалъ тебѣ великій государь быть на своей великаго государя службѣ въ Верхотурьѣ, сказалъ Стрѣшневъ.

— Воля его государская — я готовъ, отвѣчалъ Матвѣевъ.

Собравъ пожитки свои и взявъ съ собою сына, племянниковъ и прислугу, онъ отправился туда водою, затаивъ въ душѣ надежду, что обстоятельства вѣроятно скоро измѣнятся, и онъ снова будетъ при дворѣ. Онъ не думалъ, что посылка на Верхотурье была только предлогомъ къ его удаленію изъ Москвы, мѣрою необходимою для его враговъ, чтобъ въ отсутствіе его легче было приступить къ обвиненіямъ тягчайшимъ. Едва удалился онъ изъ Москвы, какъ составленъ новый извѣтъ. Лекарь Давыдко Берловъ, желая избавиться отъ правежа, вызвался быть доношикомъ на Матвѣева.

—Я, говорилъ онъ передъ боярами, лечилъ у Матвѣева человѣка его, карла Захарку, отъ боярскихъ побой. Карло

Захарка сказывалъ мнѣ, что лежалъ онъ за печью въ боярской палатѣ, а Артамонъ Сергѣевичъ сидѣлъ за столомъ съ докторомъ Стефаномъ и читали онѣ вмѣстѣ черную книгу. Въ то время появилось въ палатѣ великое множество духовъ, и тѣ нечистые духи стали говорить: «что вы сидите? есть у васъ въ палатѣ третій человѣкъ.» Услыхалъ это бояринъ и бросился къ печкѣ, схватилъ за волоса карлу, билъ его смертнымъ боемъ, топталъ ногами и чуть живаго вытолкнулъ за порогъ. Да и самъ я, случась какъ то во дворѣ боярина, видѣлъ какъ онъ читалъ вмѣстѣ съ Спафаріемъ и Стефаномъ докторомъ въ запертой палатѣ черную книгу. Я какъ-то нечаянно зашелъ въ эту палату и все видѣлъ. А книга та эдакъ въ полдести, а толщиною пальца въ три, и по той черной книгѣ училъ боярина да сына его Николай Спафарій...

Несмотря на всю нелѣпость этого доноса, несмотря на то, что въ палатѣ Матвѣева не было запечья, за которымъ можно было бы лечь, несмотря на очевидную ложь Берлова, который самъ проговорился, сказавъ, что *нечаянно* зашелъ въ *запертую* палату, доносу повѣрили.

Берловъ не остановился на доносѣ въ чернокнижьи, онъ доносилъ также, что Матвѣевъ хотѣлъ отравить государя во время его тяжкой болѣзни, что у него была книга *лечебникъ* на славянскомъ языкѣ, которую онъ приказалъ было сжечь, но что эту книгу укралъ у него человѣкъ его Ивашка, еврей, у котораго она и хранится.

Подобный доносъ не постыдился подтвердить датскій

резидентъ, извѣстный намъ Монсъ Гей, въ письмѣ своемъ, присланномъ имъ въ Москву съ дороги изъ Россіи. Впрочемъ, отъ резидента этого всего можно было ожидать: онъ славился по всей Москвѣ своимъ буйствомъ и пьянствомъ и явно держалъ сторону враговъ Матвѣева, отъ которыхъ его часто возили мертвецки пьянымъ, перекинувъ черезъ сѣдло, какъ мѣшекъ какой. Уличные мальчишки даже знали его съ этой стороны и обыкновенно кричали ему вслѣдъ: «пьяница, пьяница! Шишъ на Кокуй!» (Кокуемъ называлась мѣстность, гдѣ была построена Нѣмецкая слобода.)

Умыселъ на царскую жизнь подтверждали также дядька Ѳеодора, князь Куракинъ, и Хитрово, говоря, что Матвѣевъ не хотѣлъ отвѣдывать лекарствъ, подносимыхъ государю, и не выпивалъ остатковъ лекарства послѣ царскихъ пріемовъ и стало быть не берегъ царскаго здоровья, отъ чего оно «не мало поумалилось.» *) На самомъ же дѣлѣ Матвѣевъ не только отвѣдывалъ царскія лекарства, но и пилъ ихъ въ угоду царю, и что̀ оставалось въ рюмкѣ послѣ государскаго пріема, то онъ выливалъ себѣ на ладонь, и выпивалъ, вѣроятно, не смѣя прикоснуться своими губами къ той посудинѣ, изъ которой пилъ царь.

---

*) Матвѣевъ, завѣдуя аптекою, вмѣстѣ съ докторами, служившими подъ его начальствомъ, долженъ былъ отвѣдывать всякое лекарство, какое бы ни давали царю, для удостовѣренія въ безвредности.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обвиненій, Матвѣева остановили въ Лаишевѣ, куда былъ присланъ полуголова Лужинъ съ тѣмъ, чтобъ взять у Матвѣева лечебникъ, котораго однакожъ при всѣхъ поискахъ не нашлось въ пожиткахъ боярина. Бросились къ Ивашкѣ еврею.

— Гдѣ у тебя книга лечебникъ?

Еврей замялся, потомъ отвѣчалъ: — «въ сѣняхъ подъ мосткомъ.»

Спросили у жены его.—У постели подъ головами, отвѣчала она.

Обшарили все у еврея, но книги не нашли. Карла Захарка и еврея съ женою повезли въ Москву.

Карлику дали очную ставку съ Берловымъ. Бѣдный человѣчекъ совершенно смѣшался и не зналъ что́ говорить на нахальныя рѣчи Берлова. Но тогда было ужасное и безчеловѣчное средство заставить не только говорить, что́ хотѣлось судьямъ, но и наговорить на другихъ и даже на самого себя всякихъ небылицъ. Средство это — пытка. Она заставляла не только такого маленькаго и слабенькаго человѣчка, какъ Захарка, но и людей сильныхъ и крѣпкихъ обвинять себя въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ имъ никогда и не грезилось. Самая употребительная изъ пытокъ была *виска* или *дыба*. Вотъ въ чемъ она заключалась. Съ оговореннаго снимали рубашку; назади около кисти завязывали руки веревкою, обшитою войлокомъ для того, чтобъ не перетереть кожи; ноги стягивались ремнемъ; сдѣлавъ все это, палачъ вздергивалъ несчастнаго кверху къ перекла-

динѣ, утвержденной на двухъ столбахъ на подобіе висѣлицы; становился ногами на ремень, которымъ связаны ноги оговореннаго и оттягивалъ его внизъ, пока руки не выйдутъ изъ суставовъ. Потомъ начиналъ бить кнутомъ по спинѣ, разъ 30 или 40 въ часъ. Кнутъ плетеный, ременный, толстый; на концѣ ввязанъ толстый ремень, шириною въ палецъ, а длиною въ пять локтей. Кожа летѣла отъ ударовъ кнута; палачъ, кромѣ того, самъ сдиралъ кожу лоскутьями отъ плечъ внизъ по спинѣ. Вывертывая изъ лопатокъ руки, палачъ, какъ ловкій костоправъ, и вправлялъ ихъ: схвативъ вдругъ и дернувъ ихъ напередъ. Всего этого было мало. На ободранную спину трясли зажженный сухой вѣникъ или сыпали соль. Если оговоренный вытерпитъ все это и ничего не скажетъ, ему давали недѣлю отдохнуть и опять вели на пытку: связывали руки и ноги, продѣвали между ними бревно и держали несчастнаго на огнѣ; если и этой пытки, по соображеніямъ судей, оказывалось мало, употребляли новую: разжигали желѣзныя клещи и ломали ими ребра, или забивали въ тѣло гвозди, деревянныя спицы или гвозди подъ ногти, сдавливали голову въ особо устроенномъ для этого станкѣ, завинчивали ножные и ручные пальцы въ тискахъ, и проч. и проч.

Теперь отъ ужаса волоса подымаются на головѣ, когда подумаешь о тѣхъ страданіяхъ, которыя испытывали несчастные подъ пытками; а между тѣмъ бывали крѣпкіе люди, съ такой сильной волей, что ни одна пытка не только не вымучивала у нихъ признанія, не вымучивала даже единаго сто-

на. Разсказываютъ, что одинъ вытерпѣлъ пытку и, окровавленный и изувѣченный, шелъ изъ застѣнка. На встрѣчу ему вели другаго обвиненнаго.

— Какова баня? спросилъ этотъ.

— Ничего, хороша! Иди — для тебя еще остались вѣники, былъ отвѣтъ.

Не таковъ былъ нашъ карликъ Захарка. Онъ взвелъ на своего господина всевозможныя небылицы и путалъ до безсмыслія.

— Я, показывалъ онъ, — легъ за печкою, уснулъ и захрапѣлъ. А бояринъ сидѣлъ съ докторомъ Стефаномъ, да съ Николаемъ Спафаріемъ и читали черную книгу. Появилось въ палатѣ нечистыхъ духовъ великое множество, и стали нечистые духи говорить Стефану доктору: «что́ сидите? Есть въ палатѣ третій человѣкъ...» И бояринъ вытащилъ меня изъ-за печки, топалъ ногами и переломилъ два ребра.

На безсмысліе этого показанія не обратили вниманія. Сидѣлъ Матвѣевъ, Стефанъ докторъ и Спафарій — трое, стало быть Захарка былъ четвертый человѣкъ, а духи все-таки спрашивали: «что сидите, есть въ палатѣ *третій* человѣкъ.» «Я уснулъ и захрапѣлъ.» Какъ же можно слышать спящему, что онъ храпитъ, и еще болѣе какъ можно видѣть спящему кого-нибудь и слышать чьи-нибудь рѣчи?... Но для судей важно было то, что онъ подтверждалъ, хоть и не во всемъ, доносъ Берлова....

Подвергли пыткѣ и Ивашку еврея съ женою. Сперва еврей показалъ въ страданіяхъ отъ пытки, что онъ точно

укралъ у боярина изъ поставца книгу лечебникъ, которую и держалъ у себя нѣсколько времени. Но потомъ, образумившись, онъ призналъ свое первое показаніе ложнымъ, вынужденнымъ пыткою.

— У меня точно была книга лечебникъ, сказалъ еврей,—но бояринъ объ этомъ не зналъ: я взялъ ее у алхимиста, и потомъ велѣлъ сжечь женѣ своей, которая и сдѣлала это. Жена подъ пыткою подтвердила это показаніе мужа.

Несчастнаго подвергли новымъ пыткамъ, самымъ ужаснымъ. Еврей продолжалъ говорить, что бояринъ ничего не зналъ. Какъ ни терзали его, ничего не могли болѣе вымучить: истерзанный, изувѣченный еврей умеръ отъ пытки....

VII.

Показанія самаго Матвѣева не принимались въ разсчетъ, на нихъ не обращали никакого вниманія. Очныхъ ставокъ ему не дѣлали съ доносчиками, нарушали даже то не совсѣмъ здравое правосудіе, которое господствовало тогда. Разспрашивано было болѣе 20 человѣкъ — всѣ показанія были въ пользу обвиненнаго, кромѣ показаній Берлова и Захарки.

Въ одну изъ зимнихъ ночей 1676 года Матвѣевъ былъ

разбуженъ стукомъ въ окна и ворота своей квартиры; это пріѣхали посланные изъ Казани — думный дворянинъ Ѳедоръ Саковнинъ и думный дьякъ Василій Семеновъ. Они съ шумомъ вошли въ избу.

— Давай женку, заговорили они, обращаясь къ Матвѣеву, — давай письма, племянниковъ, инока, попа, людей своихъ—всѣ намъ сейчасъ нужны. Да животы твои (имѣніе) станемъ сейчасъ смотрѣть—гдѣ у тебя книга лечебникъ?

— Нѣтъ у меня лечебника, отвѣчалъ Матвѣевъ, — а жену, племянниковъ, людей моихъ — берите. Отдамъ и письма вамъ. А за монахомъ и попомъ, что при мнѣ, сами пошлите—надъ ними я власти не имѣю.

Все осмотрѣли, все перерыли — лечебника не нашли. Допросили жену, племянниковъ, людей—всѣ говорили, что никогда никакого лечебника не видали въ домѣ боярина.

Спустя нѣсколько дней, пріѣхали въ Лаишевъ Алексѣй Лужинъ и дворянинъ Гаврило Норманской, и потребовали къ себѣ Матвѣева.

— Указалъ великій государь перевесть тебя изъ Лаишева въ Казань, сказали они ему.

— Я готовъ, хоть сейчасъ на дровни и бресть, куда будетъ воля великаго государя.

— Велѣно тебя совсѣмъ перевесть — сейчасъ намъ не успѣть.

Собрали имѣніе его, людей и перевезли въ Казань. Къ квартирѣ была поставлена стража, людей велѣно было отпустить по деревнямъ. Спустя нѣсколько дней, ночью пріѣхалъ къ нему дьякъ Иванъ Гороховъ, когда-то сосланный

за грабежи Матвѣевымъ, а теперь снова вернувшійся въ Москву. Какъ врагъ Матвѣева, онъ посланъ былъ объявить царскій указъ боярину.

—Гдѣ животы (имѣніе) твои? спросилъ онъ.—Давай ихъ сейчасъ.

—Въ животахъ моихъ, отвѣчалъ Матвѣевъ,—нѣтъ ни краденаго, ни воровскаго, ни измѣннаго. Животы отца моего и родителей его, имѣніе матери моей и родителей ея, и мое имѣніе нажито милостію Божіею и жалованьемъ великихъ государей—ежели хочетъ отнять великій государь безъ вины, то въ этомъ воля Божія и его государская.

Гороховъ нарочно долго (цѣлый мѣсяцъ) переписывалъ имѣніе, постоянно спрашивая то то, то другое, ища *черной* книги и оскорбляя боярина на каждомъ шагу. Нагрузивъ цѣлые воза имѣніемъ Матвѣева, захвативъ всѣ его драгоцѣнности, золото, серебро, и отправивъ это къ *себѣ* въ Москву, Гороховъ наконецъ объявилъ ему царскій указъ, по которому велѣно Матвѣева «за великія вины и неправды» лишить боярской чести; помѣстья, вотчины, московскій дворъ и все движимое имѣніе отписать на государя, людей и сына отпустить на волю съ отпускными.

Матвѣевъ сталъ было говорить, что никакихъ винъ, ни большихъ, ни малыхъ, за нимъ нѣтъ, что все написанное въ указѣ извѣтъ одинъ.

—Слушай! Молчи, а не говори, крикнулъ на него Гороховъ и объявилъ въ заключеніе, что онъ, бояринъ, достоинъ смерти; но, по милости великого государя, ссылается только въ Пустозерскій острогъ, на вѣчное житье, а на

прожитокъ изъ имѣнія его велѣно дать ему тысячу рублей. Изъ этихъ денегъ Матвѣевъ тотчасъ же долженъ былъ израсходовать не мало на людей своихъ, упрашивая нѣкоторыхъ изъ нихъ не покидать его въ этомъ долгомъ пути и заточеніи. Тутъ узналъ Матвѣевъ, что карла Захарка былъ живой сожженъ въ Москвѣ, вѣроятно за то, что самъ прежде не донесъ на своего барина. Вѣсть эта привела въ большой ужасъ и его самаго, и всѣхъ бывшихъ съ нимъ.

Матвѣева съ сыномъ повезли въ далекій Пустозерскій острогъ, къ берегамъ Ледовитаго моря, а Гороховъ вернулся въ Москву, гдѣ враги Матвѣева на радостяхъ выхлопотали ему чинъ думнаго дьяка *), и одну изъ отписныхъ вотчинъ Матвѣева, въ нижегородскомъ уѣздѣ, село Папулово съ деревнями.

Цѣлыя семь лѣтъ провелъ въ заточеніи Матвѣевъ, и

---

*) Дьяки засѣдали въ приказахъ и имѣли очень сильное вліяніе на всѣ государственныя дѣла. Безъ ихъ вѣдома никто не могъ быть опредѣленъ ни въ военную, ни въ гражданскую службу, и никто не могъ имѣть никакого порученія. Будучи опытны въ дѣлахъ, зная всю канцелярскую мудрость, они пользовались рѣшительнымъ вліяніемъ на бояръ, засѣдавшихъ въ приказахъ. Иностранцы, посѣщавшіе Россію, называли дьяковъ канцлерами. Не только дьяки, но и подъячіе бывали послами въ иностранныхъ государствахъ, и во всякомъ случаѣ состояли въ посольской свитѣ и должны были доносить царю о томъ, какъ вели себя послы заграницею. Думные дьяки засѣдали въ царской думѣ и нѣкоторыхъ приказахъ; они надзирали надъ всѣми другими дьяками за производствомъ дѣлъ.

долгими, и тяжкими, полными нужды и страданій, были для него эти годы.

Пустозерскъ былъ малолюдный и бѣдный острожекъ, въ которомъ едва насчитывалось до ста невзрачныхъ избенокъ. Жители, не занимаясь сами земледѣліемъ, такъ какъ почва къ этому была совершенно неудобна, терпѣли большую нужду въ хлѣбѣ, который разъ въ годъ, именно весною, доставлялся туда на маленькихъ каючкахъ изъ Яренска и Пермской земли рѣкою Вычегдой. Матвѣева помѣстили въ курной избенкѣ, съ полуразвалившеюся печью, которая никогда не нагрѣвала избы, но за то постоянно наполняла ее угаромъ и смрадомъ. Другая, подобная же избенка, была отведена сыну его; въ подклѣтишкѣ помѣщалась рухлядь, люди Матвѣева, которыхъ было съ нимъ до тридцати человѣкъ, и стража, наблюдавшая затѣмъ, чтобъ боярин не убѣжалъ куда, тогда какъ бѣжать рѣшительно было не куда въ этой далекой и безлюдной странѣ.

Съ своими домочадцами Матвѣевъ терпѣлъ и голодъ, и холодъ, такой холодъ, что часто отмораживалъ себѣ ноги въ своей избенкѣ. Простой нагольный, изорванный тулупъ едва прикрывалъ дряхлаго старика, привыкшаго къ роскоши и всякимъ удобствамъ. Деньги, данныя ему на прожитокъ, были отчасти истрачены дорогой, отчасти употреблены на свое содержаніе и содержаніе своихъ людей въ Пустозерскѣ. Нужда разъ дошла до того, что у Матвѣева оставалось на собственное пропитаніе и пропитаніе своей дворни всего нѣсколько сухарей, между тѣмъ какъ до прихода барокъ съ хлѣбомъ оставалось еще два мѣсяца.

Достать было негдѣ — всѣ жители терпѣли крайній недостатокъ и берегли всякую гость муки, которою приправляли свое единственное кушанье—жиденькій, постный борщъ. У самого боярина и у людей его показалась цынга, за которою слѣдовала бы непремѣнно голодная смерть. Въ этой крайней нуждѣ помогъ ему пустозерскій воевода и вмѣстѣ приставъ его — Тухачевскій. Забывая, что всякое снисхожденіе съ его стороны къ узнику можетъ стоить ему дорого отъ враговъ Матвѣева, Тухачевскій, самъ имѣя всего шесть кулей муки, половину прислалъ несчастному старику и избавилъ его такимъ образомъ отъ голодной смерти, которая доставила бы многимъ въ Москвѣ большую радость.

Изъ Пустозерска Матвѣевъ писалъ челобитныя къ царю, къ патріарху, къ боярамъ. Текстами изъ священнаго писанія онъ доказывалъ царю и патріарху, что нечистыхъ духовъ видѣть никому невозможно, что онъ совершенно невиненъ въ взводимыхъ на него преступленіяхъ, до очевидности показывалъ все пристрастіе и беззаконность суда надъ собою и описывалъ свое горькое положеніе боярамъ.

«Въ Пустозерскомъ, писалъ Матвѣевъ, многіе жители гладомъ таютъ и умираютъ, а купятъ четверикъ московской мѣры по 13 алтынъ по 2 деньги, а ихъ будетъ пудъ. Пустозерскихъ жителей всегдашняя пища борщъ, да и того въ Пустозерскомъ нѣтъ, привозятъ съ Ижмы, и какая нужда въ тамошней странѣ, на Турьѣ, на Ижмѣ, на Усцылмѣ и въ Пустозерскомъ острогѣ: *ей, ей, службу Божію отправ-*

ляютъ на ржаныхъ просфорахъ, и та мука мало лучше невѣянной муки, и такова та служба приношенія къ Богу, о томъ освященныхъ вопроси. Ей, ей, не постыдился бы, свидѣтель ми есть Господъ Богъ, чтобъ имени ради Его ходить и просить милостыни, да никто не подастъ, и не можетъ своей ради сродной нужды подати.»

«Всѣмъ указами жестокими застращено сроднымъ моимъ и друзьямъ не токмо ко мнѣ самому ради конечной нужды моей прислати что, или, по обыкновенію народовъ, писати, какъ свои и друзья письмомъ завидѣнія мѣсто себя являютъ *) и утѣшаютъ въ печали, *но и о имени моемъ никто не смѣетъ спросить*»...

Въ тотъ вѣкъ себялюбія, доведеннаго до послѣдней степени, трудно было ожидать заступничества передъ царемъ отъ бояръ и патріарха. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Напрасно Матвѣевъ умолялъ царя **), напрасно убѣждалъ его быть милостивымъ подобно Титу, римскому императору, который считалъ тотъ день потеряннымъ, въ который не удавалось ему сдѣлать какое нибудь доброе дѣло. «Будь подобенъ тому изъ великихъ государей, писалъ Матвѣевъ, который, возлюбивъ правду, велѣлъ предъ своимъ дворцомъ повѣсить колоколъ, чтобъ всѣ челобитчики, изгоняемые гнусными паредворцами отъ очей истины, могли ударить въ звонъ.»

---

*) Т. е. родственники и друзья замѣняютъ самихъ себя письмами.

**) Челобитныя къ царю могли не доходить, да и дѣйствительно долго не доходили.

Прошло почти пять лѣтъ, прежде чѣмъ участь Матвѣева была облегчена: его перевели въ Мезень, освободили отъ стражи, позволили выходить изъ своего двора и предоставили нѣкоторыя удобства въ жизни. Въ 1681 году Ѳеодоръ сосватался на Маріѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, крестницѣ Матвѣева; Марѳа Матвѣевна стала просить у царя за невиннаго боярина. Въ первыхъ числахъ января слѣдующаго года въ Мезень пріѣхалъ капитанъ стремяннаго полка Лишуковъ и объявилъ Матвѣеву царскій указъ, которымъ Артамону Сергѣевичу возвращались его вотчины, оставшіяся за раздачею, домъ, боярская честь, и приказано было ѣхать ему въ городъ Лухъ, Костромской губерніи, гдѣ и ждать новаго царскаго приказа. Велика была радость Матвѣева: онъ тотчасъ же сталъ сбираться въ путь и поѣхалъ медленно, останавливаясь по городамъ, дѣлая роздыхи. Какъ прежде, когда онъ посылался въ заточеніе, воеводы и служилые люди, хотя были увѣрены въ невинности боярина, смотрѣли однакоже на него какъ на преступника и не думали облегчить его участь; такъ теперь, когда онъ возвращался свободнымъ и когда могъ снова пріобрѣсть великую силу при дворѣ, воеводы показывали ему угодливость, выѣзжали къ нему на встрѣчу, высылали жителей съ хлѣбомъ и солью, давали ему праздники. Всѣ эти почести дѣлались не столько изъ уваженія къ невинному страдальцу, сколько изъ того, чтобъ бояринъ не забылъ при случаѣ своею милостью воеводъ.

Матвѣевъ увлекся этими почестями и не торопился особенно. По пріѣздѣ его въ Лухъ, прибылъ къ нему въ

первыхъ числахъ мая стольникъ Алмазовъ, отъ царицы Натальи Кириловны, которая справлялась о здоровьи своего бывшаго воспитателя и просила его безостановочно ѣхать въ Москву, гдѣ произошли важныя событія, и гдѣ присутствіе его было необходимо.

VIII.

27 апрѣля 1682 года, дворъ и вельможи сильно были взволнованы: скончался царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, не оставивъ послѣ себя дѣтей, и не назвавъ себѣ наслѣдника, которымъ могъ быть кто нибудь изъ братьевъ его, либо шестнадцатилѣтній Іоаннъ, слабый духомъ и тѣломъ, либо бодрый, крѣпкій здоровьемъ и духомъ, девятилѣтній Петръ. Придворные раздѣлились на двѣ партіи—одна, партія Милославскихъ, желала Іоанна, другая, партія Нарышкиныхъ,—Петра. Когда, послѣ кончины Ѳеодора, патріархъ вышелъ въ переднюю дворцовую палату и спросилъ у бояръ и святителей, кому быть царемъ, то, послѣ шумныхъ споровъ, рѣшено было—избрать царя соборомъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Но собраніе выборныхъ отъ всѣхъ сословій государства сопряжено было съ большими затрудненіями и большою проволочкою времени, а тогдашнія обстоятельства были такого рода, что медлить не приходилось. Поэтому рѣшено было спросить у москов-

скаго народа, наполнявшаго собою Кремль, кого онъ желалъ въ цари себѣ. Патріархъ вышелъ на крыльцо, окруженный думными людьми, и сказалъ народу, что Ѳеодоръ не оставилъ послѣ себя преемника, то кому укажетъ народъ быть царемъ изъ двухъ царскихъ братьевъ?

—Быть царемъ государемъ Петру Алексѣевичу! былъ единодушный отвѣтъ.

Тотъ же отвѣтъ дали вслѣдъ за народомъ бояре и царедворцы. Патріархъ благословилъ на царство царя-мальчика. Нарышкины торжествовали. Партія Милославскихъ съ злобою въ сердцѣ признала царемъ сына Натальи Кириловны. На женской половинѣ дворца больше всѣхъ была недовольна избраніемъ одна изъ сестеръ Іоанна, Софія. Это была женщина умная, вкрадчивая, хитрая и властолюбивая. Сидѣть въ заперти цѣлую жизнь въ теремѣ и вышивать шелками да золотомъ было не по ней—она сама желала властвовать, блистать въ царской порфирѣ, наслаждаться вполнѣ и радостями и свободой. Она была грамотна и много читала, желая усовершенствовать свой умъ. Она умѣла пріобрѣсть такую любовь у брата своего Ѳеодора, что онъ не запрещалъ ей выходить изъ своего терема и даже принимать у себя мужчинъ, что́ было тогда неслыханною новостью. У постели своего брата, которому сама она подавала лекарства, она близко сошлась съ родственникомъ своимъ, лукавымъ царедворцемъ, хитрымъ, пронырливымъ человѣкомъ, Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ, съ просвѣщеннымъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голи-

цынымъ, и съ ничтожнымъ, пустымъ, но тщеславнымъ княземъ Хованскимъ. Она часто бесѣдовала съ ними о дѣлахъ государственныхъ и не разъ удивляла ихъ своими разумными замѣчаніями, своимъ свѣтлымъ умомъ. Съ возведеніемъ на престолъ брата своего Іоанна, она надѣялась захватить всю власть въ свои руки, управлять именемъ его Россіею, а тамъ, кто знаетъ, можетъ быть народъ, думала она, признаетъ меня и своею самодержавною царицею. Понятно теперь, почему Софья Алексѣевна была внѣ себя отъ гнѣва, когда услышала объ избраніи Петра. Однако благоразуміе вскорѣ возвратилось къ ней. Она собрала вокругъ себя сестеръ и сказала имъ:

—Царевичъ Петръ неправильно нареченъ царемъ—онъ слишкомъ юнъ для этого и разумомъ не совершенъ. Слѣдовало бы возвести на престолъ Іоанна—онъ ужь въ совершенныхъ лѣтахъ. Однакожъ, намъ все таки надо идти поздравить Петра съ царствомъ.

Окончивъ церемонію поздравленія, Софья Алексѣевна призвала къ себѣ патріарха и бояръ и стала говорить имъ, что на престолъ слѣдуетъ возвести Іоанна.

—Петръ уже нареченъ царемъ, отвѣчали ей, и никто не имѣетъ права теперь сводить его съ престола.

—Избраніе незаконно, настаивала царевна. Если Петра никто не имѣетъ права свести съ престола, то кто же имѣетъ право лишать престола Іоанна? Пусть царствуютъ вмѣстѣ оба брата.

— Многоначаліе зло есть и Богу угодно, чтобъ царь одинъ былъ, отвѣчалъ патріархъ.

Софья Алексѣевна не могла успокоиться и не хотѣла уступить власть, выскользавшую изъ рукъ ея. Она собрала друзей и родныхъ своихъ и долго совѣтовалась съ ними, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ. На совѣтѣ положено было ждать благопріятнаго случая, а пока распускать въ народѣ слухъ, что Іоаннъ неправильно лишенъ престола. Но скоро-ли представится благопріятный случай, да и представится ли онъ? думала Софья. Нужно ковать желѣзо пока оно горячо, нужно дѣйствовать, пока власть не окрѣпла въ рукахъ новаго привительства и пока не вернулся въ Москву Матвѣевъ. А то онъ все приберетъ къ своимъ рукамъ. Софья позвала къ себѣ Милославскаго, заклятаго врага Матвѣева, и Нарышкиныхъ. Лучшаго совѣтника Софья не могла себѣ избрать. Милославскій выросъ на интригахъ и всякое средство, будь оно самое гнусное и преступное, онъ готовъ былъ употребить въ дѣло, лишь бы оно вело къ цѣли. — «Стрѣльцы — вотъ наши помощники, говорилъ Милославскій, бунтъ — вотъ наше средство,» и онъ принялся за дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ, лучшій способъ покончить дѣло трудно было сыскать, а заставить стрѣльцовъ взволноваться было легко, потому что волненія между ними уже начались еще при жизни Ѳеодора.

Стрѣлецкимъ приказомъ управлялъ старый бояринъ, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Михайломъ Юрьевичемъ. Незадолго до кончины Ѳеодора, стрѣльцы одного полка, бывшаго подъ командою Семена Грибоѣдова, подали жалобу въ стрѣлецкій приказъ

на своего полковника, который не доплачивалъ имъ царскаго жалованья, притѣснялъ всячески, заставляя строить для себя загородный домъ даже во время свѣтлой недѣли, Долгорукій, не разобравъ хорошенько дѣла, приказалъ высѣчь выборнаго стрѣльца, подававшаго просьбу. Стрѣльцы не дали высѣчь своего товарища. Поднялся ропотъ на несправедливость, обратившійся вскорѣ въ открытое возстаніе. Шестнадцать стрѣлецкихъ полковъ согласились требовать отъ правительства наказанія своимъ полковникамъ, которые, подобно Грибоѣдову, заставляли стрѣльцовъ и ихъ женъ и дѣтей работать на себя, принуждали ихъ батогами покупать на собственный счетъ цвѣтные кафтаны съ золотыми нашивками, бархатныя шапки и желтые сапоги, не выплачивали царскаго жалованья. — «Если не накажутъ полковниковъ, говорили стрѣльцы, то мы сами по-свойски расправимся съ ними.»

Челобитныя были написаны отъ каждаго полка и поданы 30 апрѣля, на третій день послѣ воцаренія Петра. Вмѣстѣ съ челобитными были представлены счеты недоплаченнаго жалованья и заработанныхъ, но не выплаченныхъ денегъ. Съ челобитными явились не выборные только отъ стрѣльцовъ, — вся площадь передъ дворцомъ была запружена стрѣльцами, которые требовали, чтобъ полковники были выданы имъ головою, то есть, чтобъ они могли расправиться съ ними по своему произволу.

— Доберемся и до другихъ измѣнниковъ, что́ обманываютъ государя, кричали стрѣльцы.

Испуганное правительство обѣщало наказать тотчасъ же

полковниковъ и удовлетворить всѣ стрѣлецкія жалобы. Страшная расправа дѣйствительно началась и продолжалась цѣлую недѣлю. Полковниковъ ежедневно безпощадно били палками, заставляя ихъ уплачивать по стрѣлецкимъ счетамъ. Много палокъ было переломано надъ несчастными, много и поплатились они: съ иныхъ взыскано до 2000 рублей или червонныхъ. Все дѣлалось отъ имени правительства, но по волѣ стрѣльцовъ, которые толпились на площади, передъ приказомъ, и распоряжались какъ судьи; правежъ прекращался только тогда, когда они кричали: *довольно.* Нѣкоторые полковники, на которыхъ стрѣльцы болѣе злобились, были наказываемы по два раза въ день. Своеволіе стрѣльцовъ этимъ не ограничивалось: въ слободахъ своихъ они сходились въ круги, по примѣру Донскихъ казаковъ, судили и рядили сами, и осуждали на смерть своихъ пятисотенныхъ, сотниковъ и приставовъ. Напрасно уговаривали ихъ пріѣзжавшіе полковники; стрѣльцы бранью и насмѣшками встрѣчали ихъ и грозились перебить ихъ самихъ. Самого начальника стрѣлецкаго приказа они ужъ и въ грошъ не ставили и не думали слушаться его приказаній. Осудивъ на смерть своихъ пятисотенныхъ и сотенныхъ, стрѣльцы взводили ихъ на каланчи и, взявъ за руки и за ноги, размахивали и сверху кидали на землю. Несчастные разбивались, а толпа кричала неистово: «любо, любо, любо!...»

Такое самоуправство стрѣльцовъ доказывало какъ нельзя лучше, какъ слабо правительство и какъ нуждалось оно въ опытномъ государственномъ мужѣ. Наталья Кириловна со-

знавала это и потому отправила Алмазова въ Лухъ къ Матвѣеву и наказала ему, чтобъ бояринъ, какъ можно скорѣе, ѣхалъ въ Москву. Но Артамонъ Сергѣевичъ не торопился: ему нравились торжественныя встрѣчи, которыя теперь дѣлались еще торжественнѣе: въ городахъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, звонили въ колокола, духовенство выходило къ нему на встрѣчу съ хоругвями и крестами, привѣтствовало рѣчами. Матвѣевъ выслушивалъ рѣчи, съ подобающею важностью принималъ почести, заѣзжалъ въ монастыри. А врагъ его Милославскій не дремалъ, и готовилъ гибель.

Притворясь больнымъ, не выѣзжая изъ дома своего, Милославскій распускалъ чрезъ сообщниковъ своихъ самые невыгодные слухи о Нарышкиныхъ между волновавшимися уже стрѣльцами. Сообщники эти говорили стрѣльцамъ, что Нарышкины хотятъ отравить царевича Іоанна и умышляютъ на жизнь даже самого царя, чтобъ овладѣть престоломъ. Говорили, что Иванъ Нарышкинъ нарядился разъ въ царскую одежду, надѣлъ корону и, сѣвъ на тронъ, сказалъ окружавшимъ его:—«Никому такъ не пристанетъ корона, какъ мнѣ.» Софья Алексѣевна въ это время будто вошла въ палату и стала упрекать Нарышкина за его дерзость, при царевичѣ Іоаннѣ. Нарышкинъ же будто соскочилъ съ трона, бросился на царевича и, схвативъ его за горло, едва не задушилъ.

Царевна вездѣ старалась выставлять себя съ выгодной стороны. Она черезъ постельницу свою, вдову казачку Ѳедору Семенову, знала все, что́ происходитъ въ стрѣ-

лецкихъ слободахъ. Черезъ нее же она раздавала стрѣльцамъ деньги и сулила имъ большія милости, если они спасутъ брата ея оть злодѣевъ Нарышкиныхъ.

У Милославскаго по ночамъ происходили сборища; сюда собирались сторонники царевны и выборные отъ стрѣльцовъ. Съ Нарышкиными и другими ненавистными боярами, державшими сторону Петра, рѣшено было покончить убійствомъ. Составленъ былъ списокъ и первымъ въ этомъ спискѣ стоялъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Стрѣльцы были совершенно готовы къ бунту и не скрывали этого. Въ стрѣлецкихъ слободахъ происходило необыкновенное движеніе: видѣлись то тамъ, то здѣсь, толпы стрѣльцовъ, громко бранившихъ Нарышкиныхъ.

— Не потерпимъ, чтобы царствомъ и нами правили Нарышкины, да Матвѣевъ. Перебьемъ государевыхъ измѣнниковъ, по свойски расправимся съ ними, кричали стрѣльцы... Бояре въ угоду Нарышкинымъ обошли царевича Ивана, — перебьемъ бояръ!...

По временамъ слышался то барабанный бой, то набатъ совершенно по видимому безъ нужды, потому что пожара нигдѣ не было видно. Въ кабакахъ происходило пьянство непомѣрное. Съ бранью выходили оттуда стрѣльцы и толпами шлялись по городу, распѣвая пѣсни, ругаясь и угрожая всѣмъ. Жители были въ большомъ страхѣ, и крѣпко запирались въ своихъ домахъ.

Милославскій еще не подавалъ знака къ бунту, потому что поджидалъ Матвѣева.

Пріѣхалъ наконецъ Артамонъ Сергѣевичъ въ Троицкую лавру. Сюда явились къ нему посланные отъ царицы съ поздравленіемъ и съ просьбою поспѣшить въ Москву, гдѣ, говорили посланные, стрѣльцы затѣваютъ что-то недоброе. На дорогѣ же въ Москву къ нему пришли семеро стрѣльцовъ, разсказали ему, что дѣлается въ Москвѣ, разсказали ему, что его хотятъ погубить. Матвѣевъ сказалъ: «уничтожу бунтъ или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лѣтъ большей бѣды не видали.» 11-го мая Матвѣевъ въѣхалъ въ Москву. Домъ свой онъ нашелъ запустѣлымъ, ограбленнымъ и запущеннымъ, и невольныя слезы полились изъ глазъ его, когда вступилъ онъ въ палаты свои. Это было уже вечеромъ. На слѣдующій день онъ отправился во дворецъ и со слезами цаловалъ руки царицы и Петра. Тутъ же поздравляли его бояре и сановники съ возвращеніемъ. Народъ принесъ ему хлѣбъ-соль, принесли хлѣбъ-соль и стрѣльцы, вѣроятно по совѣту Милославскаго, желавшаго убѣдить боярина, что опасности никакой нѣтъ. Всѣхъ радушно принималъ Матвѣевъ въ домѣ своемъ, который въ три дня совершенно преобразился, украсился и наполнился всѣмъ необходимымъ. Не пріѣхалъ къ нему только Милославскій, сказавшись больнымъ, и обложилъ свои ноги, чтобъ легче повѣрили его болѣзни, припарками изъ отрубей и горячими кирпичами.

Стрѣльцы продолжали буйствовать, нападали на мирныхъ гражданъ, обижали народъ. Матвѣевъ ничего не предпринималъ противъ нихъ. Онъ сѣтовалъ только, что Нарыш-

кины такъ несправедливо и такъ скоро возвышены, что такое возвышеніе ни къ чему доброму повести не можетъ. Сожалѣлъ онъ и о томъ, что правительство такъ опрометчиво дѣйствовало въ отношеніи стрѣльцевъ.

— Я знаю ихъ нравъ, говорилъ онъ. Имъ нуженъ былъ правый судъ, а не потворство. А чуть сдѣлай поблажку, они дальше пойдутъ.

IX

Милославскій подалъ наконецъ знакъ къ бунту. Рано утромъ, 15-го мая 1682 года, сообщники его прискакали въ стрѣлецкія слободы, разглашая повсюду, что Нарышкины задушили царевича.

— Въ Кремль, въ Кремль! послышались вездѣ крики, и смѣшались съ барабаннымъ боемъ и набатомъ.

Народъ выходилъ изъ домовъ, чтобъ узнать о причинѣ набата.

— Идемъ выводить измѣнниковъ бояръ и губителей царскаго дома! кричали стрѣльцы, и быстро шли къ Кремлю, съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ, съ ружьями, бердышами и копьями въ рукахъ.

Въ это время Матвѣевъ спокойно выходилъ изъ дворца, сбираясь отправиться домой. Онъ сталъ сходить уже съ лѣстницы, когда подбѣжалъ къ нему, блѣдный и разстроенный, бояринъ Урусовъ.

— Стрѣльцы взбунтовались, сказалъ онъ... Они идутъ сюда, и теперь ужъ въ Бѣломъ городѣ....

— Пойдемъ скорѣе къ царицѣ, сказалъ Матвѣевъ, и бросился вмѣстѣ съ Урусовымъ на верхъ.

Вѣсть эта съ быстротою молніи промчалась по дворцу, гдѣ было много бояръ, пріѣхавшихъ въ думу. Бунта никто не ожидалъ, а теперь никто не зналъ, что́ нужно дѣлать. Наконецъ сообразилъ кто-то, что нужно запереть всѣ ворота въ Кремлѣ и не пускать стрѣльцовъ. Приказаніе это было отдано, но напрасно. Вошло нѣсколько бояръ.

— Стрѣльцы уже въ Кремлѣ, сказали они,—запирать ворота поздно. Они кричатъ, что Нарышкины отравили Ивана Алексѣевича, что его уже и въ живыхъ нѣтъ.

Шумъ и крики доносились во внутренніе покои дворца; копья и бердыши стрѣльцовъ сверкали подъ самыми окнами Грановитой палаты.

Матвѣевъ и Нарышкины упрашивали царицу показать стрѣльцамъ обоихъ царевичей. «Они увидятъ ихъ—узнаютъ, что безсовѣстно обмануты злонамѣренными людьми, и спокойно разойдутся,» говорилъ Матвѣевъ.

— Покажите намъ Ивана Алексѣевича! кричали стрѣльцы.—Пускай выходитъ на крыльцо, если живъ.

Послали за патріархомъ, который тотчасъ же пришелъ и одобрилъ мысль Матвѣева.

Наталья Кириловна, сопровождаемая патріархомъ и боярами, между которыми были Матвѣевъ, князь Долгорукій,

князь Черкасскій, вывела царя и царевича на Красное крыльцо и поставила ихъ на оградѣ.

Стрѣльцы смолкли и съ недоумѣніемъ посматривали то на царственныхъ братьевъ, то другъ на друга.

— Что же это такое? заговорили нѣкоторые. — Или прежде обманули насъ, или теперь обманываютъ и показываютъ подставнаго царевича?... Надо узнать навѣрное, гдѣ обманъ?...

На крыльцо нельзя было взойти, потому что оно заперто было деревянною рѣшеткою. Стрѣльцы подставили лѣстницы, взлѣзали по нимъ и разсматривали Іоанна съ большимъ вниманіемъ и безцеремонностью, какъ какую нибудь рѣдкостную вещь.

— Ты ли настоящій царевичъ Иванъ Алексѣевичъ? спрашивали они. Кто тебя изъ бояръ измѣнниковъ изводитъ?

— Азъ есмь, отвѣчалъ тихо Іоаннъ, и никто меня не изводитъ.

Сомнѣваться нельзя было въ подлинности царевича. Многіе изъ стрѣльцовъ были совершенно удовлетворены и готовы были отправиться во свояси, но другіе требовали выдачи себѣ Ивана Нарышкина за то, что тотъ надѣвалъ на себя корону. Когда раздались эти крики, Матвѣевъ отворилъ рѣшетку и сошелъ внизъ къ стрѣльцамъ. Увидя его смѣло идущаго къ нимъ, стрѣльцы попятились и смолкли. Тихо и ласково сталъ говорить Матвѣевъ: «Вы видите, что обманули васъ: вамъ сказали, что царевича задушили, а царевичъ живъ. Также обманули васъ и на счетъ Нарышкина», и онъ убѣждалъ ихъ разойтись, не

слушать всѣхъ коварныхъ наговоровъ, напоминалъ имъ прежнія ихъ заслуги государству подъ своимъ начальствомъ, когда они являлись не зачинщиками мятежей, а укротителями.

Эти тихія рѣчи подѣйствовали на стрѣльцовъ такъ, что они готовы были разойтись. Крикъ и шумъ совершенно умолкъ, и Матвѣевъ отправился на верхъ успокоить царицу... Только что ушелъ онъ, какъ князь Долгорукій, ободренный тѣмъ, что стрѣльцы пріутихли и стали пятиться, обратился къ нимъ съ грозною рѣчью и приказалъ тотчасъ же расходиться. Гнѣвъ снова вспыхнулъ у стрѣльцовъ — они бросились на крыльцо, схватили Долгорукаго и бросили его внизъ на подставленныя копья своихъ товарищей. Пронзенный въ нѣсколькихъ мѣстахъ, онъ былъ за тѣмъ изрубленъ въ куски бердышами. Въ ту же минуту, изъ сѣней Грановитой палаты, ворвалась на Красное крыльцо другая толпа стрѣльцовъ, и, побуждаемая сообщниками Милославскаго и Софьи, кинулась на Матвѣева. Наталья Кириловна обхватила его своими руками и не хотѣла отдавать. Князь Черкасскій заслонилъ его своею грудью, но стрѣльцы вырвали несчастнаго старика изъ объятій царицы, оторвали отъ князя и сбросили съ крыльца на площадь, противъ Благовѣщенскаго собора; тамъ приняли его на копья и изрубили. Съ ужасомъ, горько плача, удалилась царица съ сыномъ въ Грановитую палату. Бояре разбѣжались, кто куда могъ, и попрятались.

— Пришла пора разбирать, кто намъ надобенъ, закричали главные руководители бунта, и стрѣльцы, склонивъ

копья, вломились во дворецъ, и стали искать вездѣ бояръ, поименованныхъ въ спискѣ. Даже алтарей не оставили они безъ обыска, шаря своими пиками подъ жертвенниками. Кого находили, схватывали, вытаскивали на Красное крыльцо и сбрасывали на копья.

— Любо! любо! любо! кричали стрѣльцы подъ грохотъ барабановъ и звукъ набата.

Трупы убитыхъ вытаскивали чрезъ Спасскія и Никольскія ворота на Красную площадь, насмѣшливо крича:

— Ѣдетъ бояринъ князь Долгорукій!...

— Дорогу!.. Ѣдетъ бояринъ Матвѣевъ... Посторонитесь — ѣдетъ думный!..

Нарышкиныхъ въ этотъ день не нашли: они спрятались въ теремѣ восьмилѣтней царевны Натальи Алексѣвны, оставленномъ безъ обыска. Тутъ же спрятался и сынъ убитаго Артамона Сергѣевича — Андрей, шестнадцатилѣтній юноша.

Ночь прекратила убійства, которыя возобновились 16 и 17 мая. Всего убито въ эти три дня 65 человѣкъ. Мы не станемъ описывать всѣхъ ужасныхъ сценъ, которыя происходили въ эти кровавые дни — остановимся только на двухъ.

Въ первый день мятежа толпа стрѣльцовъ пришла къ князю Долгорукому, восьмидесятилѣтнему старику, который лежалъ больной въ постели. Это былъ тотъ князь Долгорукій, чей сынъ первый палъ подъ ударами бунтовщиковъ. Стрѣльцы вошли къ нему и стали говорить, что они виноваты передъ нимъ, что убивъ въ своей запальчиво-

сти сына его, они теперь раскаяваются и просятъ у него прощенія. Эта неожиданная вѣсть больно отозвалась въ сердцѣ отца, но онъ пересилилъ свою горесть, не показалъ стрѣльцамъ никакого признака гнѣва своего, и мирно отпустилъ ихъ, приказавъ даже выкатить имъ бочку вина. Но когда они скрылись за дверью, князь заплакалъ и проговорилъ гнѣвно: — «Добро, щуку они съѣли, но зубы ея остались!» — намекая этимъ на то, что стрѣльцы поплатятся за свои убійства. Холопъ князя слышалъ эти слова и передалъ стрѣльцамъ. Разсвирѣпѣвъ мгновенно, они ворвались въ комнату къ несчастному старику, стащили его съ постели, выволокли за ворота, изрубили его тѣло и бросили въ навозную кучу.

На другой день Нарышкины и молодой Матвѣевъ спрятались на половинѣ царевны Маѳы Алексѣевны, въ чуланѣ, заваленномъ пуховиками и перинами. Пьяные стрѣльцы, искавшіе вчера Ивана Кириловича, брата царицы, и требовавшіе выдачи его у самой Натальи Кириловны, пришли и въ этотъ день во дворецъ съ тѣмъ же настоятельнымъ требованіемъ. Постельница Маѳы Алексѣевны, запрятавъ несчастныхъ за пуховики, хотѣла запереть дверь на замокъ, но Андрей Артамоновичъ воспротивился этому, сказавъ, что если дверь будетъ заперта, то стрѣльцы непремѣнно обшарятъ всю комнату и разворочаютъ всѣ перины, а потому, для отклоненія подозрѣнія, лучше оставить дверь полуотворенною. Такъ и сдѣлали. Стрѣльцы съ криками бѣгали по дворцу, ища Нарышкина, заглядывали

въ чуланъ, прокалывали пуховики копьями, но, обманутые полуотворенною дверью, обыска не дѣлали.

— Тутъ видно были ужъ наши, такъ измѣнниковъ здѣсь нечего искать, говорили они, приправляя свою рѣчь ругательствами, и уходили.

Вечеромъ удалились стрѣльцы, убивъ нѣсколько человѣкъ.

На третій день они снова пришли и съ угрозами требовали Нарышкина. «Если не выдадите, мы перебьемъ всѣхъ бояръ», говорили они.

Вышла къ нимъ Софья Алексѣевна, на которую стрѣльцы стали уже смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на свою покровительницу и защитницу, и приказавъ имъ обождать у золотой рѣшетки, сама пошла къ царицѣ.

— Брату твоему не избавиться отъ стрѣльцовъ, сказала она Натальѣ Кириловнѣ, — не погибать же намъ всѣмъ за него — нужно выдать сегодня же.

Царица плакала. Бояре умоляли ее избавить ихъ отъ смерти, находя совѣтъ царевны очень благоразумнымъ. Что было дѣлать? Рыдающая царица вмѣстѣ съ Софьею вошла въ церковь Спаса, куда приказала привести брата своего. Тутъ, исповѣдавшись и пріобщившись св. таинъ, онъ приготовился къ смерти. Царевна сожалѣла объ немъ—притворно ли, истинно ли—Богъ ее знаетъ, говоря, что выдача его стрѣльцамъ совершенно необходима.

—Государыня царевна, отвѣчалъ ей Иванъ Кириловичъ, я не боюсь смерти, и иду на нее, желая искренно, чтобъ смертью моею кончилось кровопролитіе.

—Вотъ образъ Богоматери, сказала царевна, подавая его царицѣ, — пускай возьметъ его Иванъ Кириловичъ. Можетъ быть, стрѣльцы устрашатся святой иконы и не тронутъ его.

Царица приняла образъ и передала его брату.

Все это дѣлалось несовсѣмъ скоро. Бояре трусили и показывали величайшее нетерпѣніе. Одинъ изъ нихъ, Одоевскій, сказалъ царицѣ:

—Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть брата, а отдавать нужно будетъ; а тебѣ, Ивану, скорѣе идти отсюда надобно, чѣмъ намъ всѣмъ погубленнымъ быть.

Наконецъ выдали Нарышкина стрѣльцамъ. Они схватили его и повели въ застѣнокъ, гдѣ долго мучили и допрашивали. Нарышкинъ твердо перенесъ пытку и на всѣ обвиненія молчалъ. Полуживаго вывели его на Красную площадь, подняли на копья и разсѣкли бердышами. Убивъ потомъ одного Нѣмца, стрѣльцы пришли ко дворцу.

—Теперь мы довольны, сказали они. Дай Богъ здоровья царю государю. Пускай самъ управится съ остальными, а мы рады умереть за него, за обѣихъ государынь, за царевича и царевенъ.

Убійства прекратились, но стрѣльцы продолжали пьянствовать и безчинствовать, ходя ватагами по улицамъ и наводя на жителей великій страхъ.

Въ этотъ же день молодой Матвѣевъ былъ отведенъ съ царскаго дворца карломъ царя Петра—Никитою Комаремъ. Карликъ одѣлъ Андрея Артамоновича въ простое платье конюха и велѣлъ ему смѣло идти за собою. Взгромоздив-

шись на лошадь, карликъ поѣхалъ впередъ, а Матвѣевъ пошелъ за нимъ пѣшкомъ. Такимъ образомъ они миновали Кремль, Бѣлый городъ и за Смоленскими воротами Комарь сдалъ Матвѣева родственнику своему стремянному конюху Кирилѣ Суворову, жившему во дворѣ у священника. Матвѣевъ назвался Кондратьемъ и, живя у разныхъ простыхъ людей, спасся отъ смерти, и былъ въ послѣдствіи очень полезнымъ слугою царя Петра.

Тѣла убитыхъ три дня валялись на Красной площади, и стрѣльцы никому не позволяли хоронить ихъ, да никто и не осмѣливался утруждать стрѣльцовъ подобною просьбою. Не дожидаясь, пока позволятъ убрать предавшіеся уже гніенію трупы, крещеный арапъ Матвѣева, по имени Иванъ, смѣло явился на Красную площадь, отыскалъ трупъ своего господина, и, не обращая вниманія на караульныхъ стрѣльцовъ, собралъ обезображенные останки Артамона Сергѣевича въ простыню, принесъ въ домъ его, и призвавъ ближнихъ боярскихъ родственниковъ и служителей церкви Св. Николая-Столпа, что́ на Покровкѣ, предалъ погребенію. Въ послѣдствіи надъ могилою Матвѣева была поставлена часовня, существующая и до сихъ поръ, и вѣрный слуга покоится рядомъ съ господиномъ своимъ.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

ОБЩ. БИБЛИОТЕКА

2р